К. ОБЕРУЧЕВЪ.

ВЪ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ

ВОСПОМИНАНІЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1917-го ГОДА.

ИЗДАНІЕ „НАРОДОПРАВСТВА"
133 Second Avenue, New York, N. Y.
1919

True translation filed with the Postmaster of New York, N. Y., on the 18th of February, 1919, as required by the Act of October 6th, 1917.

К. ОБЕРУЧЕВЪ.

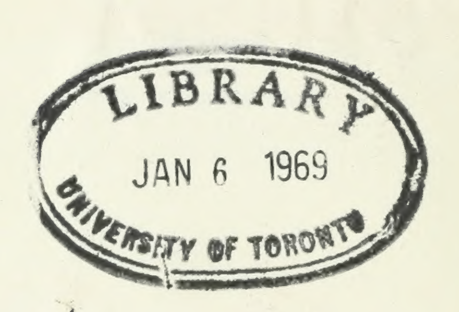
ВЪ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ

ВОСПОМИНАНІЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1917-го ГОДА.

ИЗДАНІЕ "НАРОДОПРАВСТВА"
133 Second Avenue, New York, N. Y.
1919

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ГОДЫ ИЗГНАНІЯ. — ВЪ ШВЕЙЦАРІИ И АМЕРИКѢ. — АГОНІЯ СТАРОЙ ВЛАСТИ.

Автору настоящихъ бѣглыхъ воспоминаній пришлось пережить всю красоту революціоннаго періода, видѣть тотъ порывъ, который объялъ всѣхъ въ моментъ переворота, принимать участіе въ попыткахъ строительства новой Россіи и наблюдать, вмѣстѣ съ тѣмъ, то разложеніе демократическихъ силъ, которое началось въ Россіи, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, и привело, наконецъ, къ временному торжеству анархическаго большевизма, захватившаго въ послѣднее время власть.

Когда я пишу настоящія воспоминанія въ тихомъ и уютномъ уголкѣ безмятежной и незатронутой войной Швеціи, тамъ на моей родинѣ возсталъ братъ на брата, и въ потокахъ крови грозитъ захлебнуться свобода, только что родившаяся въ странѣ и не успѣвшая еще окрѣпнуть.

За послѣдніе восемь мѣсяцевъ жизни пришлось такъ много пережить, перечувствовать и передумать, что просто трудно остановиться мыслію на какомъ либо эпизодѣ, какой либо детали, чтобы освѣтить жизнь надлежащимъ образомъ, безъ риска запутаться, и вмѣсто правдивой картины жизни дать эскизъ въ неправильномъ освѣщеніи.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я буду излагать только то, свидѣтелемъ или участникомъ чего я былъ самъ. Пусть, благодаря этому, сузится кругъ моихъ наблюденій и читатели вмѣсто полной картины россійской революціи во всемъ ея огромномъ масштабѣ получатъ только одинъ уголокъ этой мятежной жизни, но за то я могу имъ гарантировать, что разсказана и показана имъ будетъ правда жизни этого небольшого уголка.

Таковы мои обѣщанія и таково мое искреннее желаніе.

Необходимое предупрежденіе. Я случайно остановился въ Швеціи, возвращаясь съ копенгагенской конференціи по вопросу объ обмѣнѣ военноплѣнными и улучшеніи ихъ быта. Ѣхалъ я съ товарищами по делегаціи послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ представителями нашихъ противниковъ, во время которыхъ выяснилось желаніе всѣхъ сдѣлать возможно больше блага для этихъ несчастныхъ жертвъ войны. Ѣхали мы съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Россію, чтобы тамъ до-

биться отъ Временнаго Правительства скорѣйшаго утвержденія нашихъ соглашеній и скорѣе провести ихъ въ жизнь и облегчить тѣмъ самымъ участь обездоленныхъ.

Но не удалось намъ это. Въ столицѣ Россіи группа лицъ совершила переворотъ. Правительство, поставленное революціей, и ведшее народъ и страну къ Учредительному Собранію, оказалось свергнутымъ, и намъ некому докладывать, не отъ кого получать санкціи на осуществленіе того, надъ чѣмъ всѣ мы работали съ вѣрой въ полезность нашей работы и надеждой на самое скорое проведеніе ея въ жизнь.

Послѣ этихъ необходимыхъ замѣчаній я позволю себѣ приступить къ разсказу.

Но прежде, чѣмъ начать повѣствованіе о красотѣ раскрывшейся передъ народами Россіи жизни, мнѣ нужно остановиться нѣсколько на періодѣ, непосредственно предшествовавшемъ революціи, на годахъ моего невольнаго отсутствія изъ страны именно въ то время, когда тамъ назрѣвали и подготовлялись великія событія.

Это время, годы войны, я провелъ въ изгнаніи.

О нихъ пишу я не для того, чтобы знакомить читателей съ моей біографіей. Нѣтъ, это необходимо для того, чтобы многое изъ пережитаго мною во время революціи стало яснѣе читателямъ, не знакомымъ съ обычными условіями жизни россіянъ.

Я вспоминаю свои юные годы. Еще мальчикомъ я заинтересовался нѣкоторыми явленіями общественной жизни и зналъ имена революціонныхъ дѣятелей того времени. Это было время такъ называемаго движенія въ народъ, охватившаго широкіе круги русской интеллигенціи. Молодежь, полная вѣры въ то, что нашъ народъ, живущій въ общинѣ, полонъ соціалистическихъ настроеній, пошла въ деревню съ проповѣдью соціализма и призывомъ къ иному устройству жизни, на новыхъ началахъ, такъ хорошо знакомыхъ народу, но еще не оформившихся въ его сознаніи. Имена этихъ глубоко преданныхъ интересамъ народа людей сохранились въ моей памяти съ дѣтскихъ лѣтъ, и я былъ счастливъ встрѣтиться съ этими свѣточами русской революціи, дожившими до настоящихъ дней и принесшими на склонѣ дней своихъ на алтарь революціи всю свою вѣру въ торжество правды на землѣ.

Къ юношескимъ годамъ моимъ, къ тому возрасту, когда особенно открывается умъ и сердце на все свѣтлое, мечтатели народники-соціалисты были разгромлены и на развалинахъ ихъ организацій народи-

лась одна, чисто политическая партія — "Народная Воля", — дѣятели которой, хотя и исповѣдывали соціализмъ, но считали необходимымъ вести съ правительствомъ борьбу прежде всего за политическую свободу родного народа, за созданіе въ странѣ такихъ условій, при которыхъ возможно свободное развитіе народа.

Однимъ изъ методовъ борьбы, предлагавшихся дѣятелями этой партіи, былъ захватъ власти путемъ вооруженнаго возстанія и привлеченія къ этому войска, для чего въ войскѣ, среди, главнымъ образомъ, офицеровъ велась усиленная пропаганда и создавалась спеціально военная революціонная организація. Наибольшее развитіе эта отрасль дѣятельности получила въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, послѣ 1 марта 1881 года. Но въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, усердіемъ предателя Дегаева военнореволюціонная организація провалилась и среди офицерства произведены были крупные аресты. Послѣ этого процессъ слѣдовалъ за процессомъ, и во второй половинѣ этого десятилѣтія отъ военно-революціонныхъ организацій "Народной Воли" ничего не осталось.

Идеями и методами борьбы "Народной Воли" я интересовался съ юныхъ лѣтъ. Во время же разгрома "Народной Воли" я былъ уже офицеромъ въ Артиллерійской Академіи, и здѣсь намъ, нѣсколькимъ товарищамъ, пришла мысль возродить военную организацію. Это было въ 1888 году, а въ 1889 году мы всѣ уже были арестованы и посажены въ Петропавловскую крѣпость.

Не буду описывать интересныхъ переживаній въ этой знаменитой тюрьмѣ. Не въ этомъ сейчасъ дѣло. Послѣ болѣе чѣмъ полугодового сидѣнія всѣхъ насъ безъ суда разослали по отдаленнымъ округамъ подъ надзоръ полиціи и начальства. На мою долю выпалъ Туркестанскій край, гдѣ я и провелъ около десяти лѣтъ жизни въ постоянныхъ скитаніяхъ съ одного мѣста на другое.

Наступилъ 1905 годъ, годъ революціи. Я былъ тогда въ Кіевѣ, гдѣ благодаря нѣкоторымъ политическимъ выступленіямъ (я примыкалъ тогда къ соціалистамъ-революціонерамъ) разошелся съ генераломъ Сухомлиновымъ во взглядахъ на текущій моментъ и мнѣ вновь пришлось прокатиться въ Туркестанъ; но теперь я ѣхалъ уже съ опредѣленнымъ готовымъ рѣшеніемъ покончить съ военной службой: начиналась полоса реакціи и слишкомъ много компромиссовъ она требовала отъ офицера, особенно штабъ-офицера, каковымъ я былъ въ то время. И послѣ полугодовыхъ скитаній по ширямъ и высямъ Туркестана (за полгода я проѣздилъ свыше сорока тысячъ верстъ) вы-

шелъ въ 1907 году въ отставку, чтобы отдаться любимому литературному труду, которымъ занимался еще будучи на службѣ.

Здѣсь, конечно, жандармы и полиція не оставляли меня своимъ милостивымъ вниманіемъ, и когда въ 1909 году въ частяхъ корпуса, гдѣ я въ 1904 году командовалъ батареей, были произведены аресты и создавалось дѣло о военнореволюціонной организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, жандармы вспомнили меня и привлекли къ суду. Судъ въ 1910 году оправдалъ меня, военный судъ, судившій по законамъ военнаго времени съ угрозой смертной казни, и это лишило возможности чиновника департамента полиціи, ведшаго слѣдствіе, добиться высылки меня въ административномъ порядкѣ, что онъ обѣщалъ во время слѣдствія. Правда, что не удалось ему въ то время, онъ успѣлъ исполнить въ недалекомъ будущемъ. Въ поискахъ работы я пріѣхалъ въ концѣ 1913 года въ Петроградъ и тутъ, благодаря усиленному вниманію охраннаго отдѣленія, былъ вновь арестованъ, а точившій на меня зубы чиновникъ департамента полиціи сумѣлъ мое "дѣло" представить въ такомъ видѣ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Н. А. Маклаковъ, рѣшилъ выслать меня административно, назначивъ мѣстомъ ссылки Олонецкую губернію, ея сѣверный Повѣнецкій уѣздъ. Затѣмъ эта мѣра была измѣнена въ смыслѣ предоставленія мнѣ права выѣхать на три года заграницу, безъ права возвращенія въ Россію до января 1917 года.

Въ началѣ 1914 года я выѣхалъ изъ Кіева въ направленіи къ Швейцаріи.

Эту маленькую страну я выбралъ для постояннаго невольнаго пребыванія потому, что мнѣ представлялась она страной свободной, гдѣ многому можно поучиться. Къ тому же меня манила природа ея: я такъ полюбилъ горы и прогулки въ горахъ, когда былъ въ Туркестанѣ!

Русская граница у Александрово. Суровый допросъ жандармскаго офицера. Тутъ же вручаютъ мнѣ заграничный паспортъ, и я уже въ Германіи. На станціи Торнъ мой документъ почему то обратилъ вниманіе германскаго жандарма и въ то время, какъ всѣмъ моимъ спутникамъ были возвращены паспорта тутъ же въ вагонѣ, меня потребовали на станцію и тамъ долго не хотѣли меня отпустить. Ихъ вниманіе было привлечено моимъ чиномъ. Дѣло въ томъ, что слова "отставной полковникъ" на нѣмецкомъ языкѣ были переведны просто "оберстъ", и, повидимому, именно это обстоятельство, что къ нимъ въ февралѣ мѣсяцѣ ѣдетъ зачѣмъ то русскій "оберстъ", и привлекло

вниманіе пограничныхъ жандармовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и настойчивыхъ указаній, что я "отставной полковникъ", пришли мы, наконецъ, къ благополучному разрѣшенію вопроса, и пропускной штемпель былъ, наконецъ, поставленъ на моемъ паспортѣ.

Короткая, на нѣсколько дней, остановка въ Берлинѣ, и вотъ я въ Швейцаріи, которая такъ манила меня своей чарующей красотой.

Ѣхалъ я въ Швейцарію съ тѣмъ, чтобы годами ссылки воспользоваться для всесторонняго ознакомленія съ жизнью этой маленькой, но чрезвычайно интересовавшей меня республики. Я хотѣлъ погрузиться во всѣ детали жизни ея. Какъ соціалистъ и сторонникъ уничтоженія регулярныхъ армій и созданія милиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ военный спеціалистъ, я началъ свое ознакомленіе съ военнаго дѣла и оригинальной постановки его въ Швейцаріи.

Мои русскіе друзья дали мнѣ возможность подойти вплотную къ военному дѣлу и арміи въ Швейцаріи. Вскорѣ послѣ пріѣзда, я уже посѣщалъ школу рекрутъ пѣхоты въ Лозаннѣ, а также и ѣздилъ на занятія въ школу рекрутъ артиллеріи.

Полны интереса были эти наблюденія, и тутъ то я на практикѣ убѣдился, что требованія соціалистовъ о введенія милиціонной системы организаціи вооруженныхъ силъ страны не являются угрозой для ея существованія; нѣтъ, милиція — это реальная сила, достаточная для обороны, мощная.

Здѣсь не мѣсто говорить объ организаціи милиціи и ея значенія, какъ вооруженной силы; но я не могу обойти молчаніемъ одинъ весьма любопытный эпизодъ.

Я былъ на стрѣльбѣ артиллерійской школы рекрутъ въ Біерѣ. Это была всего четвертая недѣля обученія только что начавшихъ изучать военное дѣло рекрутъ. Тутъ же въ числѣ присутствовавшихъ оказался пѣхотный офицеръ подполковникъ одного изъ французскихъ полковъ, расположенныхъ по ту сторону Лемана, въ Савойяхъ. Само собою разумѣется, мы заговорили съ нимъ по жгучему тогда для французской арміи вопросу о двухъ и трехлѣтнихъ срокахъ службы.

Онъ сразу отрекомендовался мнѣ сторонникомъ трехлѣтней службы; я не скрылъ отъ него, что я склоняюсь къ двухлѣтней, если почему либо нельзя прямо перейти къ милиціонной системѣ, т. е. такой, при которой отъ гражданина, обязаннаго защищать родину, требуется минимумъ затраты времени и силъ для подготовки къ этой тяжелой и вмѣстѣ съ тѣмъ почетной обязанности.

Началась стрѣльба. Батарея, послѣ мѣсячной всего подготовки

рекрутъ и управляемая офицеромъ милиціи, въ обычной жизни народнымъ учителемъ, стрѣляла превосходно. Когда, послѣ окончанія стрѣльбы, начальникъ школы пошелъ на батарею для разбора и замѣчаній, мы съ подполковникомъ, по понятной скромности, остались въ сторонѣ и тутъ дѣлились впечатлѣніями. Онъ, какъ и я, былъ пораженъ видѣннымъ; но когда я ему указалъ на это, какъ на доказательство, что длинные сроки службы для дѣйствительной подготовки войскъ не нужны, онъ отвѣтилъ обычной въ такихъ случаяхъ фразой: "Да въ Швейцаріи это возможно, а во Франціи нѣтъ".

Но это между прочимъ.

Я усердно посѣщалъ школы рекрутъ, бывалъ на провѣрочныхъ мобилизаціяхъ нѣкоторыхъ частей войскъ, бывалъ на маневрахъ, и всегда выносилъ впечатлѣніе, что швейцарцы сумѣли создать свою сильную для обороны страны армію съ минимумомъ отягощенія для этой цѣли гражданъ. Правда, та интенсивность работы, которую мнѣ пришлось наблюдать въ швейцарскихъ школахъ рекрутъ, не можетъ сравниться съ безполезной растратой времени при продолжительныхъ срокахъ службы въ Россіи и, думаю, въ другихъ странахъ, гдѣ существуютъ регулярныя казарменныя арміи.

Я хотѣлъ пройти всѣ курсы швейцарской арміи, что бы возвратившись въ Россію имѣть право говорить о милиціи, какъ вооруженной силѣ, не только въ силу партійной программы и требованія соціалистическихъ группъ и книжнаго знакомства съ нею, но и на основаніи непосредственнаго знакомства съ постановкой дѣла обученія, организаціи, снабженія и т. п. той силы, которая называется народной милиціей.

Я хотѣлъ въ совершенствѣ изучить эту силу, чтобы явиться проводникомъ ея въ русской жизни, какъ только явится къ тому возможность, а въ близость этой возможности я вѣры не терялъ, несмотря на мрачные дни реакціи, которые переживала тогда моя страна.

Но случилось нѣчто, что прервало мои наблюденія. 1 августа разгорѣлся въ Европѣ военный пожаръ, и мирная и покойная жизнь той маленькой страны, въ которой я нашелъ гостепріимный кровъ, какъ изгнанникъ изъ родины, была нарушена.

Я помню первые тревожные дни, когда не былъ еще рѣшенъ вопросъ, куда Германія направитъ свои полчища — на Бельгію или на Швейцарію. Двумъ нейтральнымъ странамъ угрожала непосредственная опасность. И если послѣ нѣкотораго колебанія Вильгельмъ направилъ свои войска на Бельгію, то въ этомъ отношеніи сыграло

роль не только то обстоятельство, что Бельгія является для Германіи хорошимъ плацдармомъ для разворачиванія своихъ силъ противъ Франціи и Англіи, но еще и то, что за два года до войны императоръ Вильгельмъ былъ на маневрахъ и въ Бельгіи и въ Швейцаріи, и ознакомился съ арміями той и другой страны, и призналъ большую силу сопротивленія швейцарской милиціи.

Я этимъ отнюдь не хочу сказать что-нибудь скверное относительно бельгійской арміи. Нѣтъ, проживъ въ Бельгіи за годъ до войны почти цѣлый годъ, я успѣлъ полюбить эту страну, и когда ее разрушали мнѣ было особенно больно, ибо съ каждымъ новымъ именемъ разрушеннаго города у меня было связано много личныхъ воспоминаній. Что же касается арміи, то ея героическое поведеніе во время войны заслуживаетъ только уваженія и восторга. Но, вѣдь, это была регулярная армія, своими кадрами связанная съ опредѣленными гарнизонами, а вслѣдствіе этого не столь подвижная и быстро и легко мобилизуемая, какъ швейцарская милиція. Кромѣ того, въ 1912 году императоръ Вильгельмъ былъ на маневрахъ въ Бельгіи и наблюдалъ осаду Льежа, при чемъ отъ него и его штаба не было скрыто ничего. А въ штабѣ Вильгельма находился... тотъ самый генералъ Эммихъ, который командовалъ войсками, направленными противъ Льежа: онъ зналъ крѣпость не хуже, чѣмъ ея защитники.

Но возвратимся къ Швейцаріи.

Какъ только вспыхнула война, Швейцаріи пришлось мобилизовать всѣ свои силы, и она ощетинилась тысячами штыковъ противъ возможныхъ противниковъ. По понятной скромности, какъ только была объявлена военная мобилизація, я немедленно отошелъ отъ швейцарской арміи и больше къ ней не подходилъ.

Какъ только вспыхнула война, естественно пришлось отойти отъ наблюденія обычной швейцарской жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ войной явилась забота о своихъ русскихъ, оказавшихся въ тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе войны; въ дальнѣйшемъ пришлось удѣлить много вниманія нашимъ военноплѣннымъ, этимъ жертвамъ войны, нуждавшимся въ помощи и вниманіи изъ-загрницы, тѣмъ болѣе, что старое правительство смотрѣло на плѣнныхъ, какъ на измѣнниковъ, и первое время совершенно не разрѣшало въ Россіи помогать имъ.

И вотъ, въ процессѣ работы помощи нашимъ соотечественникамъ мнѣ пришлось наблюдать ту великую гуманитарную роль, которую играла Швейцарія во время войны съ самаго начала и до настоящаго времени.

Достаточно сказать, что международное бюро розыска военноплѣнныхъ, обслуживаемое болѣе чѣмъ двумя тысячами швейцарскихъ гражданъ и гражданокъ, работающими совершенно безвозмездно, дало успокоеніе многимъ и многимъ тысячамъ обитателей воюющихъ странъ и оказало помощь и поддержку плѣннымъ. Укажу на дѣятельность швейцарской почты, обслуживающей плѣнныхъ и ихъ родственниковъ, пересылая всю ихъ корреспонденцію, — милліоны писемъ, переводовъ и посылокъ, — совершенно безплатно. Государство при этомъ несетъ огромные убытки, и почтово-телеграфное вѣдомство, дававшее въ былое время доходъ государству, въ годы войны приноситъ дефицитъ и постоянно требуетъ все новыхъ и новыхъ ассигнованій.

Вспоминаю съ благодарной памятью и муниципалитетъ города Лозанны, который съ первыхъ дней войны пришелъ на помощь россіянамъ тѣмъ, что далъ въ распоряженіе комитета помощи семь квартиръ, которыя были омеблированы доброхотными пожертвованіями швейцарцевъ, и дали возможность пріютить нуждающихся въ такомъ пріютѣ россіянъ, прибывшихъ изъ Германіи и Австріи въ первые дни войны. И много, много вспоминается мнѣ случаевъ проявленія лучшихъ чувствъ со стороны швейцарцевъ къ пострадавшему человѣчеству, и благодарная память объ этомъ періодѣ пребыванія моего въ Швейцаріи сохранится на долгіе годы.

Безпристрастный историкъ своевременно разберетъ и оцѣнитъ этотъ періодъ жизни швейцарскаго народа и его лучшихъ порывовъ, а я перейду къ дальнѣйшему разсказу.

Война началась, и я, профессіоналъ-военный, хотя и отставной, считалъ своимъ долгомъ запросить военныя власти въ Россіи, нужны ли мои скромныя силы и знанія въ настоящее трудное время, переживаемое моей родиной. И запросилъ, не скрывъ при этомъ, что я административно высланный и не имѣю права въѣзда въ Россію до половины января 1917 года. Возрастъ мой былъ таковъ, что службой я былъ обязанъ, а состояніе здоровья не оставляло желать ничего лучшаго.

И тѣмъ не менѣе русскія военныя власти не нашли возможнымъ допустить меня къ участію въ защитѣ родины на поляхъ сраженія, хотя имъ не безызвѣстно было, что даже будучи въ отставкѣ, я продолжалъ работать по военнымъ вопросамъ, и статьи мои о стрѣльбѣ артиллеріи регулярно печатались въ офиціальномъ журналѣ артиллерійскаго вѣдомства, даже въ годы войны.

Но таковъ былъ страхъ стараго правительства передъ призракомъ революціи.

Рядомъ съ дѣломъ помощи нуждающимся россіянамъ и военноплѣннымъ въ русской колоніи Швейцаріи шла и другая жизнь. Надо сказать, что значительный контингентъ россіянъ, живущихъ въ Швейцаріи, составляютъ русскіе эмигранты, волею судебъ и изволеніемъ начальства, пребывающіе въ теплыхъ и гостепріимныхъ странахъ Запада, въ частности и въ Швейцаріи. Война увеличила эту колонію пришельцами изъ Германіи и Австріи, успѣвшими убраться оттуда и перекочевавшими въ Швейцарію.

Интересъ къ текущимъ событіямъ и войнѣ оживилъ эмигрантскіе круги, и началась полоса рефератовъ. Тутъ то мнѣ пришлось вплотную столкнуться съ тѣми людьми, которые въ настоящую тяжелую пору Россіи являются главнѣйшими ея дѣятелями, ведущими только что народившуюся россійскую республику по пути, если не къ гибели, то къ неизвѣстности.

Однимъ изъ первыхъ референтовъ былъ Ленинъ.

Въ половинѣ августа въ залѣ № 6 лозанскаго народнаго дома, скромномъ залѣ, былъ назначенъ рефератъ Ленина — о причинахъ войны.

Интересуясь не только темой, но и самимъ лекторомъ, котораго я не видалъ ни разу, я, конечно, въ назначенное время былъ уже на мѣстѣ. Нужды нѣтъ, что мы, русскіе, привыкли всегда опаздывать и не жалѣть ни своего, ни чужого времени. Я все же въ срокъ былъ у дверей зала № 6.

Долго пришлось прождать.

Наконецъ, начался рефератъ.

Предо мной Ленинъ, тотъ Ленинъ, о которомъ его почитатели отзывались съ такой похвалой, восторгомъ и особымъ почитаніемъ...

Внѣшнимъ видомъ я не былъ удовлетворенъ. Не было ни интеллигентности въ лицѣ, ни того энтузіазма въ рѣчи, который невольно заражаетъ и внушаетъ особое довѣріе къ словамъ пророка.

Онъ началъ докладъ съ оцѣнки имперіалистическихъ устремленій всѣхъ воюющихъ державъ, причемъ всѣхъ рѣшительно подводилъ подъ общій шаблонъ: и развитую экономически Германію, страдавшую отъ фабричнаго перепроизводства и отсутствія рынковъ, уже захваченныхъ другими, ранѣе ея пришедшими на арену исторіи и успѣвшими раздѣлить новый міръ, и Россію, экономически отсталую

какъ въ области производства, добыванія сырья, такъ и въ сферѣ переработки его.

Всѣ онѣ, по мнѣнію лидера большевиковъ, вошли въ имперіалистическую фазу капиталистическаго періода и, какъ таковыя, всѣ одинаково отвѣтственны за настоящую войну, и всѣ имѣютъ одинаковыя устремленія. Это онъ объяснилъ въ теченіе первыхъ пятнадцати минутъ своей лекціи, а затѣмъ въ различныхъ варіантахъ повторялъ ту же мысль. Мнѣ стало скучно, но я не ушелъ послѣ перерыва, а остался дослушать до конца. Закончилъ онъ указаніемъ на то, что міръ уже созрѣлъ для соціальной революціи, и стоитъ только русскимъ соціалистамъ начать борьбу со своими капиталистами и повернуть противъ нихъ свои штыки, какъ соціалисты всѣхъ странъ сдѣлаютъ немедленно то же самое. Таково было его убѣжденіе, мнѣ казалось, искреннее. Онъ не позировалъ, онъ говорилъ то, что думалъ.

Меня поразило слишкомъ упрощенное міросозерцаніе этого лидера политической партіи, которой придавали большое значеніе. И я объяснилъ это тѣмъ, что предо мной былъ человѣкъ ограниченный, не понявшій и не желающій понять всей сложности современной жизни, всѣхъ нюансовъ и оттѣнковъ ея, а отдѣлившій для себя только одинъ уголокъ ея, — область элементарныхъ экономическихъ отношеній, — и подмѣнившій имъ всю жизнь во всей ея совокупности. Принявъ часть вмѣсто цѣлаго, онъ упростилъ, конечно, свое отношеніе къ жизни, и, благодаря этому, выводы его теоріи производили впечатлѣнія чего то стройнаго, яснаго и понятнаго, что обезпечивало его формуламъ быть понятными и воспринятыми самыми широкими массами и массами наиболѣе некультурными. Въ этомъ, мнѣ кажется, залогъ успѣха его тамъ, гдѣ не привыкли принимать жизнь во всей ея сложности и упрощенныя формулы даютъ какъ бы ключъ къ разрѣшенію всѣхъ жизненныхъ проблемъ.

Таковъ былъ Ленинъ, какъ онъ представился мнѣ при первой встрѣчѣ съ нимъ.

Еще сильнѣе мое мнѣніе укрѣпилось, когда уже примѣрно года черезъ полтора я въ томъ же залѣ № 6 слышалъ его докладъ объ отношеніи къ войнѣ соціалистовъ разныхъ странъ. Это было время страстной полемики между такъ называемыми соціалъ-патріотами и такъ называемыми соціалъ-интернаціоналистами. Я слѣдилъ за этой борьбой въ процессѣ ея развитія, и на собраніяхъ и митингахъ, и по заграничной печати, и для меня не была новой точка зрѣнія Ленина. Но рефератъ, который онъ прочиталъ на эту тему, былъ до нельзя

скученъ и недоказателенъ. Цитатами изъ газетъ разныхъ странъ онъ стремился доказать, что патріотическое настроеніе среди соціалистовъ всѣхъ странъ падаетъ и растетъ зато настроеніе интернаціоналистическое. Доказать этого ему не удалось, но суть то дѣла не въ томъ. Какъ симплификаторъ, онъ совершенно не могъ понять того, что могли быть соціалисты, стоящіе на интернаціоналистической точкѣ зрѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могущіе же считаться съ фактомъ войны и запутанности вопроса объ отношеніи къ ней съ точки зрѣнія обороны страны, находящейся въ опасности. Онъ какъ то совершенно не касался вопроса о томъ, что на собраніяхъ интернаціонала вопросъ объ оборонѣ родной страны затрагивался не разъ и ни разу не былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Наоборотъ, въ программахъ всѣхъ соціалистическихъ партій стоялъ пунктъ объ организаціи милиціи для обороны страны.

Ограниченный кругозоръ, отсутствіе гибкости и прямолинейность, доходящая до крайности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе порыва, способнаго васъ увлечь, — таковы черты Ленина, какъ онъ представляется мнѣ по его докладамъ и литературнымъ выступленіямъ.

Не таковъ Троцкій. Это человѣкъ весьма гибкаго ума, ловкій и искусный полемистъ, легко отвѣчающій, правда, иногда въ чрезмѣрной грубой формѣ, своему оппоненту. Его доклады, если не бывали глубоки по содержанію, то по формѣ они обыкновенно блестящи. Онъ не былъ въ сужденіяхъ своихъ столь прямолинейнымъ, какъ Ленинъ, и въ то время, когда я былъ въ Швейцаріи, а затѣмъ въ Парижѣ, онъ не былъ еще большевикомъ. Правда, въ качествѣ меньшевика-интернаціоналиста и руководителя издававшейся въ Парижѣ газеты "Наше Слово", онъ занималъ позицію, приближавшуюся къ теченію большевистскому настолько, что его партійнымъ единомышленникамъ, съ которыми онъ былъ вмѣстѣ въ Организаціонномъ Комитетѣ, приходилось выступать не разъ противъ него, даже на страницахъ редактировавшагося имъ же органа. Вспомнимъ хотя бы полемику его съ Мартовымъ, не перечисляя всѣхъ несогласномыслящихъ. Повторяю, онъ не былъ въ то время большевикомъ, но несомнѣнно склонялся къ нему по мѣрѣ того, какъ на пути его публицистической дѣятельности въ Парижѣ французское правительство ставило препятствія.

Но даже тогда, когда онъ пріѣхалъ въ Америку, послѣ высылки изъ Франціи, онъ не былъ еще большевикомъ, хотя склонность его къ этому теченію проявилась уже сильно, и обольшевиченіе его происходило тамъ, не безъ вліянія болѣе молодыхъ и менѣе замѣтныхъ товарищей.

Процессъ обольшевиченія вообще происходилъ какъ то незамѣтно. И, напримѣръ, теперь въ рядахъ большевиковъ я встрѣтилъ г. Чудновскаго, который въ Америкѣ не занималъ ясно выраженной большевистской позиціи: подчеркивая въ бесѣдахъ и въ статьяхъ въ "Новомъ Мірѣ" свой интернаціонализмъ, онъ рѣзко отмежевывался отъ большевизма, какъ таковаго.

И если прямолинейность Ленина и его твердокаменность въ политикѣ даютъ основанія считать его просто узкимъ фанатикомъ, то гибкость ума, да и не только ума Троцкаго даютъ мѣсто предположеніямъ иного порядка. Опоздавъ къ революціи, задержавшись нѣсколько въ Америкѣ, Троцкій, еще въ 1905 году бывшій предсѣдателемъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ Петербургѣ и тогда вредившій его дѣятельности, онъ примкнулъ въ Россіи къ тому теченію, которое считало необходимымъ "углублять" революцію, опираясь на шкурные интересы малосознательныхъ, легко поддающихся гипнозу обѣщаній, солдатъ и рабочихъ.

Третій новоявленный министръ, имя котораго часто упоминается теперь въ печати, какъ министра Народнаго Просвѣщенія, Луначарскій, какъ то по недоразумѣнію примкнулъ къ политикѣ. Онъ эстетъ, съ развитымъ художественнымъ чутьемъ и знаетъ искусство, его теорію и исторію. Онъ можетъ быть хорошимъ художественнымъ критикомъ, но въ политикѣ человѣкъ мало искушенный. Я вспоминаю его рефераты въ Швейцаріи на собраніяхъ русской колоніи. И если бы онъ не былъ охваченъ доктринерствомъ до того, что сталъ договариваться до особаго вида искусства — пролетарскаго, то лекція его по литературѣ и искусству могли быть даже интересны. Но, къ сожалѣнію, начиная съ художественной критики и подчасъ тонкаго анализа даннаго автора, онъ обыкновенно переходилъ къ доктринѣ и освѣщалъ автора подъ угломъ зрѣнія пролетарскимъ.

Вспоминаю послѣдній вечеръ, проведенный мною въ швейцарской колоніи передъ экстреннымъ отъѣздомъ моимъ въ Америку. Здѣсь Луначарскій предсталъ хорошимъ декламаторомъ, частью чужихъ, частью своихъ собственныхъ, къ слову сказать — очень удачныхъ, я сказалъ бы, красочныхъ стиховъ, и его декламація оставила самое пріятное впечатлѣніе: видно, что это его сфера, и здѣсь онъ хозяинъ. Но какъ только онъ съ художественныхъ высотъ спускается въ прозу жизни, въ политику, онъ начинаетъ блуждать въ потемкахъ и становится просто скучнымъ, какъ всякій профанъ, взявшійся васъ поучать, не зная самъ чему.

Я не буду вспоминать другихъ встрѣчъ съ представителями россійской эмиграціи, нынѣ выдвинувшихся въ ряды дѣятелей русской революціи, ибо довольно и этихъ трехъ наиболѣе крупныхъ современныхъ персонажей. Съ другими, быть можетъ, мы еще встрѣтимся въ другомъ мѣстѣ.

Я озаглавилъ настоящую главу, между прочимъ, "Агонія старой власти".

Читатель спроситъ меня, почему же я ничего не говорю объ этой агоніи. Да просто потому, что она чувствуется здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ. Систематическое преслѣдованіе и въ административномъ и въ судебномъ порядкѣ такого болѣе чѣмъ скромнаго и не опаснаго для существовавшаго порядка политическаго дѣятеля, какъ я, и боязнь, доходящая до того, что въ пору нужды въ опытныхъ офицерахъ, мнѣ не разрѣшаютъ явиться къ исполненію своего долга, ясно показываютъ, что правительство было слабое и боялось собственной тѣни.

Мы жили въ Швейцаріи. А тамъ, далеко, бился пульсъ русской жизни, страна переживала трагическую пору, а власть, какъ въ свистоплясвѣ, издѣвалась надъ страной. Живыя силы не допускались къ работѣ, и все руководящее ея бралось изъ одного кладезя бюрократовъ. Уже въ томъ фактѣ, что одни лица оставляли министерство, чтобы черезъ короткій промежутокъ вновь вступить въ таковое, ясно проявлялся кризисъ власти, какъ таковой. А вліяніе Распутина и иже съ нимъ на судьбы Россіи? Это ли не знаменательно въ смыслѣ указанія на то, что страна переживаетъ внутри нѣчто трагическое, и что дальше такъ продолжаться не можетъ. Страхъ власти передъ революціонными призраками чувствовался даже заграницей, въ Швейцаріи. Всѣ работники, помогавшіе военноплѣннымъ, но не принимавшіе участія въ оффиціальныхъ правительственныхъ организаціяхъ, были взяты подъ подозрѣніе: и въ этомъ сыскѣ департаменту полиціи помогали дипломатическіе представители Россіи и органы, при нихъ состоявшіе. Сколько ложныхъ доносовъ слали эти дѣятели въ Петербургъ. а тамъ учитывали все и находили, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ и молокомъ и рыбьимъ жиромъ, посылаемымъ людьми, живущими заграницей, нашимъ голоднымъ военноплѣннымъ идетъ, въ лагеря революціонная зараза, отъ которой надо уберечь плѣнныхъ во что бы то ни стало. И нашему комитету, въ концѣ концовъ отказали въ правѣ получать изъ Россіи деньги, и субсидировавшій насъ, какъ своего уполномоченнаго, Московскій Комитетъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе отъ московскаго градоначальника, чтобы деньги намъ болѣе не посылать въ виду

революціоннаго направленія... того хлѣба, который мы пакетами отправляли въ лагеря военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи. Равнымъ образомъ, когда мы подняли вопросъ объ интернированіи въ Швейцаріи нашихъ туберкулезныхъ военноплѣнныхъ, наравнѣ съ французами и германцами, русское правительство не рѣшилось сдѣлать этого, опять таки, боясь революціонной заразы.

Это ли не показатель агоніи власти? Власть металась, чувствуя свою слабость, и поэтому старалась держаться возможно строже.

Такъ отображалась русская жизнь заграницей.

Приближался срокъ окончанія моего невольнаго пребыванія заграницей, вдали отъ родины. И чѣмъ ближе было время возвращенія, тѣмъ острѣе чувствовалась боль разлуки и тѣмъ страстнѣе хотѣлось быть тамъ, въ страдающей, истекающей кровью, угнетаемой насильниками, но все же дорогой и нѣжно любимой родинѣ.

Я началъ считать дни. Каждый день, просыпаясь утромъ, я вычеркивалъ прожитой день.

Въ привычной обстановкѣ, при однообразныхъ условіяхъ сложившейся жизни, хотя и при достаточномъ количествѣ обязательной работы въ дѣлѣ помощи военноплѣннымъ, дни стали проходить тоскливо долго. И я почувствовалъ, что если я останусь здѣсь ждать конца срока своего пребыванія, нервы мои напрягутся и трудно будетъ доживать послѣдніе дни. И я рѣшилъ перемѣнить страну. Кстати, явилась опредѣленная задача. Затрудненія, которыя дѣлало русское правительство въ полученіи средствъ для работы комитета помощи военноплѣннымъ, ставило комитетъ въ безвыходное положеніе, а плѣнныхъ, привыкшими уже получать, хотя и скромную поддержку, отъ даннаго комитета, лишало довольствія.

И взоры, мои обратились на Америку. Я рѣшилъ поѣхать туда, чтобы тамъ обратиться къ русской колоніи и американцамъ о помощи нашимъ страдающимъ въ плѣну братьямъ.

Черезъ двѣ недѣли я уже качался на океанскомъ пароходѣ въ волнахъ Атлантическаго океана по дорогѣ изъ Бордо въ Нью-Іоркъ, снабженный полномочіями отъ нѣсколькихъ общественныхъ организацій помощи военноплѣнныхъ.

Въ срединѣ Іюля 1916 года я высадился на американскомъ берегу въ Нью-Іоркѣ, не имѣя никого знакомыхъ на всемъ материкѣ.

Правда, очень скоро у меня оказались знакомые, а черезъ полгода компанія друзей провожала меня въ томъ же Нью-Іоркѣ, но уже по пути въ Россію, на родину.

Пусть мнѣ пришлось въ Америкѣ очень трудно. Пусть иногда, изъза недостатка средствъ, я просто голодалъ, такъ какъ денегъ у меня своихъ не было, а правительство и его представители рѣшили не присылать мнѣ той скромной пенсіи, которую все время войны регулярно высылали мнѣ черезъ Россійскую Миссію въ Швейцаріи. Если бы не добрые люди, мои случайные знакомые, оказавшіе мнѣ ссуду, я очутился бы на мостовой, выброшеннымъ на произволъ судьбы, со своими порывами собирать средства въ пользу военноплѣнныхъ.

Но этого не случилось. И жизнь въ Америкѣ, хотя и не продолжительную я вспоминаю всегда съ восторгомъ.

У меня были рекомендаціи и къ представителямъ американскаго высшаго свѣта и къ представителямъ американской демократіи. Были рекомендаціи и къ россійской колоніи, столь многочисленной и разнообразной въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Представители высшаго свѣта, принявъ меня весьма любезно, какъ полковника русской службы, рекомендованнаго къ тому же ихъ заокеанскими друзьями, готовы были оказать всяческую помощь; но имъ требовалось немного: имъ хотѣлось имѣть рекомендаціи и отъ оффиціальныхъ русскихъ представителей въ Америкѣ. Но эти представители не могли быть расположены давать мнѣ рекомендаціи, да и я не собирался просить ихъ объ этомъ. Дѣло сбора средствъ я ставилъ на широко общественныхъ началахъ, и только къ силамъ общественнымъ и адресовался. Съ высшимъ американскимъ свѣтомъ ничего не вышло.

За то представители американской демократіи меня поддержали и показали, что подъ холодной внѣшностью сдержаннаго американца бьется горячее сердце.

Съ любовью и особой симпатіей вспоминаю я Миссъ Алисъ-Стонъ-Блаквеллъ, которая не только горячо откликнулась на мой призывъ, но и помогла мнѣ войти въ сношенія съ русской колоніей въ Бостонѣ, къ которой я все никакъ не могъ подойти.

Въ Бостонѣ мнѣ пришлось столкнуться съ литовцами и латышами. Среди литовцевъ чувствовалось три рѣзко разграниченныхъ теченія: соціалистическое, демократическое и клерикальное. Всѣ они были поглощены своими національными дѣлами и, кромѣ добрыхъ словъ, ничего получить отъ нихъ для общаго дѣла не удалось.

Къ латышамъ я попалъ сильно обольшевиченнымъ. Редакторъ газеты, къ которому я, какъ журналистъ, отправился, прочиталъ мнѣ нѣсколько скучныхъ страницъ изъ хорошо усвоеннаго имъ до элемен-

тарности простого ленинскаго катехизиса, и поучалъ меня, что "помогать военноплѣннымъ — значить участвовать въ этой имперіалистической войнѣ". Здѣсь было крѣпкое ядро большевизма, и на одномъ изъ митинговъ мнѣ пришлось выдержать сильную баталію на почвѣ примѣненія прописей Ленина.

Не буду разсказывать всѣхъ переживаній въ Америкѣ въ связи съ сборами денегъ. Были и грустныя, были и чрезвычайно радостныя. Но въ общемъ, если матеріальные результаты за время моего пребыванія въ Америкѣ въ смыслѣ сборовъ были и не велики, однако, все же вниманіе къ этому вопросу было привлечено и кое-что удалось организовать.

За короткое время пребыванія въ Америкѣ мнѣ пришлось пробывать въ Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, Чикаго, Детройтѣ и др. Разъ только я попадалъ въ круги американской демократіи, мнѣ приходилось констатировать неподдѣльный интересъ къ Россіи и ея борцамъ за свободу. Имя бабушки Брешковской многими произносится съ какимъ-то благоговѣніемъ. За короткое время пребыванія тамъ она оставила по себѣ добрую память и со многими поддерживала сношенія, даже будучи въ ссылкѣ. Имена Кропоткина, Чайковскаго тоже хорошо знакомы американцамъ. И мнѣ такъ отрадно было слышать, съ какимъ вниманіемъ и уваженіемъ относились американцы къ русскимъ революціонерамъ. "Борьба русскихъ революціонеровъ за свою свободу есть борьба за міровую свободу", не разъ говорили мнѣ американскіе демократы и соціалисты.

И это еще больше укрѣпило во мнѣ вѣру въ живительныя силы русской революціи и усиливало мое стремленіе ѣхать домой, чтобы своевременно пріѣхать на родину.

Время приближалось. Уже назначенъ день отъѣзда. Взятъ билетъ на пароходъ и радостное дорожное настроеніе ощущается всѣми фибрами души.

И эти послѣдніе дни пребыванія моего въ Америкѣ были омрачены.

Въ половинѣ января въ Нью-Іоркъ пріѣхалъ Троцкій, вынужденный уѣхать изъ Франціи. Нужно было видѣть его пріѣздъ, чтобы понять, какой онъ позоръ, и насколько самовлюбленный человѣкъ. Онъ не просто пріѣхалъ, а закричалъ пѣтухомъ, что вотъ, молъ, Троцкій пріѣхалъ осчастливить американскихъ соціалистовъ своимъ вступленіемъ въ ихъ семью. И начались организованные имъ самимъ и ближайшими его друзьями "чествованія" знаменитаго русскаго соціалиста и "изгнанника" изъ Франціи.

Я не пошелъ на эти чествованія, такъ какъ всегда былъ противникомъ революціонной позы и саморекламы. Наличность скромности не является недостаткомъ у Троцкаго, который для рекламированія себя готовъ рѣшительно на все. У меня отъ встрѣчъ съ Троцкимъ и наблюденій надъ нимъ осталось впечатлѣніе самое тягостное въ смыслѣ полной безпринципности и готовности на все въ интересахъ самовозвеличенія.

Уѣхалъ я изъ Америки въ пору крикливыхъ выступленій г. Троцкаго. Правда, шумъ объ его пріѣздѣ поднялся только въ русской эмигрантской печати, и пресса американская, если не считать листковъ германизированныхъ, о немъ просто не говорила. Не знаю, привлекъ ли онъ въ дальнѣйшемъ вниманіе американской печати, и приняли ли американскіе соціалисты его также помпезно въ свою среду, какъ шумно хотѣлъ онъ вступить туда.

Уѣхалъ я оттуда, оставивъ политическаго крикуна продолжать свою шумную авантюру.

II. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ ЗА МѢСЯЦЪ ДО РЕВОЛЮЦІИ.

Съ радостнымъ чувствомъ садился я на пароходъ въ Нью-Іоркѣ для отправленія въ Европу.

Правда, за семь мѣсяцевъ пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ я пріобрѣлъ тамъ друзей, но, вѣдь, я ѣхалъ на родину, отъ которой насильственно былъ оторванъ въ самое трагическое время ея жизни, тогда, когда я могъ бы быть ей полезенъ.

Понятенъ, поэтому, мой восторгъ, когда пароходъ уже двинулся и возврата не было.

Глядя на толпу друзей, провожавшихъ и меня и другихъ, уѣзжавшихъ въ далекіе края, я стоялъ какъ зачарованный и не сводилъ глазъ съ берега даже тогда, когда отдѣльныя лица нельзя было уже различать.

"Прощай Нью-Іоркъ. Прощай тотъ край, гдѣ проведено нѣсколько бурныхъ мѣсяцевъ въ постоянномъ общеніи съ самыми разнообразными людьми, и гдѣ мнѣ не дали умереть съ голоду, несмотря на то, что оффиціальная Россія дѣлала все, чтобы лишить меня средствъ къ жизни. Когда еще удастся попасть на эти гостепріимные берега?"

"Вы, кажется, Оберучевъ?" — слышу я возлѣ себя женскій голосъ.

"Да", отвѣчаю я, обернувшись къ спрашиваемой мнѣ дамѣ.

Предо мной не молодая, но очень моложавая, сохранившаяся дама, одѣтая по зимнему, изящно съ претензіей на роскошь.

Я обратилъ на нее вниманіе и раньше, когда пароходъ стоялъ у пристани, когда она трогательно нѣжно прощалась съ молодымъ человѣкомъ, повидимому, ея сыномъ.

Я даже заинтересовался ею. И вотъ, она такъ просто, какъ къ знакомому, обращается ко мнѣ съ вопросомъ.

"Да, я Оберучевъ. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?" отвѣчаю я.

"Я — Колонтай", отвѣчаетъ она, улыбаясь.

Имя Колонтай было мнѣ знакомо, какъ имя писательницы-соціалистки, и я былъ очень радъ съ ней познакомиться.

Плавно покачивается нашъ "Бергенсфіордъ" по тихимъ волнамъ океана.

Обѣдъ еще не скоро, и мы разговорились съ моей новой, милой знакомой.

Я зналъ, что она большевичка, зналъ ея политическую позицію вообще и во время войны въ частности, такъ что намъ не трудно было найти общія точки для собесѣдованія.

Я сразу поставилъ ей цѣлый рядъ вопросовъ для того, чтобы яснѣе опредѣлить ея политическій обликъ.

"Да, я большевичка, отвѣтила она мнѣ, но я не ленинка. У меня имѣется много разногласій съ нимъ, и я не могу слѣпо идти за нимъ". Такъ обрисовала она мнѣ свою политическую позицію.

Я узналъ, что она довольно долго прожила въ Америкѣ, и выразилъ удивленіе, что ничего о ней не слышалъ и нигдѣ съ ней не встрѣтился, хотя бывалъ и въ редакціи соціалистической газеты и не отказывалъ себѣ въ нѣсколько сомнительномъ удовольствіи посѣщать почти всѣ русскіе митинги въ Нью-Іоркѣ. Мнѣ показалось это тѣмъ болѣе удивительнымъ, что я зналъ, что годъ тому назадъ она была въ Америкѣ и сдѣлала турнэ, читая лекціи по женскому вопросу, лекціи довольно нашумѣвшія. А тутъ — такое удивленіе, такое полное молчаніе.

И я задалъ по этому поводу вопросъ.

Она откровенно мнѣ объяснила, что воздерживалась отъ публичныхъ выступленій, чтобы не повредить ея сыну, студенту-технику, котораго ей черезъ вліятельныхъ друзей удалось устроить въ американской пріемной комиссіи.

Я отдалъ должное ея материнскимъ чувствамъ и больше этого вопроса не касался.

Каждый день мы встрѣчались по нѣсколько разъ. Она ѣхала въ первомъ классѣ, а я во второмъ. Я подчеркнулъ ей эту ненужную роскошь, такъ какъ и второй классъ представляетъ на океанскихъ пароходахъ достаточно комфорта, но она отвѣтила просто, что сдѣлала это по настоянію сына.

Предо мной вновь встала нѣжная, трогательно любящая мать.

Мы встрѣчались по нѣсколько разъ въ день и гуляли на палубѣ парохода, бесѣдовали на современныя темы, и чѣмъ больше мы говорили, тѣмъ менѣе опасной большевичкой она мнѣ казалась. Съ ней можно было спорить, она спокойно выслушивала доводы и такъ же спокойно на нихъ возражала, а иногда даже соглашалась съ собесѣдникомъ,—свойство, вообще говоря, отсутствующее у большевиковъ, ибо они увѣрены, что познали всю истину, что таковая у нихъ и только у нихъ въ рукахъ.

Словомъ, впечатлѣніе отъ этой встрѣчи у меня сохранилось самое пріятное, какъ о человѣкѣ, различающемся отъ меня своими политическими взглядами, но такомъ, съ которымъ по кардинальнымъ вопросамъ жизни вообще, а русской дѣйствительности въ частности сговориться можно.

На пароходѣ "Бергенсфіордъ" ѣхало въ этотъ разъ много русскихъ. И вотъ, мнѣ пришло въ голову воспользоваться этимъ путешествіемъ, чтобы сдѣлать сборъ въ пользу военноплѣнныхъ.

Къ кому же обратиться мнѣ за помощью, за содѣйствіемъ? Конечно, къ Александрѣ Михайловнѣ Колонтай, съ которой я успѣлъ уже переговорить о тягостяхъ жизни нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи.

И, хотя и большевичка (я помню, какъ латышскіе большевики встрѣтили меня въ Бостонѣ, когда я обратился къ нимъ за содѣйствіемъ, помню, какъ въ Лозаннѣ большевики съ презрѣніемъ относились къ дѣлу помощи военноплѣннымъ, не брезгая, однако, обращаться за помощью къ комитету, если нужно было послать посылку ихъ родственникамъ или партійнымъ единомышленникамъ), она отнеслась къ моему предложенію вполнѣ сочувственно, даже больше, горячо, и на слѣдующій день состоялась на пароходѣ моя бесѣда о жизни военноплѣнныхъ, въ результатѣ которой было собрано свыше восьмисотъ франковъ, которые и были отправлены изъ Христіаніи въ Бернъ, въ комитетъ помощи.

При ближайшемъ участіи А. М. Колонтай былъ устроенъ на пароходѣ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу сиротъ норвежскихъ моряковъ. Вечеръ былъ очень удачный, какъ въ смыслѣ исполненія, такъ и по матеріальному успѣху, и нашъ милый капитанъ былъ очень растроганъ такимъ участливымъ отношеніемъ публики къ его соотечественникамъ, нуждающимся въ поддержкѣ.

Мы должны были по пути въ Бергенъ зайти въ англійскій портъ — Киркволъ, для ревизіи парохода англійскими военными властями.

Уже приближались мы къ берегамъ Англіи и на слѣдующій день, держа курсъ все время на востокъ, должны были ошвартоваться въ Кирквол.

Каково же было наше удивленіе, когда утромъ выйдя на палубу, мы замѣтили, что пароходъ нашъ измѣнилъ курсъ и взялъ прямо на сѣверъ.

Мы недоумѣвали. Идемъ съ распросами къ командиру парохода, бравому капитану. Онъ молчитъ и даетъ уклончивыя объясненія, избѣгая затѣмъ встрѣчъ и разспросовъ. Но чтобы все-таки нѣсколько успокоить публику, онъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

"Такъ какъ заходъ въ Кирквол былъ обусловленъ выдачей Англіей Норвегіи угля, а по полученнымъ свѣдѣніямъ Англія теперь отказала въ таковой, то тѣмъ самымъ надобность въ заходѣ исчезла, и мы минуемъ берега Англіи".

Цѣлый день мы шли на сѣверъ, затѣмъ повернули на востокъ, подошли къ берегамъ Норвегіи и вдоль очаровательныхъ красивыхъ фіордовъ пришли въ Бергенъ.

Только здѣсь, ставъ на якорь, капитанъ объяснилъ намъ причину такого крутого измѣненія курса.

Оказывается, что онъ получилъ телеграмму объ объявленіи германцами зоны блокады и безпощадной подводной войны; одновременно съ этимъ онъ получилъ телеграмму о немедленномъ возвращеніи обратно въ Америку до распоряженій. Мы были всего въ двухъ дняхъ пути отъ Норвегіи и восьми — отъ Америки. Ему не улыбалось идти назадъ, и онъ правильно рѣшилъ, взявъ рѣшеніе, равно какъ и судьбу парохода и пассажировъ, на свою отвѣтственность, — идти къ Норвегіи во что бы то ни стало. Этимъ и объясняется его маневръ. Взявъ на сѣверъ, онъ вышелъ за 62 градусъ сѣверной широты, — границу зоны блокады, — и затѣмъ пошелъ къ нейтральнымъ водамъ, чтобы вдоль береговъ Норвегіи безопасно спуститься къ югу, къ Бергену.

Какъ благодарны ему были всѣ мы! Вѣдь, намъ грозило возвраще-

ніе въ Америку и тоскливое ожиданіе времени, когда вновь возстановится сообщеніе, прерванное пока объявленіемъ блокады.

Я никогда не забуду того восторга, съ которымъ отнеслись къ его рискованному и смѣлому рѣшенію всѣ мы, пассажиры. А онъ, скромный, какъ всегда, быстро переодѣлся въ костюмъ туриста и исчезъ съ парохода, такъ что мы, уѣзжая на поѣздъ, не могли даже и пожать ему руку на прощаньи и поблагодарить его за избавленіе отъ опасности и трогательную заботу его не внушить намъ страха на эти послѣдніе дни путешествія.

Вспоминаю чудную дорогу по пути отъ Бергена въ Христіанію.

Я думалъ первоначально остановиться въ Скандинавіи на время, чтобы выяснить свои права на въѣздъ въ Россію: за время моей работы въ пользу военноплѣнныхъ вокругъ моего имени департаментомъ полиціи было создано столько легендъ, что мнѣ казалось рискованнымъ ѣхать прямо въ глухую пору реакціи.

Но на пароходѣ вмѣстѣ со мной ѣхало столько милыхъ людей, были прекрасные товарищи, на которыхъ можно было положиться, что я рѣшилъ, не задерживаясь и отдавъ себя подъ наблюденіе одного изъ ѣхавшихъ, ѣхать прямо въ Россію.

Я ожидалъ возможности ареста въ Торнео, на границѣ, или въ Бѣлоостровѣ. Я сообщилъ о моихъ предположеніяхъ молодому офицеру, которому и разсказалъ свои опасенія, и просилъ, въ случаѣ чего, сообщить кому слѣдуетъ, дабы я не оказался для близкихъ людей безъ вѣсти пропавшимъ, что такъ обычно въ условіяхъ россійской дѣйствительности.

Онъ понялъ меня. И надо было видѣть съ какимъ вниманіемъ онъ на пограничныхъ станціяхъ слѣдилъ за мной и тѣмъ, что происходило около меня. Я безконечно благодаренъ ему, этому случайному моему знакомому, за участіе въ моей судьбѣ.

Промелькнули предо мной Норвегія и Швеція, какъ во снѣ. Проѣхалъ станціи, гдѣ была для меня особая опасность, — Торнео и Бѣлоостровъ, — проѣхалъ благополучно, и вотъ я въ Петроградѣ, гдѣ съ лишнимъ три года тому назадъ сидѣлъ я въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и гдѣ могъ бы опять очутиться, если бы не постарался исчезнуть изъ Питера поскорѣе, не заявляясь. Послѣдующія событія подтвердили правильность моихъ предположеній и необходимость осторожности въ Петроградѣ.

Не удалось мнѣ достать билета въ международномъ вагонѣ и прямомъ скоромъ поѣздѣ съ плацкартами на Кіевъ и пришлось, чтобы не

задерживаться, ѣхать съ первымъ отходящимъ поѣздомъ медленнаго движенія, съ пересадками въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но, пожалуй, пожалѣть объ этомъ не приходится, такъ какъ послѣ трехъ лѣтъ отсутствія изъ Россіи и полной оторванности отъ ея дѣйствительной жизни, мнѣ было и пріятно и полезно окунуться сразу въ гущу жизни.

Въ вагонѣ второго класса, въ томъ купэ, которое расчитано на восемь пассажировъ, насъ было не менѣе полутора десятковъ. И пассажиры были самые разнообразные. И офицеры, и солдаты, и ихъ семьи, и рабочіе, и купцы, — все смѣшалось въ одномъ калейдоскопѣ, и все это жило одной общей жизнью въ теченіе трехъ дней, при постоянной смѣнѣ. Притокъ и отливъ пассажировъ на большихъ станціяхъ и въ пунктахъ пересадокъ только разнообразилъ составъ и усложнялъ сумму получаемыхъ мною впечатлѣній.

Я сразу послѣ трехлѣтняго отсутствія окунулся въ самую гущу русской жизни. О чемъ только мы не говорили? И о войнѣ, и тягостяхъ ея, и о правительствѣ и его безтолковости, и о Распутинѣ, и о герояхъ и псевдо-герояхъ настоящей войны, и о дороговизнѣ жизни и тяжелыхъ условіяхъ путешествія теперь. Я старался молчать и больше задавалъ вопросы для того, чтобы изъ устъ обывателя узнать правду современной жизни. Ѣхалъ я долго, и утомительно было ѣхать, но я не пожалѣлъ о томъ, что не удалось поѣхать въ чопорной компаніи пассажировъ маждународнаго вагона, а пришлось путешествовать въ пестрой толпѣ подлинной Россіи. Сразу Россія во всей ея безпорядочности современной жизни предстала предо мной въ стонахъ обывателей разныхъ положеній, различныхъ настроеній.

Наконецъ, я въ Кіевѣ. 15 февраля я вышелъ изъ вагона.

"Опять на родинѣ. Опять въ родномъ мнѣ и близкомъ сердцу моему Кіевѣ, съ которымъ связанъ я пятьюдесятью годами жизни, и изъ котораго, если я уѣзжалъ на время, то всегда оставлялъ тамъ кусочекъ своего сердца!"

Нѣсколько дней на отдыхъ въ родной семьѣ, въ теплотѣ, давно не ощущавшейся. Какъ ни хорошо мнѣ было на чужбинѣ, какъ ни привѣтно встрѣчали меня вездѣ, куда только ни забрасывала судьба, какъ ни пріятны воспоминанія о жизни въ Швейцаріи и Америкѣ, но все же стосковался я за своими близкими, родными.

Но довольно сентиментальностей. Не время для нихъ, когда льется братская кровь, когда вся жизнь страны обратилась въ сплошную трагедію. Нужно работать.

Безъ большого труда мнѣ удалось подойти къ работѣ. Я былъ при-

нятъ въ Комитетъ Юго-Западнаго фронта Союза Городовъ и черезъ недѣлю-двѣ послѣ пріѣзда уже вошелъ въ работу.

Кромѣ того, мнѣ было чѣмъ подѣлиться съ согражданами, и я принялся за любимый литературный трудъ и, такимъ образомъ, вошелъ вплотную въ текущую жизнь, забывъ о томъ, что тамъ, въ Петербургѣ, обо мнѣ все же думаютъ. Какъ то далеко отошло все прошлое и всяческія возможности полицейскаго характера. Просто некогда было думать объ этомъ.

Такъ хороша жизнь и работа. Она захватываетъ васъ, и мелочи личной жизни отходятъ куда то далеко, далеко.

III. АРЕСТЪ. — ПОДГОТОВКА КЪ ССЫЛКѢ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ БЛАГОДАРЯ РЕВОЛЮЦІИ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Конецъ февраля. Изъ столицы уже получались свѣдѣнія о волненіяхъ, уличныхъ столкновеніяхъ на почвѣ нужды и голода.

Наступило 1(14) марта. Въ Комитетѣ получена копія телеграммы комиссара Бубликова о томъ, что имъ занято министерство путей сообщенія, и что онъ предлагаетъ служащимъ желѣзныхъ дорогъ спокойно относиться къ происходящимъ событіямъ и оставаться на мѣстахъ, продолжать работу. Пришло извѣстіе о сформированіи новаго правительства и Временнаго Комитета Государственной Думы.

Предсѣдатель нашего комитета, Баронъ Штейнгель, собралъ экстренное засѣданіе комитета и поставилъ на обсужденіе полученныя свѣдѣнія. Съ восторгомъ были встрѣчены эти извѣстія, и комитетъ постановилъ послать привѣтствіе новому правительству въ лицѣ князя Львова, и кромѣ того послать по всѣмъ тыловымъ и фронтовымъ учрежденіямъ комитета извѣщеніе о происшедшемъ переворотѣ и предложеніе продолжать работу спокойно, оставаясь на мѣстахъ.

Передъ засѣданіемъ предсѣдатель сказалъ мнѣ, что меня спрашиваетъ полицейскій надзиратель и очень хочетъ меня видѣть. Я хотѣлъ пойти къ себѣ въ кабинетъ, но засѣданіе началось, засѣданіе интересное, и не до околодочнаго надзирателя было въ такое время.

Часа въ три я пришелъ домой обѣдать. Во время обѣда приходитъ околоточный надзиратель и показываетъ мнѣ бумагу отъ Кіевскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

"Предлагается Вамъ немедленно арестовать и препроводить на гауптвахту отставного полковника Оберучева".

Бумага помѣчена 27 февраля (12 марта) и подписана: "Начальникъ Кіевскаго Губернскаго Жандармскаго управленія генералъ-маіоръ Шредель".

Не первый разъ въ теченіе моей жизни приходили ко мнѣ для ареста, и если настоящее посѣщеніе меня нѣсколько удивило, то только потому, что ясно было дыханіе новой, свободной жизни въ Россіи; и вдругъ, эта свобода омрачается для меня арестомъ; арестомъ въ тотъ самый день, когда я нѣсколько часовъ тому назадъ въ засѣданіи Комитета Юго-Западнаго фронта привѣтствовалъ зарю свободы вмѣстѣ съ другими членами ея и ушелъ оттуда съ расчетомъ въ тотъ же вечеръ принять участіе въ созванномъ собраніи работниковъ всѣхъ политическихъ партій.

И вдругъ, этотъ ненужный, несвоевременный арестъ.

Правда, въ самой формѣ ареста уже чувствовалось вѣяніе времени.

Никогда не были представители полиціи такъ предупредительны, вѣжливы и внимательны во время ареста, какъ въ день 1(14) марта. Околоточный надзиратель, пришедшій за мной, разрѣшилъ мнѣ не только поговорить по телефону съ моими друзьями, но даже и написать письма, сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія и указанія, собраться и даже, когда мы ѣхали на гауптвахту, онъ нашелъ возможнымъ разрѣшить мнѣ заѣхать по дорогѣ въ Комитетъ и переговорить тамъ съ членами таковаго о томъ, что со мной случилось.

Наконецъ, мы добрались до штаба крѣпости. Дежурный адъютантъ былъ удивленъ. У него не было никакихъ распоряженій о моемъ арестѣ и онъ не зналъ, что со мной дѣлать. Однако, въ то время на Руси не было случая, чтобы отказывали кому-нибудь въ пріемѣ въ тюрьму. Въ больницахъ, въ родильныхъ мѣстахъ, пріютахъ могло бы не оказаться мѣста для пріема больныхъ или призрѣваемыхъ, и не разъ больныхъ возили по улицамъ города отъ больницы къ больницѣ, отказывая въ пріемѣ, пока, наконецъ, больной умиралъ и оказывался ненуждающимся въ леченіи. Для арестованныхъ всегда находилось мѣсто.

Послѣ нѣкотораго колебанія дежурный адъютантъ написалъ записку объ арестованіи и меня повели на гауптвахту.

Здѣсь новое затрудненіе. Начальникъ караула, молодой прапорщикъ, стоялъ въ недоумѣніи, куда меня помѣстить. Осторожный адъютантъ не далъ соотвѣтствующихъ указаній, а у прапорщика явилось сомнѣніе, помѣщать ли меня съ офицерами или съ солдатами, такъ какъ, вѣдь, я, хоть и полковникъ, но отставной, и къ тому же привезенъ въ штатскомъ, а не въ военномъ платьѣ. Послѣ продолжительныхъ и безплодныхъ переговоровъ по телефону съ дежурнымъ адъютантомъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ помѣстить меня въ офицерскую камеру. Въ одной изъ камеръ оказался свободный диванъ; на немъ меня и устроили.

Мой приходъ на гауптвахту былъ какимъ то праздникомъ для находившихся тамъ въ достаточномъ количествѣ арестованныхъ офицеровъ.

До нихъ доходили какіе то неясные слухи о происходящихъ событіяхъ, и они меня, только-что пришедшаго съ воли гражданина, засыпали вопросами.

Я разсказалъ имъ о телеграммѣ Бубликова, о засѣданіи комитета, о томъ, что несомнѣнно произошелъ переворотъ, но насколько онъ проченъ, сказать еще трудно.

Читатели могутъ себѣ представить тотъ восторгъ сидѣльцевъ гауптвахты, который вызвали мои разсказы, и какъ долго комментировали мы то немногое, что могъ я имъ разсказать.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы слѣдующаго утра, чтобы прочитать контробандой добываемыя газеты.

Настало желанное утро. Принесъ подъ полой служитель газеты, и всѣ набросились на нихъ, какъ голодные волки на добычу.

Но велико было наше разочарованіе. Газеты полны самыхъ мелочныхъ сообщеній, никому не интересныхъ, и ни слова нѣтъ о самомъ главномъ, чего такъ жадно ждали всѣ. Ничего о событіяхъ въ Петроградѣ, никакихъ свѣдѣній, что тамъ дѣлается, дѣйствительно ли произошелъ давно жданный, желанный переворотъ, или то, что такъ ждали, только мелькнуло, поманило въ таинственную даль, возбудило свѣтлыя мечты и розовыя надежды и вмѣсто зари и радостнаго утра дало вновь даже не темную ночь, а безпробудныя сумерки жизни, такъ опостылѣвшія уже за долгую жизнь.

Но велика сила оптимизма, и никогда надежда не покидаетъ людей.

Такъ и мы, случайно собравшіеся здѣсь, кто съ фронта, кто съ тыла, а кто, какъ, напримѣръ, я, и совсѣмъ издалека, не теряли надежды, что то, что по нашему мнѣнію совершилось, уже прочно, и только рутина и инерція стараго режима не выпускаетъ еще на свѣтъ Божій во всеобщее свѣдѣніе только-что родившуюся свободу.

Вотъ, она пришла, наконецъ, въ сіяніи вѣчной красоты, и для насъ, сидящихъ за рѣшетками, особенно заманчива была она!

Мы бѣгло дѣлились впечатлѣніями пережитого. Я старался путемъ распросовъ получить отъ офицеровъ съ фронта больше свѣдѣній о былыхъ бояхъ, о настроеніи тамъ, въ окопахъ, въ эту зимнюю стужу, въ далекихъ ущельяхъ Карпатъ и на склонахъ снѣжныхъ вершинъ.

И тутъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, я пріобрѣлъ такъ много свѣдѣній о той жизни, которая была скрыта отъ меня, благодаря удаленности отъ родины въ теченіе долгаго времени.

Сколько офицеровъ и солдатъ, оказывается, въ это горячее время томится по тюрьмамъ и гауптвахтамъ, находясь долгіе мѣсяцы подъ слѣдствіемъ и въ предварительномъ заключеніи часто по самымъ пустячнымъ поводамъ. Эта растрата живой силы меня поразила больше всего, и глубоко запали мнѣ въ душу всѣ разсказы о непорядкахъ на фронтѣ и въ арміи, какъ слѣдствіе неразберихи въ правительственныхъ кругахъ.

Наступаетъ утро 3(16) марта. Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ газетъ.

Наконецъ, приносятъ номеръ и, о! радость, мы читаемъ тамъ о совершившемся переворотѣ. Читаемъ и призывъ Временнаго Комитета Государственной Думы и новый составъ министерства, и подробности ликвидаціи и ареста старой власти и иныя полныя интереса новости дня.

Надо правду сказать, кіевскія власти всетаки даже и въ этотъ день были очень осторожны въ своихъ сообщеніяхъ, ибо номеръ появился съ бѣлыми мѣстами, и эти бѣлыя мѣста относились не къ военнымъ секретамъ и тайнамъ, а несомнѣнно къ нѣкоторымъ пунктамъ внутренней жизни страны, которые почему то кіевская цензура не рѣшилась допустить въ печати, хотя въ другихъ городахъ, какъ оказывается, вѣсти эти были опубликованы.

Ну, да Богъ съ нимъ, простимъ власти эту излишнюю осторожность. Вѣдь, всей прежней жизнью и порядкомъ управленія она именно была пріучена къ осторожности, и отъ старыхъ привычекъ такъ скоро не отдѣлываются.

Акта объ отреченіи Николая въ газетахъ не было, но ясно было, что это вопросъ времени.

Несомнѣнно старый порядокъ рухнулъ, и новая власть, объявившая свободу народамъ Россіи, поведетъ страну по новому пути!

Но мы сидимъ еще за рѣшеткой. И я, политическій узникъ послѣднихъ дней, не только не на свободѣ, но все еще не могу добиться, почему я собственно посаженъ въ тюрьму, и что со мной хотѣли сдѣлать представители старой полицейской Россіи.

Приходитъ комендантъ генералъ Медеръ.

Онъ суетливо обѣгаетъ камеры и, увидавъ меня, безпокойно спрашиваетъ, гдѣ я помѣщаюсь. Онъ не сдѣлалъ этого ни вчера, ни въ день моего прибытія и только сегодня проявилъ какую то исключительную заботливость. Онъ вспомнилъ, что штабъ-офицеры должны сидѣть подъ арестомъ въ отдѣльной комнатѣ, а я, хоть и отставной, но все-таки штабъ-офицеръ. И вотъ, онъ обезпокоился, какъ бы мнѣ приготовить отдѣльную комнату и возстановить нарушенный порядокъ содержанія заключенныхъ, за чѣмъ онъ по долгу службы обязанъ смотрѣть. Напрасно я увѣряю его, что съ молодежью, съ которой я нахожусь въ одной комнатѣ вотъ уже третій день, мнѣ сидѣть хорошо, и я не тревожусь и не претендую здѣсь на особый комфортъ. Онъ не унимается: "Нельзя штабъ-офицеру сидѣть не въ отдѣльной комнатѣ. Ему полагается отдѣльное помѣщеніе", суетливо повторялъ растерянный генералъ.

Я задалъ ему вопросъ:

"Скажите, Ваше Превосходительство, за что я сижу, и почему меня держатъ подъ арестомъ?"

"Не знаю, это по распоряженію изъ Петрограда", отвѣтилъ онъ мнѣ смущенно.

"Такъ будьте добры навести справки, почему я посаженъ, да кстати принять мѣры къ моему скорѣйшему освобожденію. Вѣдь, я теперь вижу, что мнѣ сидѣть здѣсь незачѣмъ", настойчиво заявилъ я. "А объ отдѣльномъ помѣщеніи для меня не безпокойтесь. Мнѣ хорошо и съ этой молодежью".

"Хорошо, я сейчасъ передамъ тому, отъ кого зависитъ ваше освобожденіе. А что касается отдѣльной комнаты, то это необходимо".

И генералъ Медеръ поспѣшно ушелъ, отдавъ распоряженіе приготовить для меня отдѣльную комнату.

Въ высшей степени забавна была эта забота объ отдѣльной комнатѣ для штабъ-офицера въ то время, когда событія говорятъ совсѣмъ

о другомъ. Но такова сила привычки. Онъ боялся, чтобы власть не обратила вниманіе на допущенный имъ безпорядокъ и хотѣлъ возстановить должный порядокъ въ жизнь подвѣдомственной имъ гауптвахты.

Прошло полчаса.

Приходитъ комендантскій адъютантъ и приглашаетъ меня слѣдовать за нимъ.

Оказывается, что комендантъ переговорилъ по телефону съ Командующимъ Войсками и сообщилъ ему о моемъ желаніи быть освобожденнымъ. Командующій Войсками приказалъ привести меня къ нему.

И вотъ, мы пошли.

Въ первый разъ въ жизни входилъ я въ домъ командующаго войсками, двадцать лѣтъ тому назадъ построенный на моихъ глазахъ.

Огромный вестибюль. Швейцаръ, дежурный писарь, ординарецъ. Снимаю пальто, свое скромное старенькое пальто, единственное оставшееся у меня и совершенно не отвѣчающее роскошной обстановкѣ этого дома. Поднимаемся наверхъ, и ординарецъ немедленно приглашаетъ меня въ кабинетъ Командующаго Войсками.

Роскошный, богато обставленный, просторный кабинетъ. Посрединѣ — большой письменный столъ, а передъ нимъ два удобныхъ весьма комфортабельныхъ кресла. Стѣны увѣшаны группами и снимками, оставшимися отъ одного изъ предшественниковъ нынѣшняго Командующаго Войсками. У самой двери меня встрѣчаетъ сѣдой генералъ, Командующій Войсками округа, генералъ-лейтенантъ Ходоровичъ.

Любезнымъ жестомъ приглашаетъ онъ меня сѣсть въ одно изъ креселъ у письменнаго стола.

Сажусь. Генералъ занимаетъ мѣсто противъ меня.

Короткая пауза.

"Скажите, полковникъ, какъ вы относитесь къ происходящимъ событіямъ въ Петроградѣ ?" спрашиваетъ онъ меня какъ то нерѣшительно.

"Я чрезвычайно радъ всему происшедшему, ибо это было мечтой моей жизни, и въ этомъ я вижу спасеніе моей родины, которая такъ страдала отъ невыразимо скверныхъ условій управленія", рѣзко и отчетливо отчеканилъ я ему въ отвѣтъ.

Въ это время я замѣтилъ, что мы не одни. У окна, у телефона сидѣлъ молодой генералъ, какъ оказалось впослѣдствіи, начальникъ штаба округа, генералъ-маіоръ Бреловъ. Онъ слышалъ мой отвѣтъ и

дальнѣйшій разговоръ, и потомъ, когда мы съ нимъ встрѣчались въ другихъ условіяхъ, онъ говорилъ мнѣ, что былъ пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень доволенъ слышать такой мой отвѣтъ.

Поговоривъ немного на тему дня и обмѣнявшись съ генераломъ Ходоровичемъ нѣсколькими фразами, я задалъ ему вопросъ.

"Скажите Ваше Превосходительство, за что я посаженъ и почему я сижу подъ арестомъ?"

"Видите ли, полковникъ, я получилъ о васъ очень нелестную аттестацію отъ департамента полиціи съ предложеніемъ васъ немедленно арестовать и выслать въ Иркутскую губернію. И вотъ, во исполненіе этого распоряженія мною уже подписанъ приказъ о вашей высылкѣ, и для выполненія этого вы и арестованы", отвѣтилъ онъ мнѣ прямо.

"Но, вѣдь, теперь, пожалуй, не существуетъ уже и самаго департамента полиціи, и, думаю, его распоряженіе для васъ необязательны".

Генералъ подумалъ съ минуту, и обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

"Хотя я не имѣю права васъ освободить, но я беру на себя и освобожу васъ. Идите на гауптвахту, а я прикажу написать распоряженіе объ освобожденіи и сегодня, или, быть можетъ, завтра, вы будете свободны".

Оставаться при такихъ условіяхъ подъ арестомъ мнѣ не улыбалось, да и надобности въ этомъ не было никакой. Къ тому же я хорошо зналъ, какъ работаютъ наши канцеляріи и какъ можетъ затянуться процессъ освобожденія.

И я сказалъ генералу.

"Здѣсь у насъ въ пріемной находится комендантскій адъютантъ, съ которымъ я пришелъ къ вамъ. Будьте любезны, передайте ему распоряженіе, чтобы меня немедленно освободили".

"Хорошо, я распоряжусь," сказалъ генералъ Ходоровичъ и направился вмѣстѣ со мной изъ кабинета.

Онъ отдалъ комендантскому адъютанту распоряженіе о немедленномъ моемъ освобожденіи, и мы разстались, любезно попрощавшись.

Черезъ четверть часа мы были уже на гауптвахтѣ, и толпа сидѣльцевъ гудѣла, привѣтствуя мое освобожденіе, въ которомъ они не сомнѣвались.

Собравъ вещи и попрощавшись съ товарищами по заключенію и пожелавъ имъ тоже скорѣйшаго выхода, я отправился въ канцелярію штаба для совершенія нѣкоторыхъ формальностей.

И здѣсь случилось то, что даетъ мнѣ радость и счастье на всю жизнь, чтобы со мной не произошло и какія бы испытанія не пришлось претерпѣть!

Когда я сидѣлъ въ канцеляріи, одинъ изъ писарей, воспользовавшись отсутствіемъ офицера, подошелъ ко мнѣ и тихо, шопотомъ говоритъ:

"Ваше Высокоблагородіе. Сегодня должны будутъ казнить двухъ человѣкъ, — одного солдата, сидящаго въ крѣпости, а другого вольнаго, сидящаго въ Лукьяновской тюрьмѣ. Уже пошли рабочіе готовить висѣлицу и могилы для нихъ. Сегодня ночью будетъ казнь".

"Не можетъ быть, не должно быть, чтобы въ радостный свѣтлый день россійской революціи, когда надъ печальной родиной моей встаетъ заря свободы, не можетъ быть, чтобы кто-нибудь былъ казненъ! Не можетъ радость нашей теперешней жизни быть омрачена казнью", подумалъ я и, совершенно не интересуясь за что они приговорены къ смерти, спросилъ фамиліи осужденныхъ, долженствовавшихъ сегодня принять смерть.

Фамилію солдата онъ зналъ и сказалъ мнѣ; фамилію штатскаго онъ не зналъ.

Освобожденный, я прежде всего направился къ моимъ друзьямъ сказать, чтобы они пошли къ Командующему Войсками и попросили его отмѣнить казнь.

Они немедленно это сдѣлали; генералъ Ходоровичъ безъ колебаній согласился отмѣнить казнь, и день моего освобожденія на зарѣ русской свободы ознаменовался сохраненіемъ жизней двумъ приговореннымъ.

Я видался потомъ съ ними при посѣщеніи мѣстъ заключенія. И надо было видѣть то счастье, которое сіяло въ ихъ глазахъ, благодаря сохраненію жизни, чего они никакъ не ожидали.

Я пришелъ домой въ радостныя объятія ожидавшей меня семьи, а въ тотъ же день вечеромъ мнѣ сообщили, что я избранъ въ Исполнительный Комитетъ Совѣта Общественныхъ организацій, который явился новой революціонной властью въ Кіевѣ.

Такъ начались дни моей новой свободной жизни

IV. ВОЕННЫЙ КОМИССАРЪ ВЪ КІЕВѢ.

На слѣдующее утро было засѣданіе Исполнительнаго Комитета.

Я пошелъ на него.

Исполнительный Комитетъ, явившійся новой революціонной властью въ Кіевѣ, сконструировался такимъ образомъ.

Представители цѣлаго ряда общественныхъ организацій, работавшихъ въ Кіевѣ, какъ то: Союзъ Городовъ, Союзъ Земствъ, Кооперативы и др. — равнымъ образомъ, представители политическихъ партій, а также національныхъ организацій, — всѣ они составили Совѣтъ общественныхъ организацій, который и избралъ Исполнительный Комитетъ изъ среды такъ или иначе извѣстныхъ въ Кіевѣ общественныхъ дѣятелей.

На первомъ же засѣданіи Исполнительнаго Комитета, еще до моего освобожденія, я былъ избранъ Военнымъ Комиссаромъ г. Кіева и теперь требовалось только мое согласіе, каковое мною и было дано.

Исполнительный Комитетъ, новый органъ власти, — и таковымъ онъ былъ признанъ Временнымъ Правительствомъ вскорѣ послѣ своего сконструированія, — не имѣлъ своего помѣщенія, и кіевская городская дума пріютила его.

Такимъ образомъ вся политическая жизнь Кіева сконцентрировалась въ Думѣ.

Сюда приходили представители разныхъ общественныхъ организацій, правительственныхъ учрежденій, рабочіе, солдаты, офицеры, кто такъ или иначе интересовался новой жизнью и его органами. Приходили засвидѣтельствовать свою преданность новому строю и вѣрность началамъ свободы, приходили просить указаній, что дѣлать, какъ держать себя въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ.

Пріѣзжали многіе изъ провинціи просто спросить указаній, какъ сконструировать власть, такъ какъ существующая власть растерялась и не знаетъ, что ей дѣлать, что можно и чего нельзя.

Быстро Кіевъ сталъ центромъ всего раіона, сюда стекались свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ и давались директивы.

Одновременно съ Исполнительнымъ Комитетомъ общественныхъ организацій сконструировался въ Кіевѣ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Кіевъ — городъ, въ которомъ довольно много фабрично-заводскихъ предпріятій, и рабочее населеніе его исчисляется тысячами. Понятно, что въ немъ долженъ былъ организоваться свой Совѣтъ и Исполнительный Комитетъ. Само собою разумѣется, что отъ Совѣта рабочихъ

депутатовъ необходимо было избрать членовъ въ обще-городской Исполнительный Комитетъ, повторяю, уже признанный въ то время органомъ революціонной правительственной власти.

Явился вопросъ о пополненіи Исполнительнаго Комитета представителями гарнизона, офицерами и солдатами.

Вопросъ весьма важный. Необходимость пополненія Исполнительнаго Органа представителями гарнизона была ясна для всѣхъ. Но это пополненіе могло состояться двумя путями. Или представители войскъ будутъ выбраны на явочныхъ митингахъ, путемъ избранія случайныхъ людей, оказавшихся на митингѣ, или же ихъ можно избрать путемъ двухстепенныхъ выборовъ: на собраніи представителей войсковыхъ частей, избранныхъ тоже на своихъ полковыхъ собраніяхъ.

Въ первомъ случаѣ въ члены Комитета могли попасть случайные люди, совершенно не выражающіе ни воли, ни мнѣній гарнизона, во второмъ, при планомѣрно проведенныхъ выборахъ, возможно получить дѣйствительное представительство всего гарнизона.

Ясно, что Исполнительный Комитетъ долженъ былъ остановиться на второмъ пути, тѣмъ болѣе, что попытки организовать явочные военные митинги для выборовъ на нихъ представителей въ Исполнительный Комитетъ уже были.

Президіумъ Исполнительнаго Комитета рѣшилъ вмѣстѣ со мной, Военнымъ Комиссаромъ, поѣхать къ Командующему Войсками для переговоровъ по этому поводу.

Назначенъ былъ опредѣленный часъ для поѣздки къ генералу Ходоровичу.

А тѣмъ временемъ, я рѣшилъ отправиться къ генералу Ходоровичу, какъ Военный Комиссаръ.

Ровно черезъ сутки послѣ перваго визита и нашего перваго знакомства я вхожу въ тотъ кабинетъ, гдѣ вчера состоялась первая встрѣча и бесѣда по текущему моменту со мной, тогда еще арестованнымъ.

Я представился генералу и обратился къ нему съ предложеніемъ дать мнѣ разрѣшеніе на посѣщеніе казармъ для ознакомленія солдатъ и офицеровъ съ текущимъ моментомъ и выясненія его значенія для народа и арміи.

"Вы разрѣшите, Ваше Превосходительство, мнѣ посѣтить казармы. Вѣдь, многіе въ туманѣ. Не знаютъ, что дѣлать, какъ отнестись къ текущимъ событіямъ. Наши офицеры, въ огромномъ большинствѣ, стоятъ въ сторонѣ отъ политики и рискуютъ оказаться не

въ состояніи отвѣтить на многіе вопросы, которые несомнѣнно сыпятся на нихъ сейчасъ со стороны солдатъ. И выйдетъ осложненіе, произойдетъ недовольство. Нужно помочь и той и другой сторонѣ". Такъ говорилъ я.

Я смотрѣлъ на свою должность военнаго комиссара не какъ власть, отъ которой зависитъ рѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, а лишь какъ на буферъ, который долженъ смягчить взаимные удары, которые могутъ посыпаться со стороны солдатъ на офицеровъ и, иногда, со стороны этихъ послѣднихъ на солдатъ. И вотъ почему мнѣ хотѣлось немедленно же войти въ гущу войсковой жизни, чтобы предупредить возможныя печальныя послѣдствія.

Генералъ Ходоровичъ не понялъ меня и отказалъ мнѣ въ разрѣшеніи посѣщать казармы для бесѣдъ.

Я вполнѣ понимаю его.

Человѣкъ еще вчера видѣлъ во мнѣ государственнаго преступника, котораго департаментъ полиціи, какъ опаснаго, рѣшилъ отправить въ далекую Сибирь. Еще вчера говорилъ онъ мнѣ, что аттестація, данная мнѣ департаментомъ полиціи, весьма нелестна, и получилъ отъ меня отвѣтъ, что я, съ своей стороны, не могу лестно отозваться о департаментѣ полиціи. Еще вчера онъ колебался, прежде чѣмъ рѣшиться отпустить меня на свободу, и только, учтя возможность насильственнаго освобожденія, рѣшилъ взять на себя рискъ выпуска меня на волю. Еще вчера я былъ аттестованъ, какъ самый "опасный государственный преступникъ", о которомъ въ присланномъ ему документѣ полицейскаго творчества, послѣ ряда указаній на "явно преступную дѣятельность", сказано, что "нѣтъ основаній ожидать, чтобы полковникъ Оберучевъ измѣнилъ свои убѣжденія" послѣ трехлѣтняго пребыванія внѣ родины. Еще вчера все это было, а сегодня передъ нимъ стоитъ этотъ "преступный" типъ и настаиваетъ на разрѣшеніи пойти ему въ казармы и по душамъ поговорить съ солдатами и офицерами. Ясно, что тутъ что-то неладное и, быть можетъ, опасное для порядка, за который онъ отвѣчаетъ.

И генералъ Ходоровичъ не рѣшился дать мнѣ требуемое разрѣшеніе.

Я его понимаю, и ни одной минуты не могу осудить его за этотъ невольный страхъ.

Едва успѣли кончить съ нимъ бесѣду, какъ пришли представители Исполнительнаго Комитета, — члены президіума, — Товарищъ городского головы Н. Ф. Страдомскій, предсѣдатель, и два товарища

председателя, присяжный повѣренный Григоровичъ-Барскій и рабочій Доротовъ.

Я присоединился къ нимъ, и мы повели рѣчь о необходимости приказомъ по округу назначить выборы представителей отъ солдатъ и офицеровъ полковъ, расположенныхъ въ Кіевѣ, и затѣмъ собрать этихъ представителей для выборовъ изъ ихъ среды двухъ офицеровъ и двухъ солдатъ въ члены Исполнительнаго Комитета.

Долго ломали мы копья. Долго доказывали, что такъ будетъ лучше, что въ противномъ случаѣ дѣло пойдетъ захватнымъ порядкомъ, и пройдутъ митинговые случайные люди.

Онъ не рѣшался. Онъ обѣщалъ запросить Главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ, генерала Брусилова, и тогда дать отвѣтъ.

Но время не ждетъ. Событія развиваются, начинаются летучіе митинги, собранія случайныхъ людей, и къ намъ уже приходятъ офицеры и солдаты, избранные на митингахъ въ качествѣ делегатовъ отъ гарнизона для вступленія въ члены нашего Исполнительнаго Комитета.

Настойчивыя указанія наши убѣдили, наконецъ, генерала Ходоровича, и онъ рѣшился отдать приказъ о выборахъ.

Черезъ нѣсколько дней уже состоялись выборы, и мы имѣли законныхъ, легально выбранныхъ въ члены Исполнительнаго Комитета представителей гарнизона двухъ офицеровъ и двухъ солдатъ.

Такъ постепенно пополнялся нашъ Исполнительный Комитетъ.

Я сказалъ, что въ Исполнительный Комитетъ и ко мнѣ, какъ военному комиссару, являлись разныя лица. Многія приходили съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Помню какъ-то пришелъ ко мнѣ молодой офицеръ, жгучій брюнетъ, живой, подвижной, горячій. Онъ летчикъ, и предлагаетъ свои услуги, въ случаѣ, если для какой-нибудь надобности потребуется вооруженная сила. Онъ со своими солдатами готовъ на бронированномъ автомобилѣ поддержать новую власть. Сколько жизни и энергіи, и вѣры въ новые устои жизни было въ этомъ молодомъ офицерѣ!

Его услугами не разъ пользовался Исполнительный Комитетъ, когда были трудныя порученія въ провинцію. Пусть онъ иногда горячился и, пожалуй, дѣлалъ ошибки; но его горячая вѣра говорила о томъ, что онъ искренно преданъ революціи и готовъ все отдать за нее.

И онъ отдалъ все: отдалъ свою жизнь.

Это было уже позже. Я былъ тогда командующимъ войсками. Онъ пришелъ ко мнѣ встревоженный, задумчивый.

На фронтѣ, благодаря большевистской агитаціи, а частью и вслѣдствіе ряда другихъ причинъ, началось разложеніе. Участились случаи отказа выполнять боевыя приказанія, ухода частей въ тылъ и т. п.

И вотъ этотъ полный энергіи и любви къ родинѣ молодой офицеръ приходитъ ко мнѣ и говоритъ:

"Я хочу на фронтъ. Я не могу оставаться здѣсь. Тамъ страдаетъ дѣло защиты страны, а вмѣстѣ съ ней и революціи. Помогите мнѣ поѣхать на фронтъ".

Я понялъ его. Я охотно помогъ уѣхать ему на фронтъ и далъ записку къ Керенскому, который тогда былъ на западномъ фронтѣ, съ рекомендаціей этого офицера-энтузіаста. Мы горячо расцѣловались, и я отправилъ его, пожелавъ успѣха и удачи. И его использовали немедленно. Его послали комиссаромъ въ армію, и тамъ горячо призывалъ онъ войска сражаться и не поддаваться соблазну кажущагося покоя.

Но не долго пришлось ему поработать на фронтѣ.

Во время одной изъ бесѣдъ и увѣщанія полка, отказавшагося идти на окопы, солдатская пуля сразила его, и кончились дни жизни молодого революціонера, смертью своей запечатлѣвшаго свою любовь къ родинѣ и свободѣ.

И когда вспоминаю я торжественныя похороны, которыя устроила поручику Романенко революціонная демократія города Кіева, знавшая и любившая его, невольно слезы подступаютъ къ глазамъ, и уста шепчутъ:

"Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!"

Когда я оглядываюсь на прошлое и вспоминаю бурный періодъ революціонныхъ переживаній, я проникаюсь глубокой благодарностью къ старому царскому правительству Россіи за то, что передъ самой революціей оно выслало меня за предѣлы Россіи.

Дѣло въ томъ, что старый порядокъ управленія моей родиной, основанный на силѣ и власти полиціи и усмотрѣнія жандармско-полицейскихъ властей, пріучилъ насъ россіянъ къ произволу власти.

Наша внутренняя жизнь складывалась такъ, что каждый гражданинъ, именовавшійся до настоящаго времени просто обывателемъ, могъ быть схваченъ и посаженъ въ тюрьму безъ предъявленія ему какого-либо обвиненія и безъ совершенія имъ преступленія. Онъ

могъ быть сосланъ въ далекія тундры Сибири безъ суда и слѣдствія по произволу и приказу представителей административной власти.

И эта форма управленія такъ глубоко проникла въ толщу нашей жизни, что во всякомъ россійскомъ гражданинѣ подоплека жандармская и очень много жандармскихъ устремленій. И когда россіянинъ оказывается у власти, у него невольно рождается мысль о томъ, кого нужно арестовать или выслать; и объясняется, конечно, это по старому тѣмъ, что дѣлается это насиліе надъ гражданиномъ инакомыслящимъ во имя общаго блага.

То обстоятельство, что до революціи я пробылъ три года въ свободныхъ странахъ, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, и никогда за послѣдніе три года не видалъ на себѣ примѣненія жандармско-полицейскихъ методовъ борьбы въ области политики, привело къ тому, что изъ моего нутра совершенно исчезъ жандармъ, и, какъ это ни странно, мнѣ рѣшительно никого не хотѣлось арестовать, а въ особенности въ порядкѣ административнаго произвола, безъ предъявленія какихъ бы то ни было конкретныхъ обвиненій, безъ какихъ бы то ни было уликъ.

Въ Исполнительномъ Комитетѣ съ первыхъ же дней сконструированія его поднимались вопросы объ арестѣ тѣхъ или иныхъ категорій лицъ или отдѣльныхъ начальниковъ.

Прежде всего, конечно, взоры моихъ товарищей по Исполнительному Комитету обратились на полицію и жандармовъ.

Много споровъ было объ отношеніи къ полиціи. Конечно, было предложено ее расформировать.

Признаюсь, я былъ сторонникомъ противнаго. Мнѣ казалось, что не слѣдовало расформировать полицію безопасности, такъ какъ она съ успѣхомъ могла исполнять свои полицейскія функціи. Дѣло это сложное, и наладить новый аппаратъ не такъ то легко. Къ тому же, Кіевская полиція чуть ли не первый государственный органъ въ Кіевѣ, который собралъ свое общее собраніе и выразилъ готовность вѣрно служить новому строю и поддерживать его и установленный порядокъ вполнѣ добросовѣстно. Объ этомъ было въ первые же дни революціи доведено до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета. И я поддерживалъ въ Комитетѣ мысль о необходимости сохраненія полиціи такой, какая она есть, съ условіемъ постепенной замѣны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чиновъ, относительно которыхъ можетъ явиться сомнѣніе о возможности съ ихъ стороны злоупотребленія властью для возврата къ старому. И если увеличить содержаніе чинамъ полиціи,

обставленнымъ у насъ иищенски, они бы съ радостью приняли новый строй и были бы вѣрными его слугами.

Но не такъ думали многіе мои товарищи по Комитету, и такъ какъ на ихъ сторонѣ оказалось большинство, то полиція была скоро расформирована, и ей на смѣну пришла импровизированная милиція.

Одновременно съ упраздненіемъ полиціи явился вопросъ объ упраздненіи жандармовъ. И если я былъ противъ расформированія полиціи безопасности, то я не могъ ничего возразить противъ упраздненія политической полиціи, ибо въ свободной странѣ не должно быть мѣста для политическаго сыска. Я охотно принялъ на себя порученіе расформировать Кіевское Губернское Жандармское Управленіе и принять всѣ дѣла его для передачи въ архивъ и изученія ихъ.

Но когда зашла рѣчь объ арестѣ всѣхъ чиновъ жандармскаго управленія, — а такая рѣчь зашла очень быстро, — я возсталъ противъ этого всѣмъ своимъ существомъ. Я не могъ допустить мысли, чтобы нужно было арестовать людей, слугъ стараго правительства, которые не были руководителями жизни страны, а были только болѣе или менѣе ревностными исполнителями воли пославшихъ ихъ, — только за то, что они были этими слугами. И я горячо возставалъ. Къ счастью я былъ не одинокъ: меня поддерживали кое-кто изъ членовъ Комитета, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія права, а не силы и произвола. Аресты всѣхъ жандармовъ, какъ норма, не прошли. Но поднялся вопросъ объ арестѣ нѣсколькихъ высшихъ чиновъ Жандармскаго Управленія, въ этомъ числѣ и генерала Шределя, который подписалъ приказъ о моемъ арестѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, всего нѣсколько дней тому назадъ. Это обстоятельство заставило меня особенно осторожно отнестись къ предложенію объ его арестѣ, и такъ какъ намѣчалось большинство, склонявшееся къ утвержденію ареста его, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ героической мѣрѣ. Я сказалъ, что я беру его на свою отвѣтственность, подъ поручительство, и прошу его не арестовать. Комитетъ согласился со мною, и онъ не былъ арестованъ. А разъ его не арестовали, то арестъ другихъ чиновъ того же управленія оказался ненужнымъ.

Я былъ безконечно счастливъ, что не совершилось въ первые дни революціи акта, подобнаго акту мести, и что свѣтлые дни свободы не омрачились для меня хотя бы косвеннымъ участіемъ въ этихъ актахъ.

Какъ то вечеромъ, если не ошибаюсь, 5/18 марта, т. е. на третій день послѣ моего освобожденія, звонятъ мнѣ на квартиру по телефону.

“Алло. Кто у телефона?”

“Генералъ Ходоровичъ! Здравствуйте!”

“Здравствуйте, Ваше Превосходительство, что прикажете?”

“Я слышалъ”, — говоритъ генералъ, и въ голосѣ его слышна тревога, — “что Вы собираетесь арестовать меня и генерала Медера (Комендантъ).

“Нѣтъ, Ваше Превосходительство. И не думаю”, — отвѣтилъ я, смѣясь. И я поѣхалъ немедленно къ нему, чтобы успокоить его и снять всякую тѣнь подозрѣній и сомнѣній въ этомъ отношеніи. Мы просидѣли съ нимъ часть вечера, и я успокоилъ его. Во время моего визита къ нему позвонилъ генералъ Медеръ съ такимъ же запросомъ, и онъ успокоилъ его заявленіемъ: “У меня сидитъ полковникъ Оберучевъ, и онъ утверждаетъ, что ничего подобнаго не предполагается. Собирайтесь и уѣзжайте завтра на фронтъ”.

Чтобы читателямъ былъ понятенъ этотъ діалогъ, я долженъ сказать, что арестныя устремленія кое-кого изъ членовъ комитета были направлены и въ сторону Ходоровича и Медера. Противъ Медера былъ выдвинутъ цѣлый рядъ обвиненій со стороны недовольныхъ имъ офицеровъ и солдатъ, недовольныхъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ педантъ, и не одинъ воинскій чинъ претерпѣлъ отъ его педантизма и стремленія къ внѣшнему порядку. Серьезныхъ, криминальныхъ обвиненій противъ него, однако, выдвинуто не было, и Комитетъ рѣшилъ его не арестовывать, а попросить Ходоровича немедленно убрать его, замѣнивъ другимъ лицомъ, что Ходоровичъ и сдѣлалъ безъ замедленія.

Мысль объ арестѣ генерала Ходоровича и замѣнѣ его въ должности Командующаго Войсками пишущимъ эти строки тоже мелькала кое у кого, и этотъ вопросъ дебатировался. Но такъ какъ я категорически заявилъ, что не послѣдую по стопамъ полковника Грузинова, смѣстившаго въ Москвѣ Командующаго Войсками и въ революціонномъ порядкѣ занявшаго этотъ постъ, и что если генералъ Ходоровичъ, въ пребываніи коего на своемъ посту я не видалъ ничего опаснаго для революціи и свободы, будетъ арестованъ, то я уйду съ должности военнаго комиссара, — этотъ вопросъ былъ снятъ съ очереди лицами, внесшими его.

Вотъ почему я имѣлъ полное право успокоить и генерала Ходоровича и генерала Медера, что имъ не грозитъ арестъ, и что они могутъ спать спокойно.

Но если мои ожиданія вполнѣ оправдались въ отношеніи Ходоровича, то въ отношеніи Медера я оказался плохимъ пророкомъ.

Тогда, когда я говорилъ съ Ходоровичемъ, въ тотъ вечеръ, я былъ совершенно правъ, ибо днемъ былъ поднятъ вопросъ объ арестѣ Медера, и Исполнительнымъ Комитетомъ онъ былъ разрѣшенъ совершенно отрицательно, хотя не скажу, чтобы очень подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Но уже на слѣдующій день передъ думой собралась толпа солдатъ, а впереди нея два человѣка, — одинъ въ формѣ военнаго врача, другой въ казачьей, забайкальскаго казачьяго войска; и оба поочереди произносили рѣчи о необходимости немедленнаго ареста генерала Медера, такъ какъ онъ "кровопійца" и "мучитель" солдатъ.

Этихъ рѣчей, повторявшихся нѣсколько разъ въ самой истерической формѣ, было достаточно, чтобы до такой степени наэлектризовать толпу, что требованія "арестовать Медера" раздавались все настойчивѣе и настойчивѣе.

И такъ какъ толпа все прибывала, а среди солдатъ было, дѣйствительно, много недовольства противъ коменданта, то можно было бояться самосуда толпы надъ Медеромъ. А разъ допустить произвольныя дѣйствія толпы въ одномъ случаѣ, легко было перейти къ погромамъ и вообще самымъ необузданнымъ выступленіямъ, въ особенности учитывая наличность въ толпѣ лицъ съ темнымъ прошлымъ и готовыхъ науськивать толпу на всякія выступленія.

И Исполнительному Комитету пришлось вновь пересмотрѣть вопросъ о Медерѣ, и рѣшенъ былъ этотъ вопросъ теперь въ положительномъ смыслѣ. Черезъ часъ бѣдный старикъ былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость.

Нѣсколько разъ послѣ этого поднимался вопросъ объ его освобожденіи, но сконструировавшійся къ тому времени Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ, равно какъ и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, высказывались противъ, и нельзя было его освободить. Пришлось перевезти его въ Петроградъ, а тамъ, внѣ досягаемости кіевскаго гарнизона, Временное Правительство, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ для его обвиненія, освободило, наконецъ, старика.

Два же подстрекателя, сдѣлавшіе свое скверное дѣло, послѣ этого какъ то исчезли съ горизонта, и мнѣ не пришлось съ ними болѣе встрѣчаться. Это исчезновеніе, быть можетъ, находится въ нѣкоторой связи съ тѣмъ, что о человѣкѣ въ формѣ военнаго врача начали уже распространяться слухи, мало благопріятные для его политической физіономіи.

Такъ обстояло дѣло съ арестами.

Но это крупные аресты, обсуждавшіеся каждый разъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Повседневная же жизнь давала ежедневно пищу для устремленія лицъ, склонныхъ примѣнять аресты для предупрежденія и предотвращенія.

И здѣсь старые методы, привычки недобраго стараго времени давали себя знать.

Какъ я уже сказалъ, несмотря на разногласія и протесты, все-таки Исполнительнымъ Комитетомъ было рѣшено расформировать городскую полицію и замѣнить ее милиціей. Сформировать таковую сразу было мудрено; но тутъ на помощь пришла учащаяся молодежь, студенты и курсистки, а также и рабочіе, которые добровольно взяли на себя обязанности полиціи, получившей названіе милиціи.

Но, вѣдь, дѣло не въ названіи. Функціи у нея остались тѣ же: ловить воровъ, грабителей и прочее жулье, котораго оказалось достаточно . А рядомъ съ арестами воровъ у многихъ развился вкусъ и къ предварительнымъ арестамъ "въ порядкѣ цѣлесообразности", какъ покусителей на новый строй.

То и дѣло съ улицы и площадей приводили въ думу, — помѣщеніе Исполнительнаго Комитета, — разныхъ покусителей на новый строй и свободу. Обыкновенно, оказывалось, что арестованные и подъ усиленнымъ конвоемъ приведенные никакой опасности ни для свободы, ни для новаго строя не представляютъ, и приходилось ихъ отпускать немедленно.

Помню одинъ вечеръ. Я стоялъ у входа въ Думу. Приводятъ пару такихъ покусителей — даму и молодого человѣка. Оказывается, что гдѣ-то на площади у толпы летучаго митинга дама, обратясь къ своему мужу, выразила неудовольствіе по поводу манеры говорить оратора, или что-то въ этомъ родѣ. Это показалось мѣстному миліціонеру-студенту опаснымъ для новаго строя, и онъ, взявъ на помощь другого, привелъ парочку подъ усиленнымъ конвоемъ. Я, конечно, немедленно отпустилъ преступниковъ, не допустивъ ихъ даже подняться въ дежурную комнату. И добрый десятокъ такихъ "опасныхъ для новаго строя лицъ" мнѣ пришлось отпустить въ этотъ вечеръ. Послѣдняя преступница было особенно характерна. Два студента, вооруженные съ головы до ногъ, при шашкахъ, револьверахъ и ружьяхъ, привели простую женщину, въ зимнемъ платкѣ, полусвалившимся съ головы.

Возбужденный видъ этой женщины, то недовольство, съ которымъ она обращается ко мнѣ, жалуясь на то, что ее неизвѣстно за что аре-

стовали, показывали, что нужно особенно внимательно отнестись къ этому случаю. И я хотѣлъ подробно распросить, что такое произошло.

По заявленію сопровождавшихъ ее юношей, она поносила новый строй.

"Что же такое сдѣлала она?" — спрашиваю я у приведшихъ ее милиціонеровъ, прежде чѣмъ дать возможность говорить самой "обвиняемой" и предоставить ей дать объясненія.

"Да она сказала: "Перше булы городові, а теперь студенты" (прежде были городовые, а теперь студенты), отвѣтили мнѣ милые юноши, усердно оберегавшіе новый строй отъ всяческихъ покушеній.

Я не выдержалъ и расхохотался, и немедленно отпустилъ торговку, не давъ ей, къ крайнему ея удивленію, возможности даже высказать все, что у нея накипѣло по поводу совершенной надъ нею несправедливости. И пришлось ее уговаривать, чтобы она спокойно шла домой, и что къ ней никакихъ претензій никто не имѣетъ.

А сколько было попытокъ арестовъ инако-мыслящихъ!

Какой то испугъ, боязнь контръ-революціи, какъ бы овладѣлъ многими, и то и дѣло были указанія на необходимость арестовъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ противниковъ. Но къ счастью, Исполнительный Комитетъ въ Кіевѣ былъ достаточно остороженъ и правомъ внѣ судебныхъ арестовъ везъ обвиненія старался не злоупотреблять.

Повторяю, я несказанно благодаренъ старому правительству за то, что оно выслало меня заграницу и дало возможность совершенно вытряхнуть изъ себя жандармское нутро, которое, конечно, было впитано и мною, благодаря жизни при полицейскомъ строѣ старой Россіи.

Но если я всей душой противился всяческимъ арестамъ, за то съ не меньшей силой стремился къ освобожденію изъ тюремъ и мѣстъ заключенія.

Нѣсколько дней пребыванія на кіевской гауптвахтѣ передъ самой революціей дало мнѣ ясное представленіе о томъ, сколько въ Россіи сидитъ безъ дѣла воиновъ, — офицеровъ и солдатъ, — въ ожиданіи окончанія слѣдствія и суда; и мнѣ представилось, что если бы ихъ всѣхъ выпустить, то ряды арміи пополнились бы, и не сплошь преступные это элементы.

И я пошелъ къ генералу Ходоровичу съ просьбой принять съ своей стороны мѣры къ освобожденію всѣхъ подслѣдственныхъ. Кромѣ того, какъ мнѣ было извѣстно, въ тюрьмахъ и острогахъ сидѣло достаточное количество военнослужащихъ, отбывавшихъ каторжныя работы за уклоненіе отъ службы, побѣги, кое-какіе дисциплинарные

проступки, нарушеніе воинской вѣжливости и т. п. Мнѣ казалось, что всѣ эти преступленія суть результаты стараго режима, что отлучки и побѣги иногда объяснялись нежеланіемъ защищать ту родину и ту власть, которыя душили и глушили свободу и совѣсть людей, и что, молъ, теперь, когда страна стала свободной и когда у каждаго должна быть только одна заботушка, какъ бы спасти и сохранить эту свободу, мнѣ казалось своевременнымъ распространить амнистію и на этихъ несчастныхъ сидѣльцевъ. Я переговорилъ объ этомъ съ генераломъ Ходоровичемъ. Все это онъ протелеграфировалъ генералу Брусилову, прося его рѣшенія.

Въ ожиданіи отвѣта я пошелъ на гауптвахту и въ крѣпость объявить сидящимъ тамъ солдатамъ и офицерамъ о предпринятыхъ уже въ отношеніи ихъ шагахъ, такъ какъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи воли и для себя во время объявленія воли всему народу, они могли сдѣлать попытку насильственно вырваться изъ подъ ареста. Восторгамъ не было конца, и они обѣщали ждать спокойно рѣшенія.

Во время этого посѣщенія гауптвахты мнѣ пришлось встрѣтиться съ первымъ "политическимъ арестованнымъ новаго строя".

Когда я пришелъ на гауптвахту, товарищи по былому заключенію говорятъ мнѣ:

"У насъ здѣсь есть политическій".

"Гдѣ онъ?" — спрашиваю я.

Мнѣ показываютъ камеру. Оттуда выходитъ юноша-офицеръ.

Прямой, открытый взглядъ сразу располагаетъ въ его пользу.

"Вы почему здѣсь?" — спрашиваю я его.

"Меня посадилъ командиръ полка".

"За что?"

"Командиръ полка поставилъ намъ — офицерамъ — вопросъ объ отношеніи нашемъ къ перевороту и потребовалъ, чтобы мы дали письменное объясненіе. Я подалъ рапортъ о томъ, что я отношусь къ перевороту отрицательно и что стою за Николая II. Онъ приказалъ меня арестовать и отправить сюда". Объяснилъ юноша.

Это былъ офицеръ перваго польскаго полка, формировавшагося тогда въ Кіевѣ. Меня нѣсколько удивило такое отношеніе его, поляка, къ бывшему царю. Но открытый взглядъ, прямая, простая, безъ рисовки и афектаціи рѣчь заставили меня внимательнѣе отнестись къ нему.

"И такъ, Вы любите Николая II?" — спрашиваю я его.

"Да, я хочу видѣть его на престолѣ".

"И Вы будете стараться возстановить его на престолѣ?"

"Да, непремѣнно".

"Какъ же Вы думаете это дѣлать?"

"Если я только узнаю, что гдѣ-нибудь имѣется заговоръ въ пользу его, я немедленно примкну", — отвѣчаетъ онъ безъ запинки.

"А если нигдѣ не будетъ, сами то Вы будете стараться составить такой заговоръ?"

Юноша задумался.

"Да", — отвѣтилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

"Ну, видите, мы находимъ, что возстановленіе Николая на престолѣ было бы вредно для нашей родины и народа, а потому я не могу отпустить васъ. Вамъ надо немного посидѣть", сказалъ я ему и вышелъ, горячо пожавъ его честную руку. Я хотѣлъ расцѣловать его за такой прямой отвѣтъ, опасный для него въ наше тревожное время. Но удержался.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ говорятъ, что офицеръ хочетъ меня видѣть.

Я пошелъ къ нему.

Опять старый разговоръ.

"Вы любите Николая II?"

"Да".

"И Вы будете стараться возстановить его на престолѣ?"

"Нѣтъ", — сказалъ онъ, потупивъ взоръ, и черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ: "Я считаю это дѣло безнадежнымъ".

"Въ такомъ случаѣ Вы намъ не опасны. Идите. Вы свободны". И я немедленно отдалъ распоряженіе объ его освобожденіи.

Однако, командиръ полка не принялъ его и заставилъ перевестись въ другой полкъ. Уже черезъ нѣсколько дней, во время одной изъ поѣздокъ на фронтъ, я встрѣтилъ его на перронѣ одной изъ станцій. Онъ ѣхалъ на фронтъ въ новую часть.

Гдѣ то теперь этотъ милый честный юноша, который не постѣснялся представителю революціонной власти въ первые дни революціи сказать о своей приверженности къ только-что свергнутому монарху, сказать въ такое время, когда большинство стремилось не только скрыть эти свои чувства, а напротивъ манифестировать совсѣмъ другія и манифестировать такъ усердно, какъ будто они никогда не были монархистами.

Такова была одна изъ памятныхъ встрѣчъ съ "политическимъ".

Тѣмъ временемъ тюрьма гражданскаго вѣдомства заволновалась.

Мнѣ, какъ Военному Комиссару, сообщили, что заключенные хотятъ меня видѣть. Я отправился немедленно.

Здѣсь, обходя камеры и бесѣдуя съ заключенными, я увидѣлъ, какая масса каторжанъ, закованныхъ въ кандалы. И большинство изъ нихъ осужденные за побѣгъ съ военной службы. Сурово старый режимъ расправлялся съ бѣглецами, но это не уменьшало числа побѣговъ: свыше двухъ милліоновъ дезертировъ было внутри Россіи къ началу революціи, и ошибаются всѣ тѣ, кто дезертирство ставятъ въ вину только революціи. Нѣтъ, революція это явленіе приняло уже какъ фактъ, и я долженъ сказать, что послѣ революціи былъ такой періодъ, когда дезертирство сократилось, а прежніе дезертиры являлись въ ряды.

Наличность этихъ каторжанъ, которые были виновны, по моему мнѣнію, въ томъ, что не хотѣли защищать старую Русь, и которые говорили мнѣ, что теперь они готовы стать грудью на защиту молодой свободной Россіи, производила удручающее впечатлѣніе. А когда они просили меня расковать ихъ, я сказалъ, что вмѣстѣ съ просьбой объ ихъ освобожденіи я буду просить Исполнительный Комитетъ снять съ нихъ теперь же кандалы.

Сказалъ я это и подумалъ: "Вѣдь, по существу, Исполнительный Комитетъ имѣетъ въ этомъ отношеніи не больше правъ, чѣмъ и я: и я увѣренъ, что онъ пойдетъ на встрѣчу моему желанію: зачѣмъ эта ненужная проволочка?"

И я рѣшился. Я обратился къ Начальнику арестантскаго отдѣленія и сказалъ ему, чтобы онъ немедленно расковалъ всѣхъ военныхъ арестантовъ.

Велико было обаяніе революціонной власти въ лицѣ Военнаго Комиссара Исполнительнаго Комитета! Начальникъ сейчасъ согласился исполнить это мое далеко превышающее всѣ полномочія распоряженія, и я съ радостью объявилъ арестантамъ, что немедленно привезутъ кузнеца, и онъ сниметъ съ нихъ ненавистные кандалы.

Восторгамъ не было конца, и радостно билось и мое сердце, когда я видалъ эти умиленныя лица арестантовъ.

А вскорѣ пришелъ приказъ Брусилова объ освобожденіи всѣхъ осужденныхъ за побѣгъ и другія воинскія преступленія, равно какъ и о пріостановленіи преслѣдованія нѣкоторыхъ видовъ преступленій. Получилась частичная амнистія для одного округа.

Но вскорѣ правила эти были распространены и на армію, на всѣ округа. Равнымъ образомъ, Временное правительство отмѣнило кан-

далы, и "мое превышеніе власти" было покрыто правительственнымъ распоряженіемъ.

Я ничего не сказалъ о томъ повышенномъ настроеніи, томъ возбужденіи и радости и желаніи манифестировать свои чувства, которыя царили всюду въ первые дни революціи.

Это былъ сплошной праздникъ. Толпа стремилась на улицу. Всѣ привѣтствовали другъ друга, какъ въ Свѣтлый Христовъ день. Красные бантики и розетки, — эти запретные въ недавнее время эмблемы свободы и революціи, — мелькали въ черныхъ пальто и жакетахъ, и красныя ленты скоро исчезли изъ магазиновъ : трудно стало добыть ихъ.

Само собою разумѣется, что въ это время не разъ являлась мысль устроить всенародное празднованіе россійской революціи.

А пока-что предположено было организовать смотръ революціоннымъ войскамъ.

Нужно было нѣкоторое время, чтобы организовать это такъ, чтобы вышло стройно и помпезно. Но буйныя головы не ждали. И если генералъ Ходоровичъ отказалъ мнѣ въ разрѣшеніи объѣхать казармы и поговорить съ солдатами, то это не значитъ, что казармы могли остаться закрытыми для агитаціи. Нѣтъ, туда постоянно ходили и тамъ агитировали.

И вотъ, въ одинъ изъ первыхъ дней революціи, — если не ошибаюсь, 7(20) марта, — генералъ Ходоровичъ созвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей для обсужденія момента ; пригласилъ также и меня, военнаго комиссара.

Въ назначенный часъ утромъ пріѣзжаю я къ нему.

Встревоженный и взволнованный встрѣчаетъ онъ меня и говоритъ:

"Константинъ Михайловичъ. Я только-что получилъ извѣстіе, что въ 147 дружинѣ непорядки. Солдаты арестовали своего командира и вооруженные съ красными знаменами идутъ куда то. Поѣзжайте, пожалуйста, успокойте ихъ."

Конечно. мнѣ не оставалось ничего дѣлать, какъ сѣсть въ автомобиль и мчаться къ мѣсту происшествія.

Пріѣзжаю. На улицѣ стоитъ вся дружина. Командиръ ополченской бригады съ штабомъ обходитъ ряды, говоритъ съ солдатами. По внѣшнему виду спокойно.

Оказывается, что наканунѣ кѣмъ то пущенъ слухъ, что сегодня должно состояться прохожденіе войскъ съ красными знаменами передъ Исполнительнымъ Комитетомъ. И войска, и въ томъ числѣ и эта дру-

жина, собирались на эту манифестацію. Такъ какъ распоряженія по гарнизону объ этомъ не получено было, — его не было, — то командный составъ протестовалъ. Вотъ и достаточное основаніе для конфликта.

Взобрался я на импровизированную трибуну, — груда камней, — и началъ рѣчь, сущность которой сводилась къ тому, что Исполнительнымъ Комитетомъ предполагается сдѣлать смотръ революціоннымъ войскамъ Кіевскаго гарнизона, но что объ этомъ будетъ объявлено своевременно, и что гораздо лучше, чтобы этотъ парадъ вышелъ, дѣйствительно парадомъ, а не случайнымъ выступленіемъ отдѣльныхъ частей, вызванныхъ неизвѣстно кѣмъ и невѣдомо для чего.

Долго пришлось уговаривать. Особенно трудно пришлось съ той ротой, которая завтра должна была уходить на фронтъ, и такимъ образомъ не сможетъ принять участія въ общемъ парадѣ, который я обѣщалъ имъ на послѣзавтра.

“Мы хотимъ представиться Исполнительному Комитету передъ уходомъ на фронтъ”, заявляли они мнѣ.

Но послѣ долгихъ переговоровъ удалось убѣдить и ихъ не идти. И подъ звуки дружиннаго марша съ красными знаменами и пѣснями пошли они въ казармы.

Такъ какъ мнѣ стало ясно, что кто-то собственнымъ починомъ вызвалъ на сегодня тревогу въ войскахъ, мнѣ пришлось принять мѣры къ тому, чтобы уговаривать части не дѣлать этихъ нестройныхъ выступленій.

Я встрѣтилъ послѣ этого цѣлый рядъ воинскихъ частей, направляющихся съ флагами и пѣснями къ Думѣ, и уговаривалъ ихъ не идти сегодня, а отложить до послѣзавтра. И это всегда удавалось.

Послѣ долгихъ скитаній по городу, послѣ цѣлаго ряда рѣчей и обмѣна мнѣніями пріѣхалъ я, наконецъ, къ Командующему Войсками и успокоилъ его, что страшнаго ничего нѣтъ, что тутъ простое недоразумѣніе и возбужденіе вызвано безотвѣтственными и невѣдомыми агитаторами.

Тутъ же было рѣшено, совмѣстно съ представителями Исполнительнаго Комитета, на послѣзавтра организовать торжественное шествіе войскъ гарнизона передъ Исполнительнымъ Комитетомъ и Командующимъ Войсками.

Было составлено расписаніе, ритуалъ отданъ въ приказѣ по гарнизону, и въ назначанный часъ передъ балкономъ Думы, гдѣ стояли

члены Исполнительнаго Комитета и Ходоровичъ, проходили въ стройномъ порядкѣ части войскъ.

День выдался на славу удачный. Яркое солнце бросало свои живительные лучи.

Войска съ развивающимися красными знаменами съ музыкой проходили мимо торжественно встрѣчавшихъ ихъ представителей новой власти.

Каждая часть войскъ останавливалась. Ее привѣтствовали съ балкона краткими рѣчами. Они отвѣчали не только кликами "Ура", но и отвѣтными привѣтствіями по адресу новой власти и представителей свободной Россіи.

Праздничная толпа покрывала всѣ тротуары, запрудила улицу и площадь.

И необычно торжественно прошелъ этотъ военный праздникъ революціи, когда впервые войска дефилировали не только передъ военной властью, но и передъ гражданской, и гдѣ войска съ народомъ слились въ одномъ общемъ порывѣ, не какъ двѣ враждебныя стороны, а какъ родные братья.

По пути слѣдованія войскъ шпалерами стоялъ народъ, и громкіе клики "Ура" и привѣтствія раздавались далеко и долго слышались раскаты привѣтственныхъ кликовъ послѣ того, какъ часть продефилировали передъ нами, и направлялась дальше...

Балконъ Городской Думы, гдѣ помѣщался Исполнительный Комитетъ, былъ мѣстомъ, передъ которымъ цѣлыми днями собирались толпы народа и составлялись импровизированные митинги. Толпа, по временамъ, требовала появленія на балконѣ то того, то иного представителя Комитета и долгими несмолкаемыми криками привѣтствовала того, кто обращался къ ней со словомъ.

Первые дни революціи — былъ сплошной праздникъ и постоянное чествованіе тѣхъ, кого волна революціи вынесла на видныя позиціи.

Но было бы долго и скучно описывать только одни празднества, ибо есть и будни революціи, которыя не менѣе интересны, чѣмъ праздники.

Перейдемъ къ этимъ буднямъ.

V. Исполнительные комитеты.

Я указалъ, что одновременно съ Исполнительнымъ Комитетомъ общественныхъ организацій сформировался и Исполнительный Комитетъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, представители котораго входили уже въ составъ нашего городского Исполнительнаго Комитета.

Образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ изъ представителей рабочихъ разныхъ заводовъ и фабрикъ г. Кіева и ближайшихъ окрестностей, а также изъ представителей партійныхъ организацій. Такъ сконструированный приступилъ онъ къ организаціонной работѣ, дѣйствуя въ контактѣ съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Совѣтовъ военныхъ депутатовъ въ первые дни революціи еще не было.

Но мы видѣли выше, что послѣ долгихъ усилій и настояній удалось, наконецъ, добиться у генерала Ходоровича согласія на созывъ представителей войскъ для выбора членовъ Исполнительнаго Комитета отъ офицеровъ и солдатъ.

Первымъ состоялось собраніе офицеровъ. Было оно въ штабѣ округа.

Я помню это собраніе.

Вокругъ длиннаго стола сидѣли избранные частями войскъ представители офицеры и вели бесѣду на непривычныя для нихъ политическія темы. Мнѣ пришлось принять участіе въ этой бесѣдѣ и въ этомъ собраніи.

Сразу намѣтились два теченія. Одно, представленное очень незначительнымъ числомъ лицъ, стояло на томъ, что собраны они приказомъ по гарнизону для единственной цѣли : выбрать изъ своей среды представителей въ городской Исполнительный Комитетъ. Они должны это сдѣлать и затѣмъ разойтись, такъ какъ на томъ функціи этого собранія прекращаются. Другое, представленное делегатомъ Интендантскаго управленія и поддержанное огромнымъ большинствомъ собранія, доказывало, что мало того, что они должны выбрать своихъ представителей въ общій Исполнительный Комитетъ, но имъ нужно еще создать здѣсь же, не выходя изъ собранія, свой революціонный органъ — совѣтъ и комитетъ офицерскихъ депутатовъ Кіевскаго округа. Представителемъ интендантства даже былъ сдѣланъ особый докладъ о конструкціи этого органа о функціяхъ и предстоящей ему работѣ.

Послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ, во время которыхъ кое-кто изъ присутствующихъ выяснилъ свою политическую физіономію, были

избраны два представителя въ Исполнительный Комитетъ, а кромѣ того настоящій составъ представителей былъ объявленъ Совѣтомъ офицерскихъ депутатовъ съ правомъ дѣлать свои постановленія по разнымъ вопросамъ военной жизни, и постановленія эти представлять Командующему Войсками на утвержденіе и для отдачи послѣ этого въ приказѣ. Тутъ же былъ избранъ Исполнительный Комитетъ Совѣта офицерскихъ депутатовъ и составлено привѣтствіе созываемому на слѣдующій день собранію представителей солдатъ и пожеланіе совмѣстной работы всѣмъ воинамъ гарнизона на общую пользу свободной родины.

Такъ началась жизнь Совѣта офицерскихъ депутатовъ Кіева и его Исполнительнаго Комитета.

Черезъ день я былъ на собраніи представителей солдатъ.

Оно было гораздо многочисленнѣе офицерскаго собранія. Если на офицерскомъ собраніи число участниковъ исчислялось десятками, то здѣсь оно составляло сотни.

Меня поразило то вдумчивое отношеніе, которое проявили эти первые избранники солдатъ.

Дебатировался вопросъ о томъ, кто имѣетъ право присутствовать на настоящемъ собраніи и принимать въ немъ участіе.

Желающихъ быть на собраніи было очень достаточно, и просторный залъ казармы понтоннаго баталіона едва вмѣщалъ всю массу стремившихся на первое открытое солдатское собраніе съ политической окраской.

Не всѣ делегаты явились съ письменными мандатами. Признано возможнымъ ограничиться словеснымъ заявленіемъ и признать делегатами тѣхъ, кто заявитъ о своемъ избраніи. Конечно, если число делегатовъ отъ данной части окажется больше предположеннаго сообразно численности ея, — полномочія таковыхъ должны быть взяты подъ сомнѣніе и провѣрены.

Но, кажется, недоразумѣній въ этомъ отношеніи не было: такова сила революціоннаго порыва, зовущаго къ честному исполненію своего долга.

Второй вопросъ о присутствующихъ.

Принципіально признано, что собраніе открытое, и всѣ могутъ присутствовать на немъ, но по техническимъ соображеніямъ, невозможности, вслѣдствіе тѣсноты зала отдѣлить делегатовъ отъ публики, рѣшено, что публика, не делегаты, должна оставить залъ, дабы не вышло недоразумѣній при голосованіи.

Одна маленькая деталь.

На собраніи присутствовалъ солдатъ, членъ Исполнительнаго Комитета, избранный, какъ я говорилъ, на одномъ изъ летучихъ явочныхъ митинговъ и принятый въ Комитетъ условно до того момента, когда будутъ избраны легально эти члены отъ солдатъ. Онъ пришелъ на собраніе съ красной повязкой члена Исполнительнаго Комитета и былъ тутъ же избранъ товарищемъ предсѣдателя. Когда состоялось рѣшеніе, что посторонніе въ собраніи не участвуютъ и даже не присутствуютъ, онъ заявилъ, что самъ онъ не является делегатомъ какой-либо войсковой части и спросилъ, можетъ-ли онъ участвовать въ собраніи, какъ членъ Исполнительнаго Комитета.

Собраніе, устами предсѣдателя и нѣкоторыхъ ораторовъ, выступавшихъ по этому поводу, выразило ему чувства признательности, что онъ съ первыхъ дней революціи активно проявилъ свое сочувствіе ей и принялъ дѣятельное участіе въ работахъ Исполнительнаго Комитета, но тѣмъ не менѣе, будучи послѣдовательнымъ, собраніе не можетъ разрѣшить ему, какъ не имѣющему мандата части, участвовать въ собраніи въ качествѣ полноправнаго члена; но во вниманіе его заслугъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ постороннихъ, ему разрѣшается присутствовать на собраніи.

У него хватило такта немедленно сложить съ себя полномочія товарища предсѣдателя собранія и отойти въ сторону, воспользовавшись разрѣшеніемъ присутствовать на собраніи въ качествѣ гостя.

Такъ умѣло и тактично рѣшались вопросы представительства и участія на этомъ первомъ избирательномъ собраніи.

Цѣлый день происходило это собраніе. Много рѣчей произнесено, много хорошихъ словъ сказано различными представителями войскъ, въ которыхъ представлялась вся вѣра въ революцію и рожденіе новой свободной Россіи, и я не забуду солдатскаго собранія, на которомъ проявлено было такъ много любви къ родинѣ.

Раннимъ утромъ на слѣдующій день закончилось собраніе. Были избраны члены въ Исполнительный комитетъ. Кромѣ того, по примѣру офицеровъ, рѣшено настоящее собраніе считать Совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ, отъ котораго избрать Исполнительный Комитетъ Совѣта солдатскихъ депутатовъ.

Такъ сконструировался второй Совѣтъ, который вскорѣ же вошелъ въ полный контактъ съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, съ одной стороны, и Совѣтомъ офицерскихъ депутатовъ, съ другой, составивъ вмѣстѣ съ нимъ общій Совѣтъ военныхъ депутатовъ Кіевскаго гарни-

зона, а потомъ, по пополненіи его делегатами провинціальныхъ гарнизоновъ, — Совѣтъ военныхъ делегатовъ Кіевскаго Военнаго Округа.

Говоря объ Исполнительныхъ Комитетахъ, принимавшихъ въ Кіевѣ активное участіе въ революціонной жизни края, нельзя обойти молчаніемъ наличность еще одного.

Я говорю о коалиціонномъ Совѣтѣ студенчества.

Эта организація, всплывшая наружу съ первыхъ же дней революціи, составилась на основѣ представительства партійнаго студенчества и представляла изъ себя ту студенческую политическую организацію, которая въ старой Россіи жила и работала въ подпольѣ, тайно отъ взоровъ и устремленій жандармовъ и полиціи.

Она не являлась представительствомъ студенчества, избраннымъ на основѣ прямого и равнаго избирательнаго права, и, конечно, не отражала студенчества во всей его полнотѣ, но это была группа активныхъ работниковъ студенческой молодежи, подошедшихъ уже открыто къ политической жизни страны. Коалиціонный Совѣтъ студенчества добился права делегировать своихъ представителей въ Городской Исполнительный Комитетъ.

И такъ, въ видѣ руководящихъ органовъ революціонной демократіи, почти съ первыхъ же дней въ Кіевѣ мы имѣли :

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, съ его Исполнительнымъ Комитетомъ.

Совѣтъ военныхъ депутатовъ, съ его Исполнительнымъ комитетомъ и подраздѣленіемъ на два Совѣта : — Солдатскихъ и Офицерскихъ депутатовъ.

Коалиціонный Совѣтъ студенчества, съ его Исполнительнымъ Комитетомъ.

И, наконецъ, Совѣтъ общественныхъ организацій города Кіева, съ его Исполнительнымъ Комитетомъ, признаннымъ Временнымъ Правительствомъ органомъ этого правительства. Въ составъ этого Комитета въ качествѣ членовъ входили и представители трехъ перечисленныхъ выше Исполнительныхъ Комитетовъ.

Надо сказать, что кое-кому Исполнительный Комитетъ казался слишкомъ буржуазнымъ, и они стремились демократизировать его путемъ увеличенія представительства отъ трехъ вышепоименованныхъ Совѣтовъ. Исполнительный Комитетъ не противился такой демократизаціи, такъ какъ считалъ ее не лишней, и составъ представительства рабочихъ, солдатъ и студентовъ усилился.

Исполнительный Комитетъ съ первыхъ дней революціи пользо-

вался обаяніемъ революціонной власти, и на его разрѣшеніе восходили всяческіе наиболѣе сложные и трудные вопросы мѣстной внутренней не только политической жизни.

Въ принципѣ было рѣшено, что всякое постановленіе другихъ организацій, носящее общій характеръ, должно быть передано на разсмотрѣніе Исполнительнаго Комитета, который ставитъ окончательное рѣшеніе, и только тогда оно проводится въ жизнь. Но, къ сожалѣнію, довольно скоро отъ этого принципа отказались, и часто президіумъ Исполнительнаго Комитета для рѣшенія общихъ важныхъ вопросовъ созывалъ соединенныя собранія всѣхъ четырехъ Исполнительныхъ Комитетовъ.

Этимъ онъ сразу подорвалъ свой авторитетъ, такъ какъ такія соединенныя собранія были просто нелѣпы : вѣдь въ составъ городского Исполнительнаго Комитета входили и въ достаточномъ числѣ представители всѣхъ остальныхъ Исполнительныхъ Комитетовъ, которые могли отстаивать точку зрѣнія и поддерживать рѣшенія этихъ Комитетовъ.

Вслѣдствіе допущенной ошибки часто получался сумбуръ. Рѣшенія Исполнительнаго Комитета пересматривались соединеннымъ собраніемъ, иногда перерѣшались по нѣсколько разъ, и авторитетъ Исполнительнаго Комитета все болѣе падалъ.

Такъ или иначе, но всѣ организаціи работали сообща, и много творческой работы было совершено этими комитетами. Возьмемъ хотя бы Исполнительный Комитетъ военныхъ депутатовъ. Онъ постоянно высылалъ своихъ членовъ въ провинцію для улаженія инцидентовъ, рождавшихся тамъ благодаря неопредѣленности положенія. И не разъ предотвращались крупныя недоразумѣнія, только благодаря тому, что во время пріѣзжали изъ Кіева делегаты.

Было бы очень долго разсказывать о всей суммѣ работы, произведенной этими комитетами. Пусть, бывали ошибки. Пусть, иногда порученія выполнялись неудачно, но все же много пользы въ общественномъ смыслѣ принесено этими общественными организаціями, родившимися въ пореволюціонный періодъ и осуществлявшими революціонную власть въ краѣ.

Городской Исполнительный Комитетъ, какъ органъ управленія городомъ и его общественно-политической жизнью, конечно, былъ органомъ временнымъ, и само собою разумѣется, его полномочія должны были прекратиться, какъ только на смѣну ему пришли легально, новой властью проведенные, новые органы. Такимъ образомъ явилась

новая городская Дума, выбранная по новому закону на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

И когда сконструировалась новая Дума, въ кругъ вѣдѣнія которой вошли не только чисто хозяйственныя дѣла, но и дѣла общественнаго и политическаго характера и городского самоуправленія во всей его полнотѣ, Совѣтъ общественныхъ организацій и его Исполнительный Комитетъ должны были прекратить свое существованіе и уступить свое мѣсто Думѣ и Управѣ, составленнымъ съ значительнымъ преобладаніемъ соціалистическихъ элементовъ.

Перваго августа состоялось закрытіе Исполнительнаго Комитета Совѣта общественныхъ организацій. Жаль только, что Исполнительный Комитетъ, пользовавшійся такимъ авторитетомъ и вліяніемъ въ началѣ революціи, не съумѣлъ сохранить его до послѣднихъ дней : смерть его прошла совершенно незамѣтно, какъ будто въ жизни города не случилось ничего. Этотъ фактъ показываетъ, какой ошибочный былъ шагъ устройства соединенныхъ засѣданій.

А вѣдь, было время, когда все исходило отъ Исполнительнаго Комитета. Всѣ шли къ нему.

Я разсказалъ выше манифестацію войскъ Кіевскаго Гарнизона, дефилировавшихъ передъ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Вспоминаю другую, болѣе грандіозную манифестацію : всенародное шествіе къ Думѣ и дефилированіе передъ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Это было 16(29) марта.

Революціонныя организаціи рѣшили устроить смотръ революціоннымъ силамъ. Всѣ рабочіе, работницы, учащаяся молодежь, партійныя, національныя и другія организаціи должны были въ стройномъ порядкѣ одна за другой проходить передъ Исполнительнымъ Комитетомъ, помѣстившимся на балконѣ зданія Думы. Войска гарнизона шпалерами были разставлены по улицамъ города, гдѣ проходили манифестанты. Весь живой Кіевъ высыпалъ на улицу. И опять, какъ бы сочувствуя этому всенародному празднику, природа подарила насъ чуднымъ днемъ.

Съ ранняго утра поднялись всѣ и собирались въ указанныхъ мѣстахъ, въ 9 часовъ утра, согласно установленному церемоніалу, двинулся первый рабочій отрядъ.

Въ 10 часовъ онъ прошелъ мимо Думы и выслушалъ привѣтствія отъ представителей революціоннаго народа.

И такъ непрерывной лентой, начиная съ 10 часовъ утра и до

6 часовъ вечера, проходили мимо Думы и выслушивали и высказывали привѣтствія, манифестировали свои чувства громадныя группы. А публика, не входящая въ организаціи, стояла толпами на всемъ пути вдоль улицъ города. Особенно много было народу около Думы. Сплошное море головъ. Интересно было смотрѣть вдоль Крещатика (главная улица Кіева, ведущая къ Думѣ) : толпы народа стройными рядами съ развѣвающимися знаменами, красными и національными, съ надписями и девизами на нихъ, съ розетками на груди шли вдоль улицы, и не видно концца краю.

Такъ манифестировалъ свои чувства Кіевъ 16(29) марта.

Болѣе полумилліона народа было на улицахъ. Казалось, временами, нельзя пройти манифестантамъ, и вотъ-вотъ будетъ катастрофа.

Но ничего не случилось, и благополучно прошелъ весь день.

Несмотря на массы народа, скопившіяся на улицахъ, за весь день не было ни одного несчастнаго случая, и каретамъ скорой медицинской помощи, мобилизованнымъ и подготовленнымъ на этотъ день въ большомъ количествѣ, не пришлось работать, не было надобности выѣзжать.

Такъ стройно и спокойно прошла эта незабываемая народная манифестація.

Радостно прошелъ весь день, и какъ-то чувствовалось, что масса вся проникнута сознаніемъ величія переживаемаго момента.

VI. ПОѢЗДКИ НА ФРОНТЪ. — БЕСѢДЫ СЪ ВОЙСКАМИ. — ГЕНЕРАЛЪ БРУСИЛОВЪ. — ГЕНЕРАЛЪ КАЛЕДИНЪ.

Послѣ этого праздника революціи Исполнительный Комитетъ рѣшилъ командировать меня, какъ военнаго комиссара, а также нѣкоторыхъ членовъ на фронтъ.

Вмѣстѣ съ нами поѣхали представители рабочихъ и гарнизона, и такимъ образомъ составилась большая делегація, которая и отправилась въ арміи генерала Брусилова съ привѣтомъ. По счастливой случайности одновременно съ нами въ томъ же поѣздѣ оказались три члена Государственной Думы, делегированные для той же цѣли Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы.

Въ живой бесѣдѣ провели мы большую часть нашего пути. Они наперерывъ разсказывали намъ о свѣтлыхъ дняхъ переворота въ Питерѣ, о той же легкости, съ которой этотъ переворотъ совершился, и о всемъ пережитомъ тогда, въ эти радостные дни. Мы жили вдали отъ центра и знали только по газетамъ, и мнѣ впервые пришлось встрѣтиться съ людьми, близко стоявшими къ событіямъ въ центрѣ въ моментъ переворота.

Поѣздъ нашъ подходилъ къ перрону послѣдней станціи, гдѣ мы должны были высадиться, чтобы отправиться въ ставку Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта, генерала Брусилова.

Но что значитъ эта толпа, что стоитъ на перронѣ ? Почему развѣваются красные флаги въ такомъ огромномъ количествѣ ?

Мы останавливаемся. Вагонъ нашъ противъ вокзала. На перронѣ, окруженный публикой и солдатами, стоитъ Брусиловъ со своимъ Штабомъ.

Это генералъ Брусиловъ устроилъ торжественную встрѣчу пріѣхавшимъ делегатамъ. Онъ обратился къ намъ съ привѣтомъ, въ отвѣтъ на который всѣ члены делегаціи по очереди произнесли короткія привѣтствія. Кругомъ толпа, на перронѣ, на крышѣ вокзала, на крышахъ вагоновъ привезшаго насъ поѣзда. Всѣ слушаютъ внимательно и громко и восторженно отвѣчаютъ на привѣтствія. Тутъ же на перронѣ члены Исполнительнаго Комитета губернскаго города, члены Исполнительнаго Комитета рабочихъ депутатовъ, представители политическихъ партій, всѣ со своими знаменами, съ привычными надписями, характеризующими партійность, и всѣ они со словами привѣта, восторженно принимаютъ нашу смѣшанную по составу, но общую по чувствамъ и настроеніямъ въ данный моментъ делегацію.

Послѣ долгаго обмѣна привѣтствіями мы вышли на подъѣздъ вокзала, и тамъ насъ ожидали выстроенные ряды войскъ гарнизона. Хоръ музыки заигралъ марсельезу, послѣ чего опять полились рѣчи и привѣтствія, обращенныя къ гарнизону, къ воинамъ, стоящимъ на стражѣ страны и свободы.

Насъ ждали уже гостепріимные хозяева, и мы въ предоставленныхъ намъ автомобиляхъ отправились прямо въ офицерскую столовую штаба, гдѣ въ большомъ залѣ былъ сервированъ скромный столъ.

Радостно встрѣтила насъ офицерская семья, переживавшая вмѣстѣ со всей Россіей минуты счастья и упоенія новой жизнью и ожидавшая улучшенія и ея профессіональнаго дѣла отъ перемѣны строя, отъ замѣны стараго бюрократическаго произвола такими формами

государственной жизни, когда свободно высказанное мнѣніе не будетъ поставлено въ вину, а напротивъ будетъ привѣтствуемо, какъ выполненіе гражданскаго долга, отъ котораго, конечно, несвободенъ офицеръ, воинъ.

Незамѣтно прошелъ обѣдъ въ живой бесѣдѣ и взаимныхъ привѣтствіяхъ, гдѣ проявилось столько искренности и неподдѣльнаго восторга всѣмъ совершившимся.

Мы отправились всѣ на собраніе Совѣта солдатскихъ депутатовъ гарнизона, гдѣ тотъ же подъемъ, тотъ же праздникъ, та же вѣра въ лучшее будущее, вѣра въ то, что наступила новая эра жизни, что возврата къ прошлому быть не можетъ, что оно умерло, сгнило безвозвратно.

А затѣмъ, вечеромъ всѣ мы должны были принять участіе въ собраніи Совѣта общественныхъ организацій, того органа, который только на дняхъ сконструировался по образцу кіевскаго и для той же цѣли — управленія мѣстной жизнью, сообразно новымъ началамъ, выдвинутымъ революціей.

Здѣсь тоже прежде всего взаимныя привѣтствія. Но не только для обмѣна привѣтствіями и торжества пригласили насъ сюда дѣятели города, а для того, чтобы въ общей бесѣдѣ узнать у насъ, какъ складывается революціонная власть въ Кіевѣ, имѣвшемъ уже двухнедѣльный опытъ, и что нужно дѣлать теперь же на первыхъ порахъ.

Мы дѣлились своимъ скромнымъ опытомъ, разсказывали въ какія формы выливается у насъ жизнь, не скрывали ошибокъ и неудачъ, ибо на ошибкахъ другихъ учатся. До поздней ночи затянулась наша бесѣда.

Въ промежуткѣ между двумя засѣданіями и перерывѣ между обѣдомъ въ штабѣ и ужиномъ въ гостиницѣ, даннымъ намъ горожанами, мы успѣли всей делегаціей переговорить съ Брусиловымъ.

Бодрый, сѣдой, суховатый на видъ старикъ, небольшого роста, и съ полнымъ энергіи лицомъ, генералъ Брусиловъ производилъ двойственное впечатлѣніе.

Дѣланная суровость во взглядѣ и неподдѣльная доброта, сквозившая въ то же время въ его глазахъ, ясно показывали, что напрасно онъ старается напустить на себя суровость. Онъ не можетъ скрыть доброты, таящейся въ тайникахъ его души.

Я зналъ имя Брусилова задолго до войны и до его наступленія на юго-западномъ фронтѣ, но зналъ его только, какъ лихого наѣздника, начальника офицерской кавалерійской школы, сочувствовавшаго во-

енному спорту и чуть ли не перваго, начавшаго полосу далекихъ верховыхъ пробѣговъ.

Я зналъ также близость его ко двору и подходилъ къ нему съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

Но чѣмъ больше мнѣ пришлось съ нимъ бесѣдовать, тѣмъ больше предубѣжденіе мое разсѣивалось. А въ этотъ пріѣздъ мнѣ пришлось не только слышать его привѣтствія, но мы разговаривали съ нимъ всей делегаціей, затѣмъ отдѣльно небольшими группами, и, кромѣ того, передъ отъѣздомъ мнѣ удалось поговорить съ нимъ съ глазу на глазъ.

И каждый разъ и въ словахъ и въ тонѣ его голоса мнѣ слышалась неподдѣльная радость его по случаю происшедшей такъ для него неожиданной перемѣны.

Онъ съ радостью отправлялъ членовъ думской и нашей делегаціи на фронтъ и далъ возможность посѣтить войсковыя части и говорить съ ними совершенно свободно.

Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что мнѣ не пришлось въ этотъ пріѣздъ поѣхать на фронтъ, — меня требовали въ Кіевъ, — и на слѣдующій же день я долженъ былъ возвратиться обратно. А передъ отъѣздомъ мы разговорились съ генераломъ Брусиловымъ.

Безъ намека съ моей стороны, по собственному почину, онъ началъ со мной откровенную бесѣду.

"Я монархистъ", — сказалъ онъ, — " по своему воспитанію, по своимъ симпатіямъ, и такимъ я выросъ и былъ всю жизнь. Я былъ близокъ къ царской семьѣ и связанъ съ ней прочно. Но то, что я наблюдалъ послѣднее время, то, что внесло такой ужасъ въ нашу жизнь и нашу армію. (Онъ указалъ здѣсь на Распутина и его близость къ царской семьѣ и управленіе страной) убѣдило меня, что такъ жить нельзя. Перемѣны должны произойти, и я привѣтствую всѣмъ сердцемъ эту перемѣну."

Тутъ онъ остановился и немного призадумался.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ продолжалъ такъ же отчетливо и тѣмъ же спокойнымъ тономъ, какимъ онъ велъ всю бесѣду.

"Какъ монархистъ, я задумался надъ вопросомъ, что дальше. Мнѣ прежде всего показалось наиболѣе пригодной для Россіи формой правленія конституціонная монархія, и я началъ вспоминать всѣхъ возможныхъ кандидатовъ дома Романовыхъ. (Онъ перечислилъ мнѣ всѣхъ ихъ, давъ мѣткія характеристики) И я пришелъ къ заключенію, что въ числѣ ближайшихъ кандидатовъ изъ этой семьи нѣтъ достойнаго,

которому можно было бы спокойно ввѣрить судьбы Россіи. А если нѣтъ таковыхъ въ извѣстной мнѣ старой царской семьѣ, то какая надобность избирать монарха изъ другой семьи. Не проще и не правильнѣе ли выбирать правителя на короткій срокъ, президента, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ замѣнить его другимъ. И я сталъ республиканцемъ."

Мнѣ понравилась эта прямота сужденія стараго, много прожившаго уже генерала, такъ просто и ясно съумѣвшаго опредѣлить свое отношеніе къ переживаемому моменту.

Мы попрощались съ этимъ новымъ республиканцемъ, повидимому, совершенно искренно порвавшимъ со старымъ, и, напутствуемый его добрымъ словомъ, я уѣхалъ назадъ въ Кіевъ.

Неутомимый работникъ—генералъ Брусиловъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи у него нѣтъ и не можетъ быть отдыха. Оперативные доклады, просьбы обывателей, оффиціальные пріемы, особенно участившіеся послѣ революціи, когда безконечное число делегацій ѣздило съ одного конца страны на другой, распоряженія по самымъ мельчайшимъ дѣламъ, которыя часто доходили непремѣнно до него по требованію заинтересованныхъ лицъ, — все это требовало затраты огромной энергіи и давало мало времени для отдыха. Но онъ, всегда ровный, простой, отдавался своему дѣлу весь. И можно только удивляться тому запасу энергіи, который онъ сохранилъ въ себѣ до его возраста.

Я возвратился въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней опять поѣхать въ армію.

Въ началѣ апрѣля я былъ въ Каменецъ-Подольскѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ два дня поѣхать на фронтъ.

Я выбралъ себѣ ту армію, которую еще не посѣщали делегаты — армію Каледина.

Я зналъ Каледина въ молодыхъ годахъ. Я только-что поступилъ въ Артиллерійское училище и былъ въ младшемъ классѣ его, а онъ былъ юнкеромъ старшаго класса. Вспоминаю его всегда сосредоточеннымъ, безъ улыбки, нѣсколько угрюмымъ человѣкомъ. Послѣ выхода его изъ училища я потерялъ его изъ виду. И вотъ, въ Черновицахъ, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться, какъ съ командующимъ арміей. Встрѣтился тотъ же угрюмый человѣкъ, котораго я зналъ еще въ ранней молодости. И я сразу узналъ его.

Мы разговорились съ нимъ о текущемъ моментѣ, и онъ не относился отрицательно къ перевороту. Но онъ не былъ доволенъ введеніемъ войсковыхъ и иныхъ комитетовъ, и терпѣлъ ихъ, какъ введенные

Правительственною властью организаціи. Не ставилъ онъ имъ большихъ препонъ, тѣмъ болѣе, что кругъ обязанностей этихъ организацій и кругъ ихъ правъ не вырисовывались достаточно ясно и опредѣленно въ приказахъ, вводившихъ эти новеллы въ жизнь арміи. Но уже то, что онъ не шелъ къ нимъ на встрѣчу, создало ему массу враговъ среди чиновъ Черновицкаго гарнизона, и члены Исполнительнаго Комитета черновицкаго гарнизона въ первое же свиданіе посвятили меня въ свое недовольство генераломъ Калединымъ.

Тутъ же изъ бесѣды съ членами черновицкаго гарнизона выяснилось, что въ гарнизонѣ происходятъ серьезныя тренія.

Дѣло въ томъ, что рядомъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта солдатскихъ депутатовъ, представленнаго двумя врачами, однимъ военнымъ чиновникомъ, однимъ солдатомъ и однимъ служащимъ городского Союза, группа офицеровъ попытались организовать офицерскій союзъ, или правильнѣе говоря, "Союзъ офицеровъ, чиновниковъ, врачей и священниковъ VIII арміи", и этотъ союзъ встрѣтилъ горячій протестъ со стороны гарнизоннаго Исполнительнаго Комитета.

Меня заранѣе, авансомъ, посвятили въ то, что это "черносотенная затѣя", которой, во что бы то ни стало, надо положить конецъ.

Считая организацію въ данное острое время отдѣльныхъ офицерскихъ союзовъ дѣломъ нетактичнымъ и находя, что таковые союзы на первыхъ порахъ организовать не слѣдовало, я тѣмъ не менѣе ничего опаснаго для дѣла революціи въ нихъ не видалъ, и посему, до знакомства съ работой союза, его дѣятелями и хотя бы программой, сказать ничего не могъ.

На счастье, въ дни моего пребыванія въ Черновицахъ, — я задержался тамъ нѣсколько дней, — состоялось собраніе этого союза, и на таковое меня пригласили.

Члены Исполнительнаго Комитета, знакомившіе меня съ союзомъ, говорили мнѣ, что союзъ этотъ опасенъ, и что мнѣ нужно съ особенной осторожностью отнестись къ нему и его дѣятельности.

"Было у нихъ два собранія, и оба они были закрытые. Это особенно возмущаетъ и вызываетъ негодованіе солдатъ. Вѣдь, тутъ дѣло пахнетъ "контръ-революціей". И слово "контръ-революція" склонялось во всѣхъ падежахъ въ примѣненіи къ этому союзу.

Въ назначенный часъ я былъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ назначено собраніе.

Я совѣтовалъ Каледину непремѣнно поѣхать туда; онъ сначала

согласился, но затѣмъ всетаки не поѣхалъ и на этомъ бурномъ собраніи не присутствовалъ.

Когда я вошелъ въ залъ, театръ былъ уже полонъ. Весь партеръ, всѣ ложи и всѣ мѣста были заполнены, и не только офицеры и солдаты были въ театрѣ, но я видѣлъ въ ложахъ много дамъ и рабочихъ, такъ что представленіе о тайныхъ собраніяхъ и какой-то сугубой конспираціи сразу у меня разсѣялось.

Какъ представитель Временнаго Революціоннаго Правительства, я удостоился особой горячей оваціи, когда предсѣдатель представилъ меня собранію, какъ военнаго комиссара. Но это, между прочимъ. Я упомянулъ объ этомъ, чтобы показать, что общее настроеніе всѣхъ собравшихся сходилось на томъ, что Временное Правительство и его агенты заслуживаютъ довѣрія и вниманія, что это Правительство ведетъ народъ по пути къ свободѣ.

Началось собраніе.

Первымъ говорилъ предсѣдатель и изложилъ въ общихъ чертахъ программу союза, ничего опаснаго для дѣла свободы не представляющую. Рѣчь эта была покрыта громкими аплодисментами, и ясно было, что въ массѣ никакого предубѣжденія противъ этой организаціи нѣтъ.

Но вотъ выходитъ на сцену одинъ изъ врачей членовъ Исполнительнаго Комитета и истерически выкрикиваетъ свою рѣчь, въ которой доказываетъ, что существованіе отдѣльнаго офицерскаго союза рядомъ съ Совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ опасно для дѣла революціи. Что здѣсь солдатамъ не позволяютъ говорить, и что вообще все это — опасная затѣя, противъ которой нужно бороться всѣми способами.

"Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ нашимъ Исполнительнымъ Комитетомъ дѣйствовалъ какой-нибудь другой органъ, Союзъ офицеровъ, врачей, чиновниковъ и священниковъ. Что это профессіональный союзъ, что-ли ? Но нѣтъ, какіе общіе профессіональные интересы могутъ имѣть врачи и офицеры, священники и чиновники. Ясно, что союзъ устраивается для особыхъ, спеціальныхъ цѣлей".

Ясно, что аудиторія, падкая вообще на громкіе выкрики, восприняла эти слова со всей свойственной наэлектризованной толпѣ энергіей, и послѣ грома аплодисментовъ, которыми покрыта была рѣчь этого молодого неврастеника, раздались крики :

"Товарищи, пойдемъ ! Намъ нечего здѣсь дѣлать ! Пусть они сами безъ насъ дѣлаютъ свое темное дѣло !"

И во многихъ ложахъ публика встала и собиралась уже демонстративно уходить.

Надо было спасать положеніе. Надо было возстановить необходимое равновѣсіе, во избѣжаніе возможныхъ эксцессовъ.

И я попросилъ слово.

Любопытство послушать еще невѣдомаго оратора, къ тому же являющагося въ настоящее время представителемъ революціонной власти, а, слѣдовательно, пользующагося извѣстнымъ въ данное время авторитетомъ, остановило толпу, и всѣ заняли свои мѣста и успокоились.

Я бросилъ нѣсколько словъ объ общихъ основахъ свободы союзовъ, собраній и слова, о необходимости уважать чужое мнѣніе, разъ оно искренне, какъ бы оно не расходилось съ нашимъ, и въ самыхъ общихъ формахъ очертилъ нарушеніе этихъ элементарныхъ правъ такимъ демонстративно-враждебнымъ отношеніемъ къ организаціи, только-что сложившейся и еще не опредѣлившей ни своихъ путей, ни своихъ дѣйствій. Я старался быть понятнымъ и краткимъ и такъ закончилъ свое слово :

"Товарищи ! Здѣсь говорили очень много о томъ, что настоящій офицерскій союзъ работаетъ тайно отъ солдатъ и потому опасенъ. Но я вижу здѣсь не только офицеровъ, но и солдатъ, и я увѣренъ, что не только ничего отъ солдатъ не скрываютъ, но если товарищи-солдаты, присутствующіе здѣсь, захотятъ взять слово, то имъ дадутъ и выслушаютъ, какъ равный равнаго. Такъ зачѣмъ же оставлять собраніе, зачѣмъ уходить ? Нѣтъ, нужно остаться, выслушать и узнать, что здѣсь дѣлается, нужно сказать и свое, солдатское слово на этомъ общемъ, публичномъ собраніи. И я увѣренъ, вы здѣсь останетесь и скажете свое слово. Вы не уйдете."

Конечно, громъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на мою скромную рѣчь (Легко давались они въ то свѣтлое время), и всѣ остались и приняли участіе въ дебатахъ.

Я взялъ на себя много, конечно, предложивъ и солдатамъ участвовать въ дебатахъ : я на это не былъ никѣмъ уполномоченъ. Но надо было спасать положеніе, и, конечно, президіумъ немедленно же поддержалъ меня, и предсѣдатель предложилъ записываться и солдатамъ.

Начались дебаты.

Однимъ изъ ораторовъ былъ солдатъ, царскосельской автомобильной роты, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ переворота въ Петроградѣ, какъ онъ отрекомендовалъ себя. Онъ тоже взялъ демагогическій

тонъ и проводилъ рѣзкую черту между офицерами и солдатами, относя первыхъ къ контръ-революціонерамъ. Для вящей убѣдительности, онъ вспомнилъ давніе годы, когда ему еще въ 1906 году, въ началѣ его солдатской службы, пришлось выступать противъ крестьянъ и дѣйствовать по приказу офицеровъ противъ народа.

Ясное дѣло, что это вызвало взрывъ негодованія.

Мнѣ пришлось отвѣтить этому оратору краткой исторической справкой за минувшее столѣтіе, начиная отъ декабристовъ и кончая послѣдними днями, объ участіи офицеровъ въ революціонномъ движеніи и принесенныхъ ими жертвахъ. Я занимался изученіемъ этого вопроса и мнѣ не трудно было по памяти назвать рядъ именъ офицеровъ, по періодамъ русской революціи.

Желая же использовать выступленіе этого солдата для примирительныхъ тоновъ, я задалъ ему такой вопросъ.

"Товарищъ-автомобилистъ сказалъ, что онъ долженъ былъ ходить на усмиреніе крестьянъ. Я прошу его тутъ-же сказать : стрѣлялъ-ли онъ въ своихъ братьевъ крестьянъ или не стрѣлялъ?"

Нѣсколько смущенный вышелъ онъ и, не отвѣчая прямо на вопросъ, повелъ рѣчь о томъ, что солдатъ на службѣ обалваниваютъ, что они дѣлаютъ то, что имъ прикажутъ, и отъ прямого отвѣта уклонился.

Но я не отступалъ.

"Я прошу товарища сказать, стрѣлялъ ли онъ въ крестьянъ или не стрѣлялъ ?" настаивалъ я на своемъ.

"Что за вопросъ ? Зачѣмъ такіе вопросы ? Это провокація !" раздались негодующіе возгласы, и атмосфера накалялась.

"Я попрошу товарища дать мнѣ отвѣтъ и тогда я объясню", со всѣмъ возможнымъ спокойствіемъ заявилъ я.

Солдатъ-автомобилистъ вышелъ сконфуженный и, потупясь долу, едва внятно произнесъ :

"Да, я стрѣлялъ." "Но, вѣдь, мнѣ приказывали", прибавилъ онъ въ оправданіе.

Мнѣ только то и было нужно.

Я взялъ слово и въ горячей рѣчи объяснилъ, что значитъ прожитое время.

"Всего десять лѣтъ тому назадъ нашъ товарищъ, по приказу начальства, самъ стрѣлялъ въ своихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, когда тѣ выходили на защиту своихъ правъ, и у него не хватало смѣлости отказаться и сказать : "дѣлайте со мной, что хотите, а стрѣ-

ми въ своихъ обездоленныхъ братьевъ я не буду". Всего десять лѣтъ тому назадъ онъ былъ покорнымъ рабомъ, а вотъ теперь, мы видимъ его на верхахъ революціи, и онъ съ ружьемъ въ рукахъ выступилъ не противъ крестьянъ и рабочихъ, а на завоеваніе имъ свободы и правъ, на завоеваніе земли и воли. Вотъ что сдѣлали съ нимъ эти десять лѣтъ. Такъ неужели же вы, товарищи, думаете, что эти десять лѣтъ угнетенія и рабства прошли безслѣдно для всѣхъ кромѣ него. И ничего удивительнаго, что теперь въ рядахъ борцовъ за свободу найдутся тѣ, кто десять лѣтъ тому назадъ приказывалъ вамъ стрѣлять въ народъ. Будемъ вѣрить людямъ и будемъ считать ихъ хорошими, пока они не доказали противнаго. И, если вы сохраните эту вѣру до сѣдыхъ волосъ, какъ сохранилъ ее я, лучше будетъ жить всѣмъ. Довольно взаимныхъ подозрѣній. Будемъ жить и работать вмѣстѣ, и тогда всѣ будемъ стоять на защитѣ свободы !"

Я кончилъ. Атмосфера разрѣдилась. Негодующихъ возгласовъ слышно не было, и собраніе смогло перейти болѣе спокойно къ дѣловой работѣ.

По окончаніи этого собранія мы перешли въ другой залъ, гдѣ Исполнительнымъ Комитетомъ были собраны всѣ комитеты частей и представители войскъ, и вновь горячіе споры, вновь потоки рѣчей.

Слишкомъ много рѣчей. Но таковъ весь первый мѣсяцъ революціи.

Да и не только первый.

На слѣдующій день Калединъ далъ мнѣ автомобиль, и я отправился въ Селетинъ : штабъ 18 корпуса.

Чудное утро. Весенній воздухъ опьяняетъ. Солнце еще не высоко и не жарко. Напротивъ, я очень доволенъ, что мои случайные знакомые въ штабѣ арміи снабдили меня теплыми валеными сапогами. Безъ нихъ было бы прохладно.

Покойно скользитъ автомобиль по хорошей шоссейной дорогѣ, и хотя разстояніе до Селетина и значительно, однако, въ обѣденную пору мы успѣваемъ пріѣхать къ штабу корпуса. Тутъ, только пообѣдали, и двигаемся дальше, ближе къ фронту, ближе къ позиціямъ.

Времени у меня было немного, и мнѣ хотѣлось къ вечеру добраться до штаба пѣхотной дивизіи съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день объѣхать всѣ полки.

А ѣхать не вездѣ можно было на автомобилѣ. Черезъ какой-нибудь десятокъ-два верстъ пришлось смѣнить автомобиль на простыя дрожки и скверной, покрытой глубокой грязью, дорогой пробираться до желаннаго пункта.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ я къ штабу, гдѣ меня поджидали, такъ какъ о пріѣздѣ было сообщено.

Обмѣнъ привѣтствіями. Скромный ужинъ и бесѣда до поздней ночи съ новыми, случайными знакомыми, которые въ эту пору смѣнялись у меня, какъ въ калейдоскопѣ.

На слѣдующее утро большое собраніе на площади передъ штабомъ дивизіи.

Полкъ, стоящій въ резервѣ, и полковые комитеты ближайшихъ частей. Да еще какія-то тыловыя части фронта.

Много народу, народу окопнаго и фронтового. Я въ первый разъ на фронтѣ и чувство какой то особенной радости, что привелось встрѣтиться съ тѣми, кто грудью своей защищаетъ страну и свободу отъ натиска сильныхъ, — испытывалъ я отъ этой встрѣчи.

Небольшое привѣтственное слово отъ Временнаго Правительства и Кіева съ моей стороны ; привѣтъ отъ товарищей-офицеровъ и товарищей-солдатъ мнѣ, какъ представителю этой новой власти.

А затѣмъ — бесѣда. Длинная бесѣда на всевозможныя темы. Тутъ и политическіе вопросы, и разница программъ и тактики различныхъ политическихъ группъ и оттѣнковъ. И вопросы дня : недостатокъ одежды, продовольствія, затрудненія въ доставкѣ и полученіи того и другого...

На всѣ вопросы приходилось немедленно давать отвѣты, по возможности исчерпывающіе и удовлетворяющіе. Такъ затянулась наша бесѣда.

Подъ конецъ бесѣды, уже передъ самымъ обѣдомъ, выступаетъ представитель одного изъ полковыхъ комитетовъ и отъ имени полка говоритъ приблизительно слѣдующее :

“Нашъ полкъ съ самаго начала на фронтѣ. Мы устали. Насъ мало осталось, и полкъ рѣшилъ оставить свои позиціи не позже пятнадцатаго числа.”

Я сдѣлалъ большіе глаза.

“Неужели же вашъ полкъ такъ и рѣшилъ оставить позиціи и уйти ? И неужели онъ уполномочилъ васъ заявить объ этомъ здѣсь публично на этомъ собраніи ?”

Возгорѣлся горячій споръ ; большинство ораторовъ солдатъ доказывало невозможность такого рѣшенія, опасность приведенія его въ исполненіе, опасность для самаго дѣла свободы.

Много горькихъ словъ пришлось выслушать сдѣлавшему это заявленіе отъ своихъ же товарищей, и, когда онъ вышелъ вновь, онъ

уже говорилъ не такъ увѣренно. Онъ жаловался на то, что полкъ таетъ, что нѣтъ ему ни смѣны, ни пополненія, и что поэтому трудно приходится полку. Въ концѣ концовъ онъ заявилъ, что полкъ окоповъ не оставитъ, но проситъ только, чтобы ему присылали поскорѣе пополненія, такъ какъ ряды его за время войны порѣдѣли, а послѣднее время пополненій тылъ не давалъ. А если и давалъ, то такія, которыя не доходили.

Легко и просто можно было говорить съ солдатами въ это время!

Еще не дошло до нихъ растлѣвающее вліяніе большевизма, еще говорила только усталость : подъ эту усталость никто не подводилъ идеологическихъ предпосылокъ для оправданія усталости воевать и нежеланія сопротивляться непріятелю, все сильнѣе и сильнѣе напирающему и пользующемуся всякой нашей оплошностью, всякой заминкой.

Въ тотъ же день я проѣхалъ верстъ за двѣнадцать въ кавалерійскую дивизію.

Она стояла въ окопахъ.

Въ ряду вопросовъ, поднятыхъ въ бесѣдѣ въ этой дивизіи, былъ свой спеціальный вопросъ, вопросъ о спѣшиваніи эскадроновъ. Еще до революціи было отдано распоряженіе о спѣшиваніи нѣкоторыхъ эскадроновъ въ кавалерійскихъ полкахъ для составленія пѣшихъ баталіоновъ, и такіе эскадроны были назначены и уже спѣшены.

Теперь, когда право голоса такъ властно пробивается всюду, заинтересованные эскадроны подняли вопросъ о томъ, что такое назначеніе недопустимо, что необходимо выбирать эскадроны по жребію.

Много усилій надо было потратить для того, чтобы доказать, что въ такомъ назначеніи нѣтъ ничего оскорбительнаго, ни нарушенія чьихъ-либо правъ; но все же мы добрались до рѣшенія и пришли къ соглашенію, удовлетворившему и тѣхъ, кто былъ уже спѣшенъ и разсчитывалъ стать коннымъ, и тѣхъ, кто, будучи не спѣшенъ, рисковалъ при новомъ порядкѣ попасть въ категорію спѣшенныхъ.

Такъ покончили миромъ съ этимъ острымъ въ кавалерійской дивизіи вопросомъ, и я уѣхалъ далѣе.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ я въ штабъ другой пѣхотной дивизіи.

Послѣ болѣе чѣмъ скромнаго ужина мы заговорились до поздней ночи съ представителями дивизіоннаго комитета. Немного ихъ было. Споръ возгорѣлся вокругъ вопроса о роли и назначеніи дивизіоннаго комитета. Мои новые знакомые доказывали громадное значеніе дивизіоннаго комитета, какъ контролирующей инстанціи. Только что у нихъ

прошелъ дивизіонный съѣздъ, и они съ восторгомъ разсказывали мнѣ, какъ на съѣздѣ вырабатывалась программа дальнѣйшихъ работъ комитета по постановкѣ дѣла ознакомленія съ жизнью частей дивизіи, съ ея недостатками, съ слабыми мѣстами по боевой подготовкѣ частей, какъ въ смыслѣ техническомъ, такъ и въ строевомъ. Намѣчена организація цѣлаго ряда коммиссій, — оружейной, траншейной, по личному составу, хозяйственной и иныхъ.

"Мы составляемъ особые вопросники по выработанной программѣ, разошлемъ ихъ по полкамъ и, когда получимъ отвѣты, разработаемъ порядокъ улучшенія".

Я отнесся нѣсколько критически къ такой бюрократической системѣ работы, отдававшей стариной коммиссіонныхъ методовъ откладыванія рѣшенія насущныхъ вопросовъ въ далекій ящикъ и сказалъ откровенно, что, по моему мнѣнію, это не жизненно, и отдаетъ рутиной.

"По моему мнѣнію, вы напрасно потратили время на вашемъ съѣздѣ, употребивъ его на выработку какихъ-то программъ, которыя когда еще будутъ проводиться въ жизнь и не скоро дадутъ результаты. Не лучше ли было вамъ поступить иначе. Вѣдь, на вашъ съѣздъ собрались представители всѣхъ частей. Имъ извѣстно много недостатковъ своихъ частей, какъ по части матеріальной, такъ учебной и строевой. Почему бы вамъ тутъ же на съѣздѣ не попросить присутствующихъ просто разсказать, каковы у нихъ окопы, имѣются ли землянки, и хорошо ли онѣ устроены? Въ порядкѣ ли оружіе, шанцевый инструментъ? Есть ли устремленіе къ бою, или апатія и усталость охватила бойцовъ? И т. д.

Много вопросовъ могли бы разрѣшить тутъ на мѣстѣ или намѣтить, въ какомъ направленіи слѣдуетъ работать, чтобы боевая подготовка частей дивизіи была поставлена подлежащимъ образомъ.

"Вы получили бы массу цѣнныхъ свѣдѣній вчера, а сегодня эти свѣдѣнія вы могли бы доложить вмѣстѣ со своими соображеніями начальнику дивизіи (Начальникъ дивизіи присутствовалъ и принималъ участіе въ нашей бесѣдѣ). И я не сомнѣваюсь, что все, что въ силахъ начальника дивизіи, онъ постарался бы исправить. Чего не могъ сдѣлать самъ, онъ направилъ бы къ командиру корпуса и выше, чтобы ему помогли.

"Это было бы вашимъ сотрудничествомъ съ начальникомъ дивизіи, и не только онъ, но и вся родина была бы вамъ благодарна за то живое дѣло, которое вы сдѣлали".

Мы долго спорили. Долго они доказывали необходимость "плано-

мѣрной" работы, и чѣмъ-то слишкомъ теоретическимъ, далекимъ отъ жизни, пахнуло на меня здѣсь въ лѣсистыхъ Карпатахъ, въ скромной хижинѣ, среди людей, казалось, всей своей дѣятельностью такъ удаленныхъ отъ теорій.

Гдѣ льется человѣческая кровь, гдѣ жизни каждую минуту угрожаетъ опасность, и гдѣ нужно умѣть дорого продать свою жизнь въ борьбѣ за счастье родного народа, — тамъ не мѣсто теоротизировать..

Но вотъ, донеслись слухи о дѣйствіяхъ отрядовъ этой дивизіи въ передовыхъ окопахъ. Прошла недѣля-двѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ темную ночь мы вели эту бесѣду.

Германцы пытались тамъ брататься. Временами это имъ удавалось, и они проникали въ окопы въ качествѣ друзей нашихъ солдатъ.

Еще утромъ они были тамъ. Вдругъ, подъ вечеръ, слышутъ какой то неясный шумъ. Съ переднихъ передовыхъ постовъ передаютъ, что собираются германскія колонны. Быстро отдаются распоряженія для встрѣчи противника. Подтягиваются резервы. Германцы открыли огонь, и первые выстрѣлы были направлены по пулеметамъ, которые обычно мѣняютъ мѣста. Вотъ первый результатъ братанья.

Атака. Ее встрѣчаютъ огнемъ и контръ-атакой. Германцы отбиты и ихъ постигла неудача.

А въ первыхъ рядахъ нашихъ бойцовъ участвовалъ и былъ раненъ тотъ самый поручикъ, предсѣдатель дивизіоннаго комитета, который такъ долго и усердно полемизировалъ со мной на теоретическія темы о провѣркѣ готовности къ бою.

Ясно, что дивизія всетаки была готова къ бою: ей нуженъ былъ только порывъ, который и явился, когда войска почувствовали все вѣроломство братальщиковъ.

Я спускался съ горы по склону какъ разъ противъ горы Капуль, той горы, съ которой германцы наблюдаютъ за каждымъ нашимъ шагомъ. Меня предупреждали, что мѣсто это открытое и обстрѣливаемое противникомъ. Но объѣзжать кругомъ далеко, да и ѣздятъ же здѣсь каждый день. Отчего не поѣхать и мнѣ!

Санки быстро скользятъ по снѣгу, апрѣльскому рыхлому снѣгу, хотя и въ горахъ.

Мы свернули въ ущелье и скоро пріѣхали въ расположеніе полка, стоящаго въ резервѣ, но завтра идущаго въ окопы.

Дружественная бесѣда затянулась.

Вотъ выходитъ одинъ солдатъ. Горячо говоритъ онъ и вызываетъ всеобщее сочувствіе.

Онъ кончилъ.

Дружное "Ура" было отвѣтомъ на призывъ его грудью стоять за молодую Россійскую республику.

Онъ сходитъ съ трибуны, а командиръ полка подходитъ ко мнѣ и, указывая на сошедшаго съ трибуны солдата, говоритъ:

"Это у насъ соціалистъ-революціонеръ".

Тутъ я понялъ великое завоеваніе революціи.

Рѣшился бы мѣсяцъ тому назадъ командиръ полка указать на солдата и не скрыть, что онъ соціалистъ-революціонеръ? Не боялись ли всѣ начальствующія лица еще такъ недавно людей, носившихъ это имя, и не обязаны ли были они только при одномъ подозрѣніи о возможности появленія намека на соціалиста-революціонера доводить до свѣдѣнія кого слѣдуетъ для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ?

А тутъ, прямо и открыто человѣкъ выступаетъ, а командиръ полка даетъ ему полную аттестацію, не скрывая его партійной принадлежности.

Какъ то легко и радостно стало здѣсь, и легко вдыхался горный смолистый воздухъ сосноваго лѣса, среди котораго шла наша бесѣда!

Я поинтересовался познакомиться ближе съ моимъ партійнымъ товарищемъ и попросилъ его зайти въ офицерское собраніе послѣ ужина, къ которому милые хозяева меня пригласили.

А когда онъ пришелъ, этотъ милый товарищъ, — мало искушенный въ партійныхъ программахъ, но отсидѣвшій достаточно годовъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ за свою работу въ партіи еще десятокъ лѣтъ тому назадъ, — и мы начали съ нимъ бесѣду, въ ней приняли участіе и офицеры и даже начальникъ штаба дивизіи, и никого это не смущало и не тревожило.

Вспоминаю бесѣду въ горномъ ущельи. Я поздно пріѣхалъ въ этотъ полкъ, и уже вечерѣло, когда мы начали бесѣду.

"Бухъ. Бухъ" вторили нашей бесѣдѣ орудійные выстрѣлы, и отдаленные раскаты и эхо въ горахъ какъ бы подкрѣпляли наши слова о необходимости стойко держаться.

Этотъ вечеръ былъ особенно интересенъ.

Здѣсь впервые выступилъ офицеръ съ рѣзкой критикой солдатъ за ихъ отношенія къ офицерамъ.

"Я слышалъ здѣсь съ разныхъ сторонъ упреки офицерамъ за то, что они не идутъ навстрѣчу солдатамъ, что они чуждаются ихъ", на-

чалъ молодой прапорщикъ послѣ того, какъ дѣйствительно раздавались голоса и произносились рѣчи на эту тему.

"А я спрошу васъ, все ли сдѣлали солдаты, чтобы офицеръ пошелъ къ нимъ съ открытой душой? Вотъ я — ротный командиръ. Я собираю роту для того, чтобы вести ее на работы по устройству дороги, необходимой для подвоза продуктовъ для самихъ же солдатъ. И что же, солдаты охотно идутъ? Нѣтъ. Не идутъ они. И долго приходится уговаривать, прежде чѣмъ часть согласится идти.

"Я вызываю на работы по исправленію окоповъ. Идутъ работать? Нѣтъ. Толкуютъ, нужна ли еще эта работа.

"Я передаю приказаніе командира полка идти на смѣну другой роты, и что же? Такъ быстро исполняется это приказаніе, какъ нужно? Ничуть не бывало..."

"Долой! Не надо его! Довольно!" вдругъ раздались голоса со всѣхъ сторонъ, и громкіе крики недовольства и нетерпѣнія заставили остановиться молодого офицера.

Онъ стоялъ въ недоумѣніи. А толпа гудѣла...

Я взошелъ на трибуну.

Появленіе военнаго комиссара обычно останавливало шумъ и привлекало вниманіе. Вѣдь, это представитель революціонной власти и новый для нихъ человѣкъ.

Всѣ успокоились. Наступила тишина.

"Товарищи", началъ я, "вѣдь у насъ теперь свобода. Такъ развѣ можно въ свободной странѣ на собраніи, гдѣ обсуждаются общіе вопросы, затыкать кому-либо ротъ. Вѣдь, такимъ поведеніемъ вы выражаете неуваженіе къ тому завоеванію, къ которому стремились такъ долго и упорно лучшіе люди страны, и за которыя они сложили свои буйныя головы. Хотя бы изъ уваженія къ тѣнямъ погибшихъ за народное дѣло, памяти которыхъ вы сегодня отдали должное (Мы говорили о нихъ и помянули ихъ), вы не прерывайте товарища-офицера и дайте ему сказать все, что онъ думаетъ".

"Вѣрно, дайте ему говорить", раздались голоса.

И офицеръ продолжалъ свою рѣчь.

Горячо и сильно говорилъ онъ о тѣхъ непорядкахъ и томъ своеобразномъ пониманіи свободы, которое иногда проявлялось среди солдатъ. Не жалѣлъ онъ красокъ для изображенія этихъ непорядковъ. А рѣдкіе выстрѣлы орудій, не прекращавшіеся все время, какъ бы подчеркивали правильность его мыслей.

И послѣ горячей, обличительной рѣчи онъ закончилъ ее призывомъ

солдатъ къ общей дружной работѣ съ офицерами въ имя общаго блага для спасенія общей родины.

И ни одного звука протеста, ни одного укора.

Громкій гулъ аплодисментовъ покрылъ его рѣчь, и онъ сошелъ тріумфаторомъ.

Такова сила горячаго убѣжденія и глубокой вѣры въ справедливость высказываемыхъ мыслей.

Гдѣ теперь этотъ милый прапорщикъ, рѣшившійся такъ смѣло и публично обличать солдатъ въ такое острое время?

А время было, дѣйствительно, очень острое.

Еще нѣсколько дней тому назадъ я былъ въ полку, въ которомъ солдаты убили прекраснаго офицера за одно неосторожно сказанное слово, убили предательски сзади и надругались надъ его трупомъ.

Мнѣ рѣзко пришлось отозваться объ этихъ не найденныхъ убійцахъ, вѣроятно, въ ихъ присутствіи.

Я сказалъ имъ.

"Вы убили офицера, гнусно и подло убили. Мы не будемъ искать теперь убійцъ, и они уйдутъ отъ суда. Но я увѣренъ, что пройдетъ немного времени, и убійцы сами явятся къ властямъ и скажутъ: "это мы убили поручика. Судите насъ. Намъ тяжело, мы не можемъ жить такъ дальше."

И чуткая народная душа поняла здѣсь правду жизни, и ни звука протеста не раздалось по поводу этихъ словъ.

Какъ много пришлось пережить за эти нѣсколько дней, что я провелъ на фронтѣ, среди солдатъ и офицеровъ, проведшихъ годы въ окопахъ.

И несмотря на много споровъ, волненій и тревогъ по поводу разногласій и разномыслія, мнѣ всетаки хорошо вспоминаются эти дни.

Пусть были иногда разномыслія, пусть не всегда сходились во мнѣніяхъ, и обширное было поле для споровъ и кривотолковъ. Но все же въ общемъ масса была настроена хорошо и готова была идти на жертвы, разъ это нужно было, и вѣра была въ правдивость словъ говорившаго. И надо было быть только искреннимъ и открыто идти навстрѣчу имъ, чтобы заслужить эту вѣру и повести ихъ за собой.

Еще не было разслоенія. Еще не было тлетворнаго вліянія большевизма, проявившагося впослѣдствіи во всей своей силѣ. Это было еще время искренняго упоенія революціей и ея завоеваніями, и во имя вѣры въ нее можно было многаго добиться отъ радужно настроенной массы.

И любопытно то, что въ вопросѣ о личныхъ лишеніяхъ таковыя часто отходили на второй планъ; и я не могу забыть, какъ въ артиллерійскихъ и пулеметныхъ частяхъ мнѣ не разъ солдаты говорили: "Хлѣба у насъ мало — перетерпимъ. А вотъ у лошадей фуража нѣтъ. вотъ это бѣда."

Тутъ именно сказалось все величіе русской души, способной на самопожертвованіе.

Нужно только съумѣть взять эту душу. А она покажетъ чудеса самопожертвованія.

Но довольно.

VII. КОМАНДУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ ОКРУГА.

Возвратившись послѣ объѣзда фронта я по срочному дѣлу немедленно долженъ былъ выѣхать въ ставку генерала Брусилова.

Мы кончили съ нимъ бесѣду и рѣшили тутъ вопросъ, по которому спеціально я выѣзжалъ, какъ вдругъ онъ неожиданно обращается ко мнѣ со слѣдующимъ предложеніемъ.

"Константинъ Михайловичъ. Я хочу сдѣлать представленіе о назначеніи васъ Командующимъ Войсками Кіевскаго Военнаго Округа. Согласились бы вы принять этотъ постъ?"

Это предложеніе было для меня полной неожиданностью.

Я задумался.

"Мнѣ кажется", отвѣтилъ я послѣ нѣкотораго раздумья, "что я буду вамъ болѣе полезенъ въ качествѣ военнаго комиссара, чѣмъ въ качествѣ командующаго войсками. Вѣдь, я буду связанъ мѣстомъ и не смогу пріѣхать на фронтъ. Къ тому же, ко мнѣ, штатскому, у солдатъ будетъ больше довѣрія, чѣмъ къ военному во формѣ и съ опредѣленной властью. Кстати, почему вы находите нужнымъ смѣнить генерала Ходоровича"?

"Видите ли, генералъ Ходоровичъ очень нерѣшительный человѣкъ и ничего не хочетъ взять на себя: за всякимъ пустякомъ обращается ко мнѣ съ запросомъ. А теперь не время запросовъ, а время дѣла, и нужно имѣть мужество принимать на себя отвѣтственныя рѣшенія", обяснилъ мнѣ генералъ Брусиловъ.

Я опять призадумался.

Вопросъ ставился вполнѣ опредѣленно и въ категорической формѣ, и нужно было дать на него опредѣленный отвѣтъ.

Но я всетаки рѣшилъ оставить себѣ нѣкоторое время на размышленіе. Мнѣ нужно было еще и еще подумать прежде, чѣмъ рѣшиться дать согласіе на это предложеніе.

Я понималъ, что время такое, когда нельзя отказываться отъ отвѣтственныхъ постовъ, что гражданинъ въ дни революціи долженъ жертвовать собой во имя общаго блага, для общаго дѣла. И какъ бы ни казалось труднымъ положеніе Командного состава въ данное время, нельзя было уклоняться отъ поста.

Но я вполнѣ искренно полагалъ, что въ качествѣ Военнаго Комиссара я могъ бы принести больше пользы дѣлу революціи, чѣмъ въ качествѣ Командующаго Войсками, связаннаго въ своихъ рѣшеніяхъ старыми формами, да и теряющаго часть моральнаго вліянія благодаря тому, что состоитъ на службѣ и является начальникомъ.

Пріѣзжаю въ Кіевъ. Это было 21 апрѣля (4 мая).

Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ заходитъ предсѣдатель Совѣта солдатскихъ депутатовъ и дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

"Товарищъ Оберучевъ. Мы нашли необходимымъ просить Военнаго Министра о назначеніи васъ Командующимъ Войсками Округа. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ присоединяется къ намъ. Мы уже послали делегацію въ Петроградъ, и завтра она будетъ у Военнаго Министра".

Я остолбенѣлъ.

"Слушайте, товарищъ", сказалъ я ему, "не сдѣлали ли вы ошибки? Вѣдь генералъ Ходоровичъ, какъ вы знаете, утверждалъ всѣ ваши постановленія и публиковалъ ихъ. Я же оставлялъ за собой право имѣть собственное мнѣніе и не все утверждать. А вы знаете, что не со всѣмъ, что у васъ дѣлается и рѣшается, я согласенъ. Учли ли вы это?"

"Да, учли, и всетаки настаиваемъ на вашемъ назначеніи".

Мнѣ были закрыты пути отступленія, и я былъ вынужденъ послать генералу Брусилову телеграмму:

"Если находите необходимымъ, согласенъ".

"Нахожу необходимымъ; сдѣлалъ телеграфное представленіе", отвѣтилъ мнѣ генералъ Брусиловъ, и, такимъ образомъ, Рубиконъ былъ перейденъ.

Я не нашелъ возможнымъ скрыть отъ генерала Ходоровича о сдѣланномъ мнѣ генераломъ Брусиловымъ предложеніи и о данномъ мною согласіи.

Тутъ же Ходоровичъ сказалъ мнѣ:

“Я слышалъ, что здѣшній Совѣтъ военныхъ депутатовъ просилъ о моемъ смѣщеніи и о назначеніи васъ”.

Я промолчалъ. Мнѣ не хотѣлось подтверждать этого.

Генералъ Ходоровичъ съ укоризной сказалъ:

“Я ничего не имѣю противъ этого, что они просятъ меня убрать. Но зачѣмъ же они мнѣ не сказали объ этомъ? Я самъ бы подалъ въ отставку”.

И я вполнѣ понялъ его. Общественная организація, которая къ тому же опирается на широкія массы, должна имѣть мужество высказывать свое мнѣніе прямо въ глаза, и молчаніе ея я ставлю въ упрекъ Совѣту.

Узнавъ отъ меня о представленіи Брусилова, генералъ Ходоровичъ немедленно подалъ рапортъ объ увольненіи его отъ должности Командующаго Войсками.

Дня черезъ два отъ делегатовъ получена была телеграмма, что Военный Министръ А. И. Гучковъ согласился на мое назначеніе, а еще черезъ день въ мѣстныхъ газетахъ было опубликовано объ этомъ согласіи, какъ о фактѣ назначенія.

Въ этотъ же день генералъ Ходоровичъ предложилъ мнѣ принять должность, но я отказался: до полученія официальнаго увѣдомленія я не находилъ возможнымъ дѣлать это.

Тѣмъ временемъ наступилъ министерскій кризисъ, въ связи съ нотой министерства иностранныхъ дѣлъ по вопросу объ условіяхъ мира, выдвинутыхъ россійской революціонной демократіей.

Гучковъ подалъ въ отставку и оставилъ министерство, не дождавшись сконструированія новаго и не подождавъ замѣстителя. Дѣло о назначеніи меня Командующимъ Войсками не получило движенія и осталось въ области только пожеланій.

Хорошо, что я не поторопился.

Но всетаки, слухъ о моемъ назначеніи и уходѣ генерала Ходоровича уже пущенъ, и я понимаю то непріятное и тревожное состояніе духа, которое испытывалъ онъ благодаря неосторожной публикаціи предположеній раньше, чѣмъ они осуществились.

Больше двухъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ.

Въ половинѣ мая (15-30) пріѣзжаетъ въ Кіевъ Керенскій, уже въ качествѣ военнаго и морского министра новаго, коалиціоннаго министерства.

О времени его пріѣзда стало извѣстно заблаговременно, и, хотя и поздно, но представители всѣхъ организацій пришли на вокзалъ

встрѣтить его. А толпа народа запрудила всѣ проходы, и у вокзала стояла масса людей.

Генералъ Ходоровичъ какъ представитель офиціальной военной власти, со своимъ штабомъ, я, какъ военный комиссаръ, были тутъ же.

Подходитъ поѣздъ. На площадкѣ послѣдняго вагона стоитъ Керенскій.

Усталый видъ. Нервное возбужденное лицо. Привѣтливая улыбка. Вотъ первое впечатлѣніе.

Я встрѣчался съ Керенскимъ всего одинъ разъ.

Это было въ пору реакціи, въ 1911 году, когда группа общественныхъ дѣятелей рѣшила чествовать обѣдомъ профессора Салазкина, уволеннаго за либерализмъ съ должности Директора Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петроградѣ.

Долго устроителямъ чествованія приходилось добиваться разрѣшенія на устройство обѣда, такъ какъ власти справедливо предполагали въ этомъ чествованіи политическую демонстрацію.

Но, наконецъ, власти уступили, и обѣдъ состоялся.

На этомъ обѣдѣ въ Европейской гостинницѣ мы встрѣтились впервые. Давно это было. Но я, какъ сейчасъ, помню его простую и искреннюю рѣчь, въ которой проявилась вся страстность и искренность его натуры. И онъ мнѣ тогда же показался нѣсколько неуравновѣшеннымъ, нервнымъ, пожалуй, импульсивнымъ, но глубоко преданнымъ дѣлу свободы человѣкомъ.

Теперь мы встрѣтились вторично.

Керенскій пріѣхалъ къ намъ въ ореолѣ славы.

Онъ вывелъ правительство изъ затруднительнаго положенія и помогъ сконструироваться коаліціонному министерству.

Онъ смѣнилъ постъ носителя права — Министра Юстиціи — на постъ носителей силы: Военнаго и Морского.

И этимъ онъ взвалилъ на себя тяжкое бремя...

Два вагона его поѣзда были заполнены преображенцами и матросами, сопровождавшими его въ путешествіи.

Какъ вѣрные рабы, они слѣдовали по пятамъ и оберегали его отъ какого бы то ни было несчастнаго случая въ толпѣ.

Безъ лести преданы были ему эти здоровые молодцы, крѣпкіе и сильные ребята.

Надо было видѣть то обожаніе, съ которымъ смотрѣли они на него, и, окруживъ его цѣпью, открывали ему путь въ самой густой толпѣ.

Но можно ли будетъ удивляться, если въ послѣднее время они, эти преданные ему солдаты революціи, оказались въ рядахъ войскъ, "защищавшихъ" "товарища" Троцкаго.

Времена мѣняются. А въ наше исключительное время — особенно быстро.

И такъ, Керенскій пріѣхалъ къ намъ въ ореолѣ славы.

Встрѣча была торжественная, помпезная.

Быстрой нервной походкой прошелъ онъ, окруженный матросами и солдатами, въ залъ бывшихъ царскихъ покоевъ вокзала.

Здѣсь цѣлый рядъ представителей общественныхъ организацій и партій горячо привѣтствовали его, высказывали сожалѣніе, что онъ только проѣздомъ здѣсь и не остается на болѣе продолжительное время.

Тепло и привѣтно отвѣтилъ онъ всѣмъ и закончилъ свою рѣчь:

"Поздравляю васъ съ новымъ Командующимъ Войсками, полковникомъ Оберучевымъ."

Это было такъ неожиданно, что я сразу опѣшилъ.

Громкимъ "Ура" отвѣтили ему присутствующіе, и мы оба оказались поднятыми на руки.

Къ счастью меня скоро спустили, но Александра Федоровича усадили въ кресло и на рукахъ понесли въ вагонъ. По дорогѣ толпа захотѣла его видѣть, и его вынесли на крыльцо, гдѣ нѣсколько тысячъ народа ожидали хоть на мгновеніе своего революціоннаго вождя.

Это былъ тріумфъ. Торжество. Несмолкаемые крики раздавались въ отвѣтъ на его привѣтныя слова.

Я пошелъ прямо въ вагонъ Керенскаго, такъ какъ мнѣ нужно было съ нимъ поѣхать въ ставку Юго-Западнаго фронта, а черезъ нѣсколько времени туда принесли въ креслѣ Керенскаго.

Усталый и измученный оказался онъ въ вагонѣ, и здѣсь только можно было почувствовать, какъ тяжела эта помпа, эта обязанность быть постоянно на людяхъ, предметомъ всеобщаго вниманія и восторга.

На всѣхъ крупныхъ станціяхъ по пути въ Каменецъ его ждала толпа и даже ночью, поздней ночью, кричала и требовала:

"Керенскаго, Керенскаго!"

Нужды нѣтъ, что онъ усталъ, что нужно ему отдохнуть, чтобы разумно, сознательно и спокойно дѣлать большое государственное дѣло, вести корабль, врученный ему народомъ.

Толпа собралась ночью, собралась въ большомъ числѣ и требовала, чтобы Керенскій вышелъ къ ней и сказалъ пару словъ.

И не всегда удавалось сопровождающимъ его убѣдить толпу, что онъ усталъ и нуждается въ отдыхѣ.

Такъ доѣхали мы до Каменца, гдѣ генералъ Брусиловъ со штабомъ встрѣтилъ Керенскаго на вокзалѣ.

Каменецъ-Подольскъ представлялъ въ этотъ моментъ особый интересъ. Здѣсь засѣдалъ фронтовой съѣздъ и обсуждалъ вопросы момента.

Въ это время уже проникла на фронтъ большевистская пропаганда, и подводились идеологическія предпосылки подъ животное чувство страха передъ опасностью боя и усталости долгой войны.

На съѣздѣ участвовалъ и не безъ нѣкотораго успѣха нынѣшній верховный главнокомандующій прапорщикъ Крыленко.

Я зналъ его раньше. Я встрѣтился съ нимъ, "товарищемъ Абрамомъ", вѣрнымъ прислужникомъ Ленина.

Онъ былъ тогда въ Монтре, въ качествѣ политическаго эмигранта. Съ очень ограниченнымъ кругозоромъ, но твердо заученными шаблонами большевистскаго катехизиса, все ученіе котораго ограничивается двумя-тремя положеніями, — онъ не разъ выступалъ ораторомъ.

Помню въ Монтре, послѣ прочитаннаго мною реферата на тему "Цивилизація и Война", онъ выступилъ и долго и скучно доказывалъ необходимость немедленнаго прекращенія войны (это было въ сентябрѣ 1914 года) и обращенія штыковъ въ другую сторону. Это былъ перефразъ ленинскихъ докладовъ.

Чѣмъ-то наивно-дѣтскимъ отдавала его рѣчь и вспоминаю, что аудиторія довольно быстро опустѣла.

Мнѣ не разъ приходилось потомъ бесѣдовать съ "товарищемъ Абрамомъ" по поводу, по меньшей мѣрѣ, не этическихъ поступковъ нѣкоторыхъ его партійныхъ товарищей, жившихъ въ Лозаннѣ.

Надо правду сказать, онъ кофузливо выслушивалъ мои сообщенія, но искалъ всегда слова оправданія.

Скоро онъ исчезъ съ горизонта.

Какъ прапорщикъ запаса онъ долженъ былъ явиться на родину для отбыванія воинской повинности.

Не знаю, что сдѣлалъ онъ въ теченіе своей службы при царскомъ правительствѣ и стремился ли онъ тогда повернуть штыки противъ капиталистовъ, но въ данный моментъ я засталъ его на Съѣздѣ Юго-

Западнаго фронта, и онъ своей проповѣдью противъ войны привлекалъ сердца многихъ делегатовъ Съѣзда, правда, далеко, не большинства.

Надо сказать, что Юго-Западный фронтъ былъ наименѣе обольшевиченнымъ фронтомъ.

На этотъ съѣздъ, подъ предсѣдательствомъ унтеръ-офицера Дашинскаго, пришелъ теперь Керенскій съ горячимъ словомъ привѣта и съ еще болѣе горячимъ призывомъ къ фронту и его бойцамъ сомкнуть ряды и стать на защиту родины и свободы.

Его горячая рѣчь была встрѣчана съ энтузіазмомъ, и онъ покинулъ трибуну подъ громъ аплодисментовъ почти всей аудиторіи, за весьма немногими исключеніями, — Крыленко и его сосѣди въ ложѣ въ томъ числѣ.

Уже послѣ ухода Керенскаго, не имѣвшаго возможности оставаться дольше, взялъ слово Крыленко.

Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

"Мы, большевики, будемъ все время бороться противъ войны, но если необходимость заставитъ, и намъ прикажутъ перейти въ наступленіе, мы пойдемъ. Я первый позову къ наступленію, и если моя рота за мной не пойдетъ, я пойду одинъ и выполню свой долгъ."

Это было имъ сказано.

А теперь онъ смѣнилъ того, кто исполняя свой долгъ солдата и гражданина отвергъ миръ и перемиріе Троцкаго, какъ накладывающее неизгладимое пятно на честь родной страны.

Таковъ "товарищъ Абрамъ", на военной службѣ — прапорщикъ Крыленко.

Въ англійской печати промелькнуло, въ связи съ упоминаніемъ имени Крыленко, — Абрамъ, что онъ еврей. Въ интересахъ истины считаю нужнымъ сказать, что это невѣрно. То обстоятельство, что Крыленко еще при царскомъ правительствѣ былъ прапорщикомъ запаса, указываетъ на его не еврейское происхожденіе; евреи въ то время офицерами, даже прапорщиками запаса, быть не могли.

Но это между прочимъ.

Я недолго оставался въ ставкѣ. Нужно было немедленно ѣхать въ Кіевъ и уже вступать въ должность.

Черезъ нѣсколько дней на томъ же кіевскомъ вокзалѣ я опять встрѣчалъ Керенскаго, но уже не какъ военный комиссаръ, а какъ Командующій Войсками, и въ военной формѣ, которую не надѣвалъ уже десять лѣтъ.

День торжественныхъ встрѣчъ и митинговъ съ участіемъ Керен-

скаго. Оваціи и ликованіи въ честь его, и вечеромъ мы проводили военнаго министра Керенскаго въ Петроградъ.

Вспоминаю еще одну встрѣчу.

Въ Кіевъ долженъ былъ пріѣхать Альбертъ Тома.

Само собою разумѣется, что революціонная демократія встрѣчала его на вокзалѣ.

Послѣ обмѣна привѣтствіями, мы поѣхали съ Тома и его свитой по городу. Мы познакомили его бѣгло съ памятниками старины, заѣхали въ лавру, прошли даже въ пещеры, гдѣ лежатъ мощи угодниковъ.

Особенно понравились ему образцы народнаго искусства въ открытыхъ лавкахъ по пути къ лаврѣ.

Кое-что онъ купилъ себѣ на память пребыванія на югѣ.

Завтракъ у французскаго консула, гостепріимно открывшаго свой домъ для дорогого гостя и сопровождавшихъ и встрѣчавшихъ его лицъ.

А затѣмъ митингъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, гдѣ собрались члены всѣхъ четырехъ комитетовъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ главѣ V, и представители политическихъ партій.

Соціалисты и демократы горячо привѣтствовали французскаго гостя, имя котораго было извѣстно не только, какъ соціалиста, но и какъ организатора обороны Франціи въ смыслѣ техники для изготовленія предметовъ боевого снаряженія.

И какимъ диссонансомъ прозвучалъ здѣсь голосъ одной обольшевиченной женщины, которая публично обругала его несоціалистомъ и заявила, что "мы, революціонные соціалисты, не находимъ возможнымъ участвовать въ чествованіи Альберта Тома и уходимъ". И небольшая группа лицъ встала съ мѣста и ушла вмѣстѣ съ истерически прокричавшей свою рѣчь ораторшей.

Все это произошло такъ неожиданно, что предсѣдатель не успѣлъ остановить говорившую, а Альбертъ Тома не смогъ ей отвѣтить: такъ быстро она убѣжала, добившись успѣха скандала.

Черезъ два часа былъ публичный митингъ чествованія Альберта Тома.

На этомъ митингѣ опять одинъ большевикъ подобнымъ же образомъ началъ привѣтствовать Тома.

Предсѣдатель, зная заранѣе, чѣмъ это кончится, счелъ нужнымъ остановить оратора.

Деликатный Тома попросилъ предоставить ему слово, и при пол-

номъ молчаніи ораторъ закончилъ упрекомъ Тома за измѣну соціализму.

Встаетъ Альбертъ Тома и съ тонкимъ юморомъ отвѣчаетъ прежде всего:

"У насъ во Франціи не принято, чтобы встрѣчать гостей такимъ образомъ; но мы не во Франціи, а въ Россіи, а это страна всякихъ возможностей, и я не удивляюсь тому, что нашлись здѣсь люди, бросившіе мнѣ упрекъ въ измѣнѣ соціализму, дѣлу котораго я служилъ всю жизнь и продолжаю служить въ настоящее время, вѣря въ его торжество."

И затѣмъ онъ выяснилъ свою точку зрѣнія, какъ соціалиста, и доводы большевика разбилъ самымъ яркимъ образомъ, встрѣтивъ одобреніе во всѣхъ рядахъ многочисленной аудиторіи.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ пріѣзжалъ другой министръ-соціалистъ Эмиль Вандервельде. Онъ тоже ѣхалъ на Юго-Западный фронтъ и въ своемъ распоряженіи имѣлъ еще меньше времени, чѣмъ Альбертъ Тома. Поэтому, только встрѣча на вокзалѣ, завтракъ у французскаго консула, маленькое турне по городу въ открытомъ автомобилѣ и короткая бесѣда въ вагонѣ, вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Но я помню Эмиля Вандервильде въ другой обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ. Это было въ Брюселѣ въ 1912 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Я былъ на этомъ митингѣ.

Только что закончилось засѣданіе бюро Интернаціонала и въ большомъ залѣ брюссельскаго народнаго дома былъ открытъ митингъ протеста противъ войны.

Его открылъ краткой, но яркой рѣчью Вандервельде. Затѣмъ выступали представители международнаго соціализма. Рубановичъ говорилъ первымъ (отъ имени русскихъ). Затѣмъ выступали Жоресъ, такъ несвоевременно павшій жертвой негоднаго убійцы наканунѣ войны, Троельстра (Голландія), Викторъ Адлеръ (Австрія), кажется, Гаазе (Германія). Выступалъ англичанинъ, италіанецъ, турокъ; имена ихъ не сохранились въ моей памяти.

Какимъ свѣточемъ всего міра горѣлъ тогда Эмиль Вандервельде, какъ призывалъ онъ всѣхъ къ окончанію войны, той позорной балканской войны, которая готова была разжечь пожаръ войны міровой и предвѣстникомъ которой она была.

И теперь этого борца за всеобщій миръ событія вовлекли въ войну

самаго, и долгъ соціалиста-гражданина повелительно диктовалъ ему линію поведенія.

Я не могу умолчать еще объ одномъ бельгійскомъ соціалистѣ. Я говорю о Жюль Дестре, нынѣшнемъ бельгійскомъ посланникѣ въ Россіи.

Я слышалъ его на другомъ митингѣ.

Это было въ январѣ 1913 года въ Льежѣ, послѣ побѣды клерикаловъ на выборахъ 1912 года.

Побѣдивъ соціалистовъ, между прочимъ, обѣщаніемъ сокращенія тягостей военной службы, клерикальное правительство выдвинуло военную программу, сильно обременяющую народъ. И противъ этого горячо протестовали соціалисты, и на томъ митингѣ, о которомъ я говорю, Жюль Дестре всей силой краснорѣчія молодого адвоката и убѣжденнаго соціалиста, всей силой души своей горячо обличалъ правительство, такъ повернувшее фронтъ послѣ побѣды.

Предо мной тогда стоялъ народный трибунъ, метавшій громы противъ правительства, влекущаго народъ свой къ ненужнымъ жертвамъ.

А затѣмъ... затѣмъ я встрѣтилъ Жюля Дестре уже въ Швейцаріи, когда въ концѣ 1914 года или началѣ 1915 года онъ пріѣхалъ въ Лозанну читать рефератъ о разгромленной Бельгіи.

Предо мной предсталъ измученный, много переживавшій и перестрадавшій за это время человѣкъ, горячо любящій свою родину и мучающійся за судьбы своего народа.

Усталый, безъ огня и пафоса со слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ, разсказывалъ онъ скорбную повѣсть насилій, совершенныхъ надъ Бельгіей. И только, когда онъ заговорилъ о необходимости защищать свой народъ, свою страну противъ насильниковъ и нарушителей ея нейтральности, заявивъ, что: "У насъ нѣтъ теперь клерикальнаго правительства, а есть правительство національной обороны", я понялъ, что огонь любви къ странѣ и народу въ немъ не угасъ, и онъ, несмотря на усталый и измученный видъ, еще полонъ силъ и готовъ къ борьбѣ.

На обратномъ пути я вновь встрѣчалъ Вандервельде...

Такъ на посту Командующаго Войсками мнѣ приходилось встрѣчаться съ разными лицами, и встрѣчи эти оставляли глубокое впечатлѣніе. Это не было просто оффиціальныя встрѣчи должностного лица. Нѣтъ, это были встрѣчи товарищей-соціалистовъ, съ которыми, не будучи знакомы, мы связаны идейно, и къ которымъ протягиваются интимныя нити международнаго братства.

И весь трагизмъ современныхъ искреннихъ соціалистовъ и заключается въ томъ, что признавая международное братство лучшей основой жизни, они силою вещей вынуждены не только сами принимать участіе въ войнѣ, но, что гораздо тяжелѣе, звать другихъ на борьбу.

Было бы ошибкой, если бы читатель вынесъ впечатлѣніе, что должность Командующаго Войсками округа была почетной, и обязанности его сводились къ торжественнымъ встрѣчамъ проѣзжавшихъ гостей.

Нѣтъ, будни Командующаго Войсками — тяжелыя будни.

Кабинетъ Командующаго Войсками былъ калейдоскопомъ, въ которомъ происходило смѣшеніе языковъ. Всѣ, кому нужно было, приходили къ Командующему Войсками.

А кому не нужно было видѣть его?

Во-первыхъ, пріученные къ трудности доступа къ власти имущимъ и увидѣвшіе, что теперь это такъ легко, — двери открыты для всѣхъ, — обыватели пошли волной.

Затѣмъ, всякіе Исполнительные Комитеты росли, какъ грибы въ дождливую погоду, и всѣ считали необходимымъ не только послать делегацію къ Командующему Войсками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто просить.

Когда ко мнѣ приходили представители какого нибудь Исполнительнаго Комитета, я заранѣе зналъ, что послѣ офиціальнаго привѣтствія у меня непремѣнно будутъ просить "комнату и автомобиль". Какъ будто у меня былъ запасъ комнатъ и фабрика автомобилей.

Вопросъ о комнатахъ для Исполнительныхъ Комитетовъ приводитъ мнѣ на память одинъ изъ трагическихъ вопросовъ, именно вопросъ о реквизиціи частныхъ помѣщеній для нуждъ войны.

Часто, очень часто, приходилось мнѣ распоряжаться о реквизиціи помѣщеній, и каждый разъ, когда я отдавалъ приказъ о реквизиціи, начинались переговоры съ владѣльцами, и обѣ заинтересованныя стороны приходили ко мнѣ и долго-долго приходилось бесѣдовать для улаженія вопроса по возможности безболѣзненно для обѣихъ сторонъ.

Я понималъ, что въ качествѣ Командующаго Войсками, обладающаго всей полнотой власти, я по положенію своему вынужденъ дѣлать много непріятнаго гражданамъ, совершая на каждомъ шагу акты насилія.

Одинъ только разъ за всѣ мѣсяцы моего командованія войсками я былъ увѣренъ, что на мою долю выпало счастье сдѣлать, дѣйствительно, хорошее дѣло.

Мнѣ пришлось снять секвестръ съ имущества одного австрійскаго

подданнаго, секвестръ, наложенный въ самомъ началѣ войны. Владѣлецъ имущества былъ возвращенъ изъ ссылки, и мнѣ показалось возможнымъ возвратить ему его имущество, находившееся подъ секвестромъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ.

Однако, оказалось, что и тутъ, въ этомъ единственномъ случаѣ, когда я чувствовалъ торжество справедливости, я нарушилъ чужіе интересы. Около этого имущества питались люди, и они то заявили претензію и просили не снимать секвестра или, по крайней мѣрѣ, отсрочить снятіе его.

Много разговоровъ и толковъ было по этому поводу, но удалось отстоять.

Надо сказать, что не только доступность новаго Командующаго Войсками была причиной частыхъ и безконечныхъ посѣщеній его всѣми, кто только хотѣлъ, но и привычка къ тому, что въ его рукахъ сосредоточивается власть не только военная, но и гражданская.

И какъ часто уходили отъ меня граждане и гражданки, огорченные отказомъ и ссылкой на то, что этого я не вправѣ сдѣлать, что это дѣло суда или какого-нибудь иного компетентнаго, но не подчиненнаго Командующему Войсками органа.

"А какъ же генералъ такой то, когда былъ Командующимъ Войсками, онъ за насъ заступился?"

И трудно было растолковать этимъ гражданамъ-обывателямъ, что, во-первыхъ, генералъ такой то, будучи Командующимъ Войсками вмѣстѣ съ тѣмъ былъ облеченъ исключительными полномочіями, какъ администраторъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, а кое-кто и злоупотреблялъ своей властью, превышая ее, такъ какъ зналъ, что его распоряженія будутъ выполнены безпрекословно. Представитель же революціонной власти новой молодой Россіи находилъ, что исключительныя полномочія не должны имѣть мѣста и примѣняться не только во вредъ, но даже и для частичнаго блага отдѣльныхъ лицъ, и что граждане должны привыкать къ принципу раздѣленія власти и проведенія въ жизнь начала правъ, а не произвола начальства, хотя бы и самаго благожелательнаго.

Громаднымъ вопросомъ былъ вопросъ труда и регулированія его оплаты. Здѣсь приходилось войти въ сношенія какъ съ представителями Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, такъ и съ профессіональными союзами. Равнымъ образомъ и заводскіе комитеты отдѣльныхъ предпріятій входили въ постоянное общеніе съ Командующимъ Войсками,

въ особенности въ предпріятіяхъ, работающихъ на оборону, а тѣмъ болѣе предпріятіяхъ военнаго вѣдомства.

Было бы слишкомъ долго разсказывать объ этихъ отношеніяхъ и постоянныхъ требованіяхъ организованныхъ и неорганизованныхъ рабочихъ. Да и вопросъ этотъ слишкомъ спеціальный, чтобы въ бѣглыхъ замѣткахъ, которыми являются предполагаемыя главы, освѣтить его во всей полнотѣ и широтѣ, каковое освѣщенія онъ заслуживаетъ.

Я ограничусь только одной жанровой картинкой, первой пришедшей мнѣ на память, но характерной.

Дѣло идетъ объ обмундировальной мастерской интендантскаго вѣдомства.

Уже нѣсколько требованій объ увеличеніи нормъ оплаты труда и сокращеніи рабочаго дня были удовлетворены, и нормы эти доведены до такой степени, что работы стали слишкомъ дорогими для казны и обременительными для народнаго бюджета. Сдѣлано это при благосклонномъ содѣйствіи особой согласительной комиссіи, выработавшей эти нормы.

Однажды приходятъ ко мнѣ представители заводскаго комитета этой мастерской и говорятъ, что рабочіе и работницы этой мастерской постановили обратиться ко мнѣ съ просьбой выдать комитету ссуду въ сто тысячъ рублей для заготовки дровъ для рабочихъ. Ссуда будетъ погашаться вычетами изъ ежемѣсячныхъ получекъ по 20% взятой ссуды.

Время, дѣйствительно, тяжелое. Дрова дороги. Заготовить ихъ каждому въ отдѣльности, въ особенности, не имѣя свободной наличности, нѣтъ возможности. Надо помочь.

Переговорилъ я со своими помощниками. Оказалось, что имѣются свободныя средства, изъ которыхъ просимую ссуду можно дать. Я разрѣшилъ, и на слѣдующій же день начальнику мастерской была выдана необходимая сумма для заготовки для рабочихъ дровъ при посредствѣ заводскаго комитета, какъ было условлено съ рабочими во время предварительныхъ переговоровъ.

Но какъ только рабочимъ стало извѣстно, что деньги для дровъ выданы, они немедленно пришли ко мнѣ съ новыми предложеніями.

Представители заводскаго комитета заявили, что рабочіе просятъ выдать эти деньги по частямъ на руки для самостоятельной заготовки дровъ каждой семьей отдѣльно.

Это уже новелла, и надо подумать. Я отказался дать немедленно отвѣтъ.

Но часа черезъ два, при выходѣ изъ дома, я былъ окруженъ толпой рабочихъ и работницъ, которые настойчиво доказывали, что такой способъ распредѣленія ссуды наиболѣе практичный, ибо кое-кто уже заготовилъ дрова въ кредитъ и нужно расплатиться; другіе же смогутъ сдѣлать покупки по возамъ, по мѣрѣ привоза ихъ въ городъ, а для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать выгодную покупку, необходимо имѣть наличныя деньги въ карманѣ.

Долго мы спорили. Наконецъ, я уступилъ. Не потому уступилъ, что толпа была настроена очень воинственно, особенно женщины, а потому, что послѣ долгихъ споровъ и разговоровъ для меня стало ясно, что это единственный способъ удовлетворить рабочихъ и избавить завѣдующаго мастерской отъ возможныхъ непріятностей.

И на слѣдующій день деньги были розданы подъ круговой порукой всѣхъ за правильность уплаты.

Прошелъ мѣсяцъ. Я ничего не слышу о мастерской.

Вдругъ, приходятъ ко мнѣ опять члены заводскаго комитета съ новой просьбой.

"Наступаетъ осень. Все дорожаетъ. Вычетъ для уплаты долга слишкомъ великъ. Рабочіе просятъ сократить его до 10%."

Я обяснилъ имъ, что для нихъ сдѣлано все, что возможно, что рабочіе должны держать принятыя на себя обязательства, что я не могу сократить платежи, да, наконецъ, это будетъ невыгодно и для самихъ рабочихъ, такъ какъ долгъ затянется.

Ушли. Черезъ недѣли двѣ приходятъ вновь съ той же просьбой.

Дѣло въ томъ, что въ рабочей средѣ въ августѣ поднимался вопросъ объ устройствѣ забастовки протеста въ день созыва демократическаго совѣщанія въ Москвѣ 12(25) августа. Кіевскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ такой забастовки не дѣлать. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ большевистскихъ агитаторовъ, нѣкоторыя фабрики, въ томъ числѣ и обмундировальная мастерская, въ этотъ день забастовали.

Само собою разумѣется, что при расчетѣ начальникъ мастерской объявилъ рабочимъ вычетъ за прогульный день. Они остались недовольны и пришли ко мнѣ.

Разрѣшивъ, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ переговоровъ понизить вычетъ до 10%, я ни за что не согласился на возвратъ платы за прогульный день.

"Вы знаете, что Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, вашъ выборный органъ, постановилъ не бастовать въ этотъ день. Вы же рѣшили забастовать, вопреки ясному и категорическому рѣшенію вашихъ же

представителей. Если вы не уважаете своего представительнаго органа, то я, какъ представитель революціонной власти, долженъ поддерживать его авторитетъ. Хотите поступимъ такъ. Идите въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ и заявите, что за прогульный день 12 августа, въ который вы бастовали, вопреки рѣшенію Совѣта, съ васъ удерживаютъ плату. Если Совѣтъ рабочихъ депутатовъ скажетъ, что вы поступили правильно, и что вамъ слѣдуетъ заплатить, я немедленно отдамъ приказъ уплатить вамъ полностью."

Переминаются съ ноги на ногу.

"Нѣтъ, мы не пойдемъ", нерѣшительно заявляютъ они.

"Да, почему же?" спрашиваю я ихъ.

"Мы уже тамъ были."

"Ну, и что же?"

"Да, намъ отказали", говорятъ они, потупя взоръ.

Я тоже отказалъ имъ.

Не знаю, какъ дѣло обстоитъ теперь. Я уѣхалъ, но увѣренъ, что они не оставятъ своихъ домогательствъ и, быть можетъ добьются своего.

Я разсказалъ здѣсь только одинъ эпизодъ; но такими картинками изъ дѣйствительной жизни этого періода я могъ бы заполнить цѣлые томы.

Коснусь своихъ скитаній по войскамъ округа.

Я видѣлъ войсковыя части, представлявшіяся мнѣ въ полномъ порядкѣ, напоминавшія хорошо обученныя части временъ нормальной жизни арміи, но, въ большинствѣ случаевъ, надо къ стыду констатировать общее пониженіе воинской подготовки всѣхъ частей.

Не будемъ доискиваться причинъ этого: ихъ много. Остановлюсь только на фактѣ. Фронтъ жаловался, что тылъ не даетъ ему достаточныхъ подкрѣпленій, да и тѣ, что приходятъ на фронтъ, въ огромномъ большинствѣ, являются слабо обученными, не подготовленными къ бою.

И мнѣ, какъ Командующему Войсками Округа ближайшаго тыла, было особенно тяжело, ибо я не могъ выполнить той именно задачи, которую я поставилъ себѣ первой по вступленіи въ должность: давать хорошія и надежныя подкрѣпленія на фронтъ.

Было бы очень долго разсказывать о всѣхъ поѣздкахъ по округу, хотя въ нихъ много интереснаго. Разскажу только одинъ эпизодъ.

Это было въ Полтавѣ.

Я пріѣхалъ туда вечеромъ и отдалъ распоряженіе, что завтра въ

9 часовъ утра мною будетъ произведенъ смотръ, для чего войска гарнизона должны быть собраны на указанномъ мѣстѣ.

Привыкнувъ быть аккуратнымъ, я отправился изъ гостинницы съ такимъ расчетомъ, чтобы ровно въ 9 часовъ быть на мѣстѣ.

Пріѣзжаю на автомобилѣ — никого.

Только съ разныхъ сторонъ начинаютъ подходить отдѣльныя партіи солдатъ, часто безъ офицеровъ къ мѣсту сбора.

Я поѣхалъ прокатиться по Полтавѣ. Былъ на Шведской могилѣ. Былъ у памятника, воздвигнутаго на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ I отдыхалъ послѣ полтавской битвы, на горномъ берегу Ворсклы, откуда раскрывается величественный видъ на широкую долину.

Думалъ ли я тогда, что о Шведской могилѣ мнѣ придется вспоминать всего черезъ три мѣсяца въ самомъ сердцѣ Швеціи? Нѣтъ. Этого у меня не было и въ мысляхъ.

Такъ или иначе, я провелъ время, и только около 10 часовъ войска полтавскаго гарнизона были готовы къ смотру Командующаго Войсками, назначенному на девять.

Обошелъ ряды. Выправка оставляетъ желать многаго.

Произвелъ ученіе отдѣльнымъ частямъ. Пестро. Мѣстами ладно, мѣстами нѣтъ.

По окончаніи смотра, собралъ весь гарнизонъ тѣсной толпой вокругъ себя и обратился къ нимъ съ рѣчью, какъ дѣлалъ это обыкновенно при объѣздѣ частей.

"Товарищи-воины-граждане! Вы помните, конечно, то время, когда при царскомъ правительствѣ пріѣзжали командующіе войсками на смотръ. И если они назначали смотръ на 9 часовъ утра, уже съ семи часовъ всѣ были въ сборѣ и ждали пріѣзда его.

"Почему же теперь, когда въ первый разъ къ вамъ пріѣхалъ Командующій Войсками, поставленный новой революціонной властью, вы не были готовы въ назначенное время?"

Мнѣ пришлось долго говорить о долгѣ, объ обязанностяхъ гражданина, надѣленнаго всей суммой правъ.

"На насъ смотритъ фронтъ. Съ тревогой оглядывается онъ назадъ и ждетъ отъ васъ поддержки. Вы должны ее дать, ибо только тогда вы исполните свой долгъ передъ родиной и докажете свою дѣйствительную любовь къ свободѣ и молодой Россіи."

"Ура" молодой свободной Россіи было подхвачено дружно, и казалось, что предо мной стояли воины-граждане.

Но когда на трибуну взошелъ ими же сами выбранный военный

комиссаръ и началъ говорить имъ о долгѣ, съ заднихъ рядовъ раздались громкіе крики:

"Не будемъ воевать! Требуйте скорѣе заключенія мира!"

Не долго оставались послѣ этого мы здѣсь, среди войскъ.

Нѣсколько словъ сказалъ опять я. Нѣсколько — пріѣхавшій вмѣстѣ со мной правительственный военный комиссаръ Киріенко, соціалъ-демократъ, членъ государственной думы второго созыва, годами каторги доказавшій свою люборь къ народу, и мы ушли, огорченные всѣмъ пережитымъ.

Гарнизонъ былъ уже сильно обольшевиченъ. Это была, правда, середина сентября.

Что этотъ городъ и гарнизонъ находились во власти большевиковъ, мы знали и мы получили этому новыя доказательства.

Я говорилъ выше, въ одной изъ первыхъ главъ, объ арестныхъ устремленіяхъ революціонной демократіи, проявившихся во многихъ мѣстахъ.

Въ первые дни революціи въ Полтавѣ были арестованы жандармскіе офицеры. Арестованы они были по постановленію мѣстнаго Исполнительнаго Комитета.

Образованная распоряженіемъ Временнаго Правительства губернская комиссія въ началѣ августа освободила ихъ, не найдя состава преступленія. Но какъ только они вышли на свободу съ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Кіевъ по мѣсту назначенія въ резервъ, какъ въ ту же ночь, по постановленію Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ города Полтавы, они были вновь арестованы.

Губернскія власти мнѣ немедленно телеграфировали объ этомъ, и я послалъ въ отвѣтъ телеграмму и властямъ и Совѣту о необходимости немедленаго освобожденія ихъ и отмѣны незаконнаго ареста.

Никакихъ результатовъ, и, когда въ сентябрѣ мы пріѣхали въ Полтаву, несчастные офицеры еще сидѣли въ заключеніи только потому, что они были жандармами.

Послѣ смотра, мы съ Киріенко отдали распоряженіе, подписанными нами обоими, объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ и отправленіи ихъ въ Кіевъ.

Каково же было наше удивленіе, когда они всетаки не доѣхали до Кіева. Оказалось, что хотя ихъ и выпустили, но до Кіева не довезли.

Начальникъ гарнизона, зная настроеніе Совѣта, рѣшилъ, освободивъ ихъ, доставить въ Кіевъ подъ конвоемъ, и для сопровожденія ихъ назначилъ нарядъ солдатъ подъ командой надежнаго офицера.

Но на одной изъ промежуточныхъ станцій въ вагонъ, въ которомъ они ѣхали, ворвалась боевая рабочая дружина и потребовала возвращенія ихъ, согласно постановленію полтавскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Офицеръ сначала предполагалъ сопротивляться; но потомъ рѣшилъ, что это безполезно. Вывелъ ихъ всѣхъ и съ обратнымъ поѣздомъ отправился назадъ, сохранивъ такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, жизнь этимъ офицерамъ.

Онъ хотѣлъ послать мнѣ телеграмму о происшедшемъ, но отъ него не приняли телеграммы и ему пришлось командировать одного изъ солдатъ съ донесеніемъ мнѣ.

Несмотря ни на мои телеграммы, ни на телеграммы Военнаго Комиссара Киріенко, полтавскій Совѣтъ не освободилъ захваченныхъ имъ офицеровъ.

Таково было уваженіе органовъ революціонной демократіи къ представителямъ Временнаго Революціоннаго Правительства! И такова была полнота власти Командующаго Войсками!

Грустно это констатировать, но это было такъ.

VIII. НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ ВОЙСКЪ. — ВЪ ЧАСТНОСТИ УКРАИНИЗАЦІЯ ТАКОВЫХЪ.

Я подхожу къ самымъ трагическимъ переживаніямъ моимъ за восемь мѣсяцевъ работы въ революціонный періодъ, работы интенсивной и полной самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній

Трагизмъ положенія заключается въ томъ, что какъ соціалистъ-революціонеръ я являюсь сторонникомъ самоопредѣленія народностей, самой широкой автономіи и федеративнаго строя будущей Россіи.

Какъ человѣкъ съ ранняго дѣтства живущій въ Кіевѣ и всѣми фибрами души моей связанный съ Украйной и имѣющій тамъ среди лучшихъ общественныхъ дѣятелей Украины личныхъ друзей, я, конечно, являюсь сторонникомъ самостоятельнаго развитія Украины и вхожденія ея въ федерацію свободныхъ народовъ Россіи, какъ равнаго члена.

И при такихъ условіяхъ мнѣ пришлось выслушивать упреки, какъ

гасителя украинскаго духа, противника національнаго развитія Украины!

И все произошло отъ того, что я считалъ и продолжаю считать и до настоящаго времени вреднымъ для общаго дѣла свободы немедленную въ то время національзацію арміи, украинизацію войска.

Какъ то въ первые дни революціи ко мнѣ, какъ военному комиссару, приходятъ три офицера и на украинскомъ языкѣ говорятъ приблизительно слѣдующее:

"Мы составили организаціонный комитетъ по формированіи украинскаго войска. Мы просимъ васъ быть почетнымъ членомъ нашего комитета и содѣйствовать этому дѣлу".

Такъ вкрадчивымъ тономъ говорилъ отъ имени делегаціи подпоручикъ Михновскій.

Я поблагодарилъ за оказанную мнѣ честь приглашеніемъ въ почетные члены, но отказался отъ принятія такого званія, находя, что въ демократической странѣ, каковой вотъ уже нѣсколько дней является Россія, не можетъ и не должно быть мѣста почетнымъ должностямъ. Но я согласенъ вступить въ комитетъ рядовымъ членомъ, тѣмъ болѣе, что основной мысли его я сочувствую.

Я обѣщалъ оказать всяческое содѣйствіе организаціи украинскаго войска, но при одномъ только условіи, чтобы войско это было добровольческое, и чтобы въ формируемые украинскія части не поступали солдаты, уже находящіеся въ рядахъ арміи, кромѣ, конечно, необходимыхъ кадровъ.

Делегаты вполнѣ согласились со мной, сказали, что именно такова была и ихъ мысль, и мы разстались.

Долгое время я ничего не слышалъ объ этомъ комитетѣ и его дѣятельности; но я не придавалъ этому никакого значенія, такъ какъ въ это время ко мнѣ приходили делегаты отъ различныхъ національностей съ такими же предложеніями, но ничего изъ этого не выходило.

Въ началѣ апрѣля, всю первую половину его я былъ на фронтѣ. Только 18 апрѣля (1 мая) я возвратился домой и сидѣлъ въ родной семьѣ, отдыхая отъ поѣздки и дѣлясь впечатлѣніями.

Вдругъ, вечеромъ раздается звонокъ по телефону. Членъ Исполнительнаго Комитета Совѣта солдатскихъ депутатовъ звонитъ и говоритъ, что мое присутствіе необходимо, и что онъ немедленно въ автомобилѣ ѣдетъ за мной.

"Хорошо, буду ждать!" отвѣчаю я.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжаетъ онъ взволнованный и раз-

сказываетъ, что сегодня группа дезертировъ изъ распредѣлительнаго пункта, — тысячи четыре человѣкъ, — вышла на улицу и, во главѣ съ избраннымъ ими командиромъ полка, штабсъ-капитаномъ Путникомъ-Гребнюкомъ, направились ко дворцу (Въ это время Исполнительные Комитеты помѣщались уже въ освободившемся дворцѣ), и они заявили требованіе признать ихъ "Первымъ Украинскимъ имени Гетмана Богдана Хмельницкаго полкомъ".

Совѣтъ солдатскихъ депутатовъ занялъ въ этомъ отношеніи совершенно непримиримую позицію и находилъ невозможнымъ такой способъ организаціи украинскаго войска. Тогда "полкъ" вызвалъ генерала Ходоровича, и тотъ, чтобы выйти какъ нибудь изъ положенія, предложилъ собравшимся выбрать делегатовъ и вмѣстѣ съ ними и Исполнительнымъ Комитетомъ обсудить вопросъ.

Вотъ на это импровизированное собраніе меня и вызвали такъ экстренно.

Когда я вошелъ въ залъ, онъ былъ полонъ народа. Главнымъ образомъ, были делегаты-украинцы изъ импровизированнаго полка.

Добрую половину мѣстъ занимали люди, украшенные желто-голубыми лентами съ лица недоброжелательными, но далеко не всѣ съ ярко выраженными украинскими національными чертами. И если бы не желто-голубыя ленты, я не считалъ бы, что я присутствую на собраніи украинцевъ.

Дебатировался вопросъ о признаніи собравшихся случайно въ Кіевѣ четырехъ тысячъ солдатъ, по преимуществу дезертировъ, полкомъ.

Само собою разумѣется, что этого допустить никоимъ образомъ было нельзя.

Вѣдь, это создавало прецедентъ. И волна дезертирства пошла бы большая подъ предлогомъ формированія національныхъ полковъ.

Центральная украинская рада (о ней ниже), — сконструировавшійся уже органъ въ краѣ, — вынесла слѣдующую резолюцію.

Она признавала несвоевременнымъ формированіе теперь же особаго украинскаго войска, однако считала необходимымъ данную группу солдатъ признать полкомъ и считаться съ этимъ, какъ съ фактомъ.

На настоящемъ собраніи мнѣнія раздѣлились. Большинство, — всѣ заинтересованные въ этомъ признаніи делегаты "полка" считали необходимымъ признать полкъ сформированнымъ; меньшинство — не находило этого возможнымъ.

Чтобы выйти изъ положенія, я взялъ слово.

Я напомнилъ присутствовавшимъ здѣсь членамъ организаціоннаго комитета, настаивавшимъ на признаніи, о тѣхъ условіяхъ, которыя были нами приняты при первомъ ихъ посѣщеніи меня по вопросу о формированіи. И я предложилъ имъ слѣдующее.

“Завтра же я поѣду къ генералу Брусилову и попрошу его утвердить формированіе полка на слѣдующихъ основаніяхъ. Изъ солдатъ и офицеровъ набирается необходимый кадръ, и полкъ пополняется волонтерами, не обязанными военной службѣ; всѣ же остальные немедленно отправляются на фронтъ. Вмѣстѣ со мною поѣдутъ какъ представители организаціоннаго комитета, такъ и представители “полка” вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ.”

На этомъ, повидимому, согласились, и мирно всѣ разошлись.

Но это только, повидимому.

Когда я на слѣдующій день пришелъ къ отходу поѣзда въ Каменецъ, ни членовъ организаціоннаго комитета, ни делегатовъ не было.

И я поѣхалъ одинъ.

Какъ я ожидалъ, генералъ Брусиловъ немедленно согласился на мое предложеніе и разрѣшилъ не только формированіе “I-го украинскаго имени гетмана Богдана Хмельницкаго полка”, но и на формированіе запаснаго полка на тѣхъ же основаніяхъ.

Немедленно было мною сообщено объ этомъ въ Кіевъ, и были отобраны кадры.

Но напрасно вы стали бы искать на фронтѣ всѣхъ оставшихся внѣ кадровъ этихъ украшенныхъ національными эмблемами защитниковъ Украины, которой, къ слову сказать, угрожалъ сильный врагъ. Ихъ не было тамъ, они туда не пошли, а разбѣжались по деревнямъ, кто безъ билетовъ, а кто съ билетомъ новоявленнаго командира.

Кстати о командирѣ полка Путникѣ-Гребенюкѣ.

Когда вопросъ о формированіи полка былъ поставленъ серьезно, то кадровые чины, отобранные для формированія полка, сами арестовали его и привели его ко мнѣ для отправки на фронтъ.

И я отправилъ его въ сопровожденіи офицера.

А онъ не съумѣлъ красиво уйти. Онъ, уходя, сказалъ мнѣ, что вполнѣ согласенъ со мной по вопросу о ненужности такихъ формированій.

А полкъ продолжалъ формироваться; но къ сожалѣнію въ него вливались вмѣсто добровольцевъ, не обязанныхъ службой, все тѣ же самовольно отлучившіеся съ фронта и тыла, которые были при первыхъ попыткахъ самочиннаго формированія.

Сколько разъ новый командиръ этого полка приходилъ ко мнѣ жаловаться, что онъ не можетъ ничего подѣлать, и что онъ не знаетъ, какъ выпутаться изъ этого труднаго положенія, въ которое онъ попалъ.

Полкъ былъ укомплектованъ, но такъ какъ я настаивалъ на выполненіи организаціоннымъ комитетомъ своихъ обязательствъ, я не могъ дать согласія на признаніе именно этого состава полка полкомъ.

Наступила половина мая. Пріѣхалъ военный и морской министръ Керенскій, и мы поѣхали съ нимъ въ ставку Брусилова. Съ нами вмѣстѣ выѣхали представители Центральной Украинской Рады, Организаціоннаго Комитета и вновь избраннаго на войсковомъ украинскомъ съѣздѣ Украинскаго Войскового Генеральнаго Комитета. Они выѣхали, чтобы вмѣстѣ съ Керенскимъ выяснить вопросъ объ этомъ полку и о дальнѣйшихъ формированіяхъ.

Довольно долго шла наша бесѣда.

Я настаивалъ на томъ, что нужно оставаться на той формулѣ формированія украинскихъ войскъ, которая была уже принята, т. е. добровольческихъ комплектованій. И, поэтому, полкъ, сформированный не такъ, не долженъ быть признанъ полкомъ. Керенскій призналъ возможнымъ считаться съ фактомъ и утвердить этотъ полкъ. Что же касается до дальнѣйшихъ формированій, то таковыхъ до окончанія войны и рѣшенія Учредительнаго собранія быть не должно.

Членомъ Генеральнаго Комитета было внесено предложеніе, чтобы украинцы изъ тыловыхъ частей направлялись въ опредѣленные, напередъ назначенные для "украинизаціи" корпуса. Я поддержалъ это предложеніе и оно было принято. Сдѣлано только ограниченіе, чтобы не трогать для этого частей ближайшаго тыла, т. е. Кіевскаго и Минскаго округовъ.

На этомъ и согласились.

Кажется, все ясно и просто. Но не тутъ то было.

Наступало очень тяжелое время. Въ началѣ іюня Керенскій въ поѣздкѣ по Юго-Западному фронту сдѣлалъ героическія усилія, чтобы двинуть войска впередъ. Ему это удалось, несмотря на усиленную въ это время пропаганду большевиковъ.

Но онъ дѣйствовалъ со всей горячностью, потому что онъ вѣрилъ, что этимъ натискомъ онъ приближалъ народы къ миру.

Вѣдь, именно въ это время были сконцентрированы на сѣверѣ Франціи французскія и англійскія войска, и начались удачныя дѣйствія.

И если бы въ это время удался натискъ на русскомъ фронтѣ, то близость конца войны была бы неминуема.

Силы сопротивленія имѣютъ свои предѣлы, и удачный натискъ на всѣхъ фронтахъ привелъ бы тому, что Центральныя державы вынуждены были бы принять протянутую руку. И если, конечно, ихъ нельзя было довести до того, чтобы имъ диктовать условія мира, — да это и не нужно, и не къ этому стремится демократія, — то можно было заставить приступить къ переговорамъ для заключенія дѣйствительно демократическаго мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ.

Началось наступленіе 18 іюня (1 іюля). Началось сильно и красиво, и натискъ былъ великъ. Нужно было давать подкрѣпленія. И вотъ въ это время, когда рѣшались вопросы мира, когда дѣлались послѣднія героическія усилія для того, чтобы сломить упорство долго готовившагося къ этой войнѣ противника, въ это время я не могъ послать ни одного солдата на подкрѣпленіе дѣйствующей и такъ нуждавшейся въ подкрѣпленіяхъ арміи. И въ ряду причинъ, лишившихъ меня возможности выполнить свой долгъ гражданина въ это отвѣтственное передъ народомъ и исторіей время, была "украинизація" войскъ, проводившаяся въ это время явочнымъ порядкомъ и большою настойчивостью.

Чуть только я посылалъ въ какой-либо запасный полкъ приказъ о высылкѣ маршевыхъ ротъ на фронтъ въ подкрѣпленіе тающихъ полковъ, какъ въ жившемъ до того времени мирною жизнью и не думавшемъ объ украинизаціи полку созывался митингъ, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался кличъ:

"Підемъ підъ українськимъ прапоромъ" (пойдемъ подъ украинскимъ знаменемъ).

И затѣмъ ни съ мѣста. Проходятъ недѣли, мѣсяцъ, а роты не двигаются ни подъ краснымъ, ни подъ желто-голубымъ знаменемъ.

И это въ то время, когда именно на границѣ Украины идутъ бои, и самой Украинѣ угрожаетъ опасность быть занятой.

Такъ и не удалось мнѣ двинуть подкрѣпленія, и войска, истомленныя боемъ и за короткое время продвинувшіяся впередъ, но не могшія пойти дальше за недостаткомъ силъ, остановились.

Такъ было во второй половинѣ іюня (начало іюля по н. с.), а черезъ три недѣли они отступили, и началось повальное бѣгство съ сдачей всѣхъ не только сейчасъ занятыхъ позицій, но и болѣе раннихъ.

Когда-нибудь исторія вскроетъ причины этого ужаснаго погрома. А пока любопытно указать на нѣкоторыя странныя совпаденія.

Въ ряду добивавшихся украинизированія были толпы дезертировъ, объединившихся подъ видомъ формированія полка имени гетмана Полуботка.

Началось это "формированіе" еще въ маѣ мѣсяцѣ. Но и къ іюлю не удалось ихъ отправить на фронтъ.

И вотъ, когда въ Петроградѣ было знаменитое іюльское выступленіе большевиковъ (3-5 іюля ст. ст.), въ это самое время "полуботьковцы" въ Кіевѣ дѣлаютъ свое выступленіе 5 іюля, тоже съ цѣлью захвата власти.

А черезъ нѣсколько дней начинается отступленіе войскъ подъ натискомъ сильнаго врага.

IX. СОГЛАШЕНІЕ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ УКРАИНСКОЙ РАДОЙ.

Въ первые дни революціи ко мнѣ обратился одинъ пріятель украинецъ и отъ имени своего и своихъ товарищей, а также и жены высланнаго, съ просьбой содѣйствовать возвращенію въ Кіевъ высланнаго еще въ началѣ войны въ Сибирь, затѣмъ переведеннаго въ Симбирскъ, и, наконецъ, ко времени революціи оказавшагося въ Москвѣ, украинскаго дѣятеля, профессора Михаила Сергѣевича Грушевскаго.

Я, конечно, пошелъ навстрѣчу этому желанію, и не только изъ любезности къ моему пріятелю и женѣ профессора, но и потому, что самую высылку въ административномъ порядкѣ считалъ незаконной и нецѣлесообразной. И я принялъ всѣ мѣры къ скорѣйшему освобожденію отъ запрета и возвращенію Грушевскаго въ Кіевъ.

Съ пріѣздомъ его началась организаціонная работа на Украинѣ.

Быстро съорганизовалась группа людей, составившихъ кружокъ для объединенія возможно широкихъ круговъ украинцевъ вокругъ идеи самоопредѣленія украинскаго народа и для борьбы за автономію.

Эта группа лишь приняла названіе Центральной Украинской Рады и проявила колоссальную дѣятельность. Она развила широкую агитацію въ народѣ, созывала съѣзды украинскихъ работниковъ, — то кооперативовъ, то крестьянъ, то рабочихъ, а то и войсковой съѣзды.

Отсюда черпала она силы, и представители всѣхъ украинскихъ организацій послѣ каждаго съѣзда оставляли въ нѣдрахъ Рады слѣдъ въ видѣ многихъ представителей.

Работа Рады была обширна и почтенна.

Жаль только, что она какъ-то съумѣла сразу отмежеваться отъ всероссійской демократіи, Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Исполнительнаго Комитета, представлявшихъ въ своемъ лицѣ значительныя массы неукраинской демократіи, составляющей, пожалуй, мѣстами даже численное большинство въ городахъ.

Рада сразу стала на какую-то исключительно націоналистическую позицію и заподозрѣла, конечно, безъ достаточныхъ основаній, россійскую революціонную демократію въ несочувствіи принципу національнаго самоопредѣленія и чуть ли не въ стремленіи продолжать руссификаторскую политику печальной памяти царскаго правительства.

Укрѣпленію такого взгляда способствовало движеніе въ направленіи украинизаціи войскъ и противодѣйствіе этому въ данный моментъ со стороны россійской демократіи края, а также и то, что въ отвѣтъ на домогательства нѣкоторыхъ группъ украинцевъ-самостійниковъ полнаго отдѣленія россійская революціонная демократія, и въ лицѣ мѣстныхъ ея органовъ и въ лицѣ Временнаго Правительства, — всегда отвѣчала одно и то же:

"Подождите Учредительнаго Собранія. Этотъ хозяинъ земли русской дастъ свой отвѣтъ. И каково будетъ его рѣшеніе, такъ и будетъ".

Долгое время между Радой и Исполнительнымъ Комитетомъ происходили какъ бы споры мѣстничества, кому править краемъ. И вмѣсто того, чтобы подойти обѣимъ сторонамъ просто и прямо и договориться о методахъ и путяхъ совмѣстной работы, обѣ стороны молчали и только были недовольны одна другой.

Если подозрительность Рады питалась настроеніемъ россійской демократіи отложить рѣшеніе вопроса до Учредительнаго Собранія, то, съ другой стороны, россійская демократія чувствовала, что въ украинскомъ національномъ движеніи рядомъ съ украинской демократіей работаютъ и узкіе націоналисты и даже шовинисты. А косвеннымъ подтвержденіемъ этому явились такія надписи, появлявшіяся иногда на украинскихъ знаменахъ: "Хай живе вільна Украина безъ жидівъ и ляхівъ". (Да здравствуетъ Свободная Украина безъ евреевъ и поляковъ.)

Такое разногласіе между двумя руководящими органами продолжалось довольно долго.

Ни представители Исполнительнаго Комитета не шли въ педагогическій музей (штабъ квартира Рады), ни представители Рады не шли во дворецъ (штабъ квартира Исполнительнаго Комитета и всѣхъ Совѣтовъ).

Наконецъ рѣшено было избрать нейтральную почву для встрѣчи двухъ сторонъ — плесъ нѣкогда широкаго Днѣпра. Устроилась прогулка на пароходѣ, общій ужинъ на немъ и общая бесѣда.

Такъ была сдѣлана попытка сговориться.

Многаго, конечно, отъ такого метода общенія не получилось, но все же, повидимому, былъ положенъ мостъ.

Правда, голова Рады, главная пружина ея, Грушевскій, почему-то не нашелъ возможнымъ принять участіе въ этой прогулкѣ, несомнѣнно носившей политическій или, вѣрнѣе, дипломатическій характеръ.

Но такъ или иначе, мѣстные круги, украинскіе и неукраинскіе, смогли во время этой прогулки, если не сговориться, то хоть немного познакомиться, подойти другъ къ другу.

Послужило ли это прочному сближенію и объединенію двухъ демократій трудно сказать. Пожалуй, скорѣй нѣтъ, такъ какъ, напримѣръ, во время выборовъ въ городскую думу партійные товарищи, россійскіе и украинскіе соціалисты-революціонеры, шли по двумъ различнымъ спискамъ. Тоже и соціалъ-демократы.

Тѣмъ не менѣе, время шло.

Украинская Рада перешла отъ культурной объединительной работы къ созданію политической власти въ краѣ.

Надо сказать, что для культурно-организаціонной работы у Украинской Рады была реальная база въ видѣ широко развитой коопераціи мѣстами построенной на національной основѣ.

Я помню второй всероссійскій кооперативный съѣздъ въ Кіевѣ въ 1913 году. На немъ рѣзко обозначалось украинское теченіе въ россій ской коопераціи, и въ шутку съѣздъ этотъ называли борьбой Москвы съ Кіевомъ. И здѣсь, во время этого съѣзда, выяснилось, что въ украинской деревнѣ кооперація, привитая мѣстами совсѣмъ не прогрессивными силами, имѣетъ большое развитіе, и въ кооперативныхъ силахъ объединительная работа Рады сможетъ найти точки опоры и поддержку.

Не то въ области политическаго строительства.

Тѣмъ не менѣе, Рада приступила къ организаціи краевой власти

въ лицѣ Генеральнаго Секретаріата, представлявшаго кабинетъ министровъ будущей Украины, каковой было желательно Радѣ провести теперь же.

Учитывая моментъ и не желая вести борьбу съ захватными стремленіями нѣкоторыхъ изъ дѣятелей Украины, Временное Правительство рѣшило вступить въ переговоры съ Радой для того, чтобы выяснить возможные пути соглашенія и разрѣшить вопросы мирнаго сожительства разныхъ народностей, населяющихъ территорію Украины.

Подпочва къ этому была подготовлена знаменитой прогулкой въ лунную ночь, о которой я разсказывалъ выше, такъ какъ и во время прогулки и въ дальнѣйшихъ переговорахъ послѣ нея выяснялся вопросъ о возможности вхожденія въ Раду представителей національныхъ меньшинствъ.

Именно въ это время Временное Правительство рѣшило командировать трехъ министровъ, — Керенскаго, Церетелли и Терещенко, — для установленія началъ соглашенія съ Радой и проведенія въ жизнь этого соглашенія.

Если не ошибаюсь, первое и второе іюля (14-15) были днями, когда въ Кіевѣ происходили переговоры и состоялось, наконецъ, соглашеніе.

Прибывшіе министры вели переговоры отдѣльно съ россійской демократіей и ея представителями, съ другой — съ Радой.

Трудная эта была задача, ибо вопросъ приходилось рѣшать въ атмосферѣ недовѣрія, которымъ въ отношеніи россійской демократіи пропитаны, если не всѣ, то многіе изъ представителей Рады.

Очень жаль, что переговоры велись отдѣльно, какъ бы съ двумя тяжущимися сторонами, а не на общемъ собраніи делегатовъ той и другой сторонъ, или, что еще лучше, пленумовъ обѣихъ сторонъ.

Но тѣмъ не менѣе, переговоры все же привели къ желанному концу, и состоялось соглашеніе, по которому въ составъ Рады входятъ въ опредѣленной пропорціи (кажется 30%), представители національныхъ меньшинствъ.

Что касается Генеральнаго Секретаріата, то въ составъ его тоже включены были представители меньшинствъ, и нѣкоторыя отрасли временно, до Учредит. Собранія, изъяты изъ круга непосредственнаго вѣдѣнія Секретаріата; къ такимъ отраслямъ относятся, напримѣръ, военное дѣло, и въ соглашеніи указано, что секретаря по военнымъ дѣламъ быть не должно, такъ какъ военное дѣло представлено заботамъ исключительно центральной власти.

Такъ, успѣхомъ увѣнчалась попытка соглашенія, и временно наступилъ въ этомъ отношеніи ладъ и покой.

Я указалъ выше въ предыдущей главѣ на выступленіе такъ называемыхъ "полуботьковцевъ" для захвата власти.

Слѣдуетъ отмѣтить, что вѣроломное и неудавшееся выступленіе произошло черезъ день-два послѣ того, какъ состоялось указанное соглашеніе.

Чья-то темная рука хотѣла скомпрометировать одновременно и общероссійское и украинское дѣло...

X. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ СОЛДАТЪ.

Когда останавливаешься мыслью надъ вопросомъ, чѣмъ объяснить успѣхъ большевистской пропаганды, то кажется, что причина этого кроется не только въ малой сознательности народныхъ массъ, трусливости многихъ и общемъ утомленіи войной.

Нѣтъ, не только въ этомъ.

Мнѣ кажется, что главной причиной является дробность политическихъ партій въ Россіи, стремленіе не къ объединенію, а, напротивъ, разъединенію, раздѣленію.

Возьмемъ хотя бы наши соціалистическія партіи. Россійскіе соціалисты еще до войны были разбиты на двѣ большія группы (соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры). Упомянемъ еще отколовшуюся въ первую пору революціи отъ соціалистовъ-революціонеровъ группу народныхъ соціалистовъ. И каждая изъ этихъ партій имѣла два крыла: меньшевики и большевики среди соціалъ-демократовъ, и минималисты и максималисты среди соціалистовъ - революціонеровъ. Кромѣ того, каждое изъ этихъ подраздѣленій имѣло свои національныя группы, часто далеко отходившія отъ общаго партійнаго центра.

Война внесла еще новыя подраздѣленія. Въ каждой партіи появились группы такъ называемыхъ оборонцевъ или, какъ ихъ презрительно называли, "соціалъ-патріотовъ".

И хотя въ настоящее время партія, скажемъ, соціалъ-демократовъ оффиціально раздѣляется на меньшевиковъ-оборонцевъ, меньшевиковъ-интернаціоналистовъ и большевиковъ, но, вѣдь, это раздѣленіе не вполнѣ точно. Даже и среди большевиковъ имѣются свои оборонцы: я

знаю ихъ. И развѣ выступленіе нынѣшняго верховнаго главнокомандующаго, рѣшающагося брать на себя отвѣтственность за заключеніе сепаратнаго мира, прапорщика Крыленко на съѣздѣ Юго-Западнаго фронта не носило оборонческій характеръ?

А агитація большевиковъ передъ послѣднимъ выступленіемъ для захвата власти? Вѣдь, для привлеченія на свою сторону массъ имъ надо было создать легенду о томъ, что Временное Коалиціонное Правительство "Хочетъ сдать Петроградъ". Это ли не оборонческая позиція?

Нужды нѣтъ, что они, защищая отъ сдачи Петроградъ, сдали всю Россію; но, вѣдь, выступали то они и пробирались къ власти подъ флагомъ обороны.

Итакъ, мы видимъ, что среди политическихъ партій, и безъ того раздробленныхъ еще до войны, во время войны раздѣленіе пошло дальше.

Вотъ въ этомъ раздробленіи, часто слишкомъ искусственномъ, я и вижу одну изъ важныхъ причинъ успѣха большевистской пропаганды.

Когда произошла революція, и надъ страдавшей долго подъ гнетомъ старой власти Россіей взошла заря свободы, единый порывъ, единое чувство овладѣло всѣми, и не было споровъ, распрей и раздоровъ. Всѣ жили одной вѣрой въ лучшее будущее и надѣялись на укрѣпленіе началъ свободы и права на русской землѣ.

И въ это время для большевистской пропаганды не было мѣста, не находилось почвы.

Но вскорѣ по сконструированіи Комитетовъ и переходѣ власти въ руки общественныхъ организацій началось разслоеніе, начались партійныя группировки, часто слишкомъ дробныя и просто непонятныя.

Но политическое сознаніе въ широкихъ народныхъ массахъ и среди обывателей развито не было. Масса остановилась передъ вопросомъ куда примкнуть, гдѣ правда?

И въ своихъ исканіяхъ обращались къ политическимъ дѣятелямъ, стараясь при ихъ посредствѣ самоопредѣлиться и найти тотъ лозунгъ, который ведетъ къ правдѣ жизни.

Вотъ тутъ большевики съ своей агитаціей въ пользу мира, — эти новоявленные непротивленцы, — нашли благодарную почву.

Въ самомъ дѣлѣ, усталость съ одной стороны и животный инстинктъ страха съ другой — все это влекло въ сторону отъ войны. Но, вѣдь, просто отказаться отъ защиты молодой свободной отнынѣ Россіи какъ то неловко. А большевики подъ этотъ отказъ подводятъ идеологическіе

и столь понятные устои: "Война, молъ, не наша. Вы проливаете свою кровь въ интересахъ буржуазіи. И не только своей, но и буржуазіи всѣхъ странъ", и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Ясно, что такіе предпосылки, такое оправданіе инстинкту самосохраненія было на руку многимъ. И они самоопредѣлялись въ сторону большевизма, по элементарному закону механики: идти по линіи наименьшаго сопротивленія.

Нужды нѣтъ, что они сохраняли себя только на сегодняшній день, забывая о завтрашнемъ. Но не даромъ говорится въ писаніи: "Довлѣетъ дневи злоба его".

Такова, мнѣ кажется основная причина успѣха большевиковъ, и онъ сказывался обольшевиченіемъ Совѣтовъ и Комитетовъ.

Если первый Совѣтъ войскъ кіевскаго гарнизона, избранный при общемъ подъемѣ, и далъ довольно однородный составъ и группу политическихъ дѣятелей, преданныхъ интересамъ революціи и народа, то второй составъ его, избиравшійся подъ флагомъ большевизма и украинизаціи штыка, въ основѣ стоявшей рядомъ съ большевизмомъ, былъ уже значительно пониженъ. Достаточно сказать, что та воинская часть, которая дала такого виднаго политическаго работника, соціалъ-демократа меньшевика-интернаціоналиста, какъ до глубины души преданный революціи солдатъ Таскъ, на вторыхъ выборахъ вмѣсто него прислала неграмотнаго солдата, конечно, не могущаго разобраться во всей сложной ситуаціи момента и готоваго голосовать за очереднымъ крикуномъ.

Но если указанныя выше причины имѣли, по моему мнѣнію, огромное вліяніе на развитіе и распространеніе большевизма въ рядахъ арміи и среди рабочихъ, то въ войскахъ и особенно на фронтѣ дѣлу большевиковъ, развившихъ, кстати сказать, большую агитаціонную энергію, помогла еще волна добровольцевъ, ставшихъ большевиками послѣ перваго марта, потому что имъ некуда было дѣваться, и потому что нужно было вымѣстить злобу противъ новаго строя и его дѣятелей.

Я говорю о полицейскихъ и жандармахъ, выгнанныхъ съ своихъ мѣстъ и послѣ этого всюду гонимыхъ.

Имъ, этимъ несомнѣнно обиженнымъ новымъ порядкомъ и революціей людямъ, конечно, нужно было завоевывать позиціи и становиться въ ряды борцовъ за народное право подъ видомъ большевизма.

И нѣтъ ничего удивительнаго, что среди вожаковъ большевизма на фронтѣ мы находимъ такъ много бывшихъ городовыхъ и жандармовъ.

Каждое сообщеніе объ отказѣ, подъ вліяніемъ большевистской пропаганды, идти на фронтъ заканчивалось обыкновенно такъ: "Предсѣдателемъ полкового совѣта былъ бывшій жандармъ", или "Главнымъ руководителемъ солдатскихъ массъ оказался бывшій городовой", или "Выданы главные виновники мятежа, среди нихъ много городовыхъ и жандармовъ".

И наиболѣе яркую позицію въ смыслѣ проповѣди идей большевизма и призыва къ какимъ нибудь насильственнымъ дѣйствіямъ занимали обыкновенно эти полицейскіе агенты стараго строя.

Повторяю, большой ошибкой новой власти было расформированіе общей полиціи. Она послужила бы дѣлу порядка и охраненія личной безопасности гражданъ и не явилась бы, въ качествѣ обиженныхъ, ферментомъ, вызывающимъ броженіе среди солдатскихъ массъ.

А, вѣдь, массы то эти въ общемъ мирныя и къ насильственнымъ дѣйствіямъ не склонны.

Вспоминаю одинъ маленькій эпизодъ изъ недавняго прошлаго. Я ѣхалъ изъ Кіева въ Бердичевъ. Какъ Командующій Войсками, ѣхалъ я въ отдѣльномъ вагонѣ.

Ночью слышу, какъ на одной изъ маленькихъ станцій толпа солдатъ шумно добивалась отъ проводника, чтобы тотъ пустилъ ее въ вагонъ. Тщетно онъ доказывалъ, что вагонъ этотъ служебный. Толпа домогалась. Особенно громко раздавался голосъ солдата, настойчиво доказывавшаго ихъ право войти именно въ этотъ вагонъ.

Нѣсколько минутъ продолжался этотъ споръ съ проводникомъ. и крикунъ уже подстрекалъ толпу ломать двери вагона и не слушать проводника.

Вдругъ я слышу вопросъ:

"А скажи, пожалуйста, давно ты сталъ солдатомъ? Вѣдь, ты былъ урядникомъ въ такомъ-то мѣстечкѣ". И онъ называетъ одно изъ ближайшихъ мѣстечекъ Кіевской губерніи.

"Какимъ урядникомъ", нѣсколько смущенно, но все же задорно отвѣчаетъ крикунъ.

"Да такимъ, я знаю тебя. Что ты тутъ, полицейскій, поднялъ крикъ".

Шумъ смолкъ. Повидимому, солдатъ-полицейскій гдѣ-то стушевался. Толпа разошлась, не совершивъ насилія, къ которому уже готовилась.

Спасителемъ положенія оказался кондукторъ, подошедшій къ вагону и признавшій агитатора въ сѣрой шинели.

Повторяю: толпа всегда толпа, но по существу она мягкая.

Возьмемъ, напримѣръ, солдатъ, судившихся по процессу гвардіи гренадерскаго полка. Этотъ полкъ, подъ вліяніемъ большевистской агитаціи, отказался выполнить боевой приказъ и отошелъ отъ позицій. Конечно, были приняты мѣры къ ликвидаціи этого инцидента. Полкъ окружили войсками и дали время для того, чтобы онъ сложилъ оружіе и выдалъ зачинщиковъ. Оружіе было сдано, зачинщики выданы, и полкъ вышелъ покорно.

И вотъ, этихъ зачинщиковъ судили въ Кіевѣ.

Я былъ на этомъ процессѣ. Правда, не долго, но все же слѣдилъ внимательно. И нужно сказать, что лица солдатъ, въ общемъ, производили благопріятное впечатлѣніе. Не было обычной наглости бодрящихся трусовъ.

Если не считать руководителя ихъ, штабсъ-капитана Дзевалтовскаго, державшагося на судѣ вызывающе и какъ бы героемъ дня, всѣ остальные подсудимые были скромны.

И любопытно. Какъ то разъ былъ съ ними такой случай. Караульная рота 1-го запаснаго украинскаго полка, приведшая подсудимыхъ изъ арестнаго помѣщенія въ судъ, ушла, оставивъ ихъ на произволъ судьбы. И что же? По окончаніи судебнаго засѣданія всѣ подсудимые солдаты, болѣе 80 человѣкъ, стройными рядами по четыре, правда, съ революціонными пѣснями пошли по городу и, безъ конвоя и не сдѣлавъ попытки побѣга, возвратились на гауптвахту и явились по начальству, не сдѣлавъ, повторяю, попытки воспользоваться своей свободой и отсутствіемъ стражи, оставившей ихъ на произволъ судьбы.

Распропагандированные большевиками полки, отказывавшіеся, обыкновенно, исполнять боевые приказы, надо правду сказать, легко приводились въ повиновеніе и быстро складывали оружіе и выдавали агитаторовъ. И все это дѣлалось безъ пролитія капли крови. Это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, что здѣсь имѣли дѣло не съ сознательными борцами за опредѣленную выношенную идею, а съ массой, возбужденной агитаціей, случайно подошедшей къ настроенію толпы.

Надо сказать, однако, какъ ни сильна была агитація большевиковъ, какъ ни много было у нихъ добровольныхъ сотрудниковъ изъ числа бывшихъ жандармовъ и полицейскихъ, все же она охватила далеко не всѣ воинскія части и не всѣ комитеты. Такъ, комитетъ Юго-

Западнаго фронта не былъ обольшевиченъ, и онъ не выступилъ на путь революціоннаго авантюризма и никогда не поддерживалъ его.

Таковы итоги большевистской пропаганды въ солдатской средѣ.

Обольшевиченіе рабочихъ происходило въ Кіевѣ у насъ на глазахъ. И чѣмъ больше ихъ пропаганда проникала въ рабочую среду, тѣмъ настойчивѣе были требованія рабочихъ о выдачѣ оружія. Послѣдніе мѣсяцъ-полтора моего командованія войсками округа проходили постоянно подъ знакомъ требованія выдачи оружія рабочимъ для вооруженія рабочей милиціи и рабочихъ дружинъ подъ предлогомъ установленія и охраненія надлежащаго порядка.

Не разъ приходили ко мнѣ депутаціи съ требованіемъ выдачи оружія, и каждый разъ мнѣ приходилось отказывать имъ въ этомъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ первоначально не слишкомъ ярко поддерживалъ эти требованія отдѣльныхъ группъ рабочихъ, но, подъ конецъ, подъ давленіемъ этихъ группъ, да и переживъ къ тому же нѣкоторую эволюцію въ сторону большевизма, усилилъ свою энергію.

Какъ то уже въ сентябрѣ, незадолго до отъѣзда въ Петроградъ и оставленія мною должности Командующаго Войсками, мнѣ сообщаютъ, что на слѣдующій день, — это было воскресенье. — предполагается нападеніе на склады оружія съ цѣлью захвата таковаго.

Я распорядился усилить караулы и выставить надежныя части.

Утромъ я получаю приглашеніе придти на митингъ, который рабочіе устраиваютъ на большой бѣговой площади.

Никогда не уклонялся я отъ таковыхъ приглашеній и каждый разъ шелъ для выясненія положенія.

Въ назначенный часъ пріѣзжаю.

Устроена трибуна для ораторовъ. Толпа не слишкомъ многочисленная, но все же значительная. Рабочіе. Но, главнымъ образомъ, солдаты.

Поднимается вопросъ объ оружіи и необходимости выдать его рабочимъ дружинамъ. Читаются по этому поводу резолюціи отдѣльныхъ группъ и комитетовъ и предъявляется запросъ мнѣ, почему до сихъ поръ я не распорядился выдать оружіе рабочимъ.

Мнѣ пришлось въ довольно длинной рѣчи повторить то, что не разъ уже говорилъ отдѣльнымъ делегаціямъ, приходившимъ ко мнѣ по этому поводу. Не разъ объяснилъ я то же и предсѣдателю Совѣта рабочихъ депутатовъ, обращавшемуся ко мнѣ лично и по телефону съ поддержкой требованія рабочихъ.

"Оружіе нужно для арміи. Я долженъ сохранить его, тѣмъ бо-

лѣе, что послѣ іюльскихъ выступленій много оружія попало въ руки противника въ видѣ трофеевъ. И было бы преступленіемъ съ моей стороны выдавать оружіе рабочимъ, когда армія фронта такъ нуждается въ оружіи. Къ тому же я имѣю категорическое распоряженіе Временнаго Правительства не выдавать оружія...

"И если Вы, рабочіе, требуете для самообороны оружіе, значитъ Вы не довѣряете революціонной арміи, стоящей на защитѣ Васъ", — закончилъ я и сошелъ съ трибуны.

"Товарищъ Оберучевъ", — обращается ко мнѣ одинъ изъ ораторовъ рабочихъ, взявшій слово послѣ меня, — "объясните Вы намъ, для чего Вы поставили усиленные караулы у арсенала и склада?"

Я всхожу на трибуну и говорю:

"До меня дошли свѣдѣнія, что какіе-то хулиганы собирались сегодня грабить складъ и расхитить оружіе. И какъ Командующій Войсками Округа, питающаго фронтъ и блюдущаго интересы его, я долженъ принять мѣры противъ попытокъ разграбленія".

"Такъ это мы хулиганы, отъ которыхъ Вы защищаете складъ?" — дѣлаетъ неосторожное сравненіе ораторъ, задавшій мнѣ первый вопросъ.

"Какъ Вы могли подумать, что я Васъ назвалъ хулиганами? Вы представители организованныхъ рабочихъ и революціонной демократіи, и не я могъ подумать, что кто-либо изъ Васъ смогъ сдѣлать попытку разграбленія склада!" — далъ я исчерпывающій отвѣтъ и сошелъ съ трибуны.

Я отозвалъ въ сторону одного изъ лидеровъ большевиковъ и прямо поставилъ ему вопросъ:

"Скажите, пожалуйста, для чего Вы такъ добиваетесь полученія оружія?"

"Конечно, для гражданской войны", — не скрылъ онъ отъ меня.

"Ну, такъ какъ же Вы хотите, чтобы я далъ Вамъ его?" — отвѣтилъ я, и мы разошлись, дружески пожавъ одинъ другому руки.

XI. ГЕНЕРАЛЪ КОРНИЛОВЪ И ЕГО МЯТЕЖЪ.

Я зналъ генерала Корнилова еще очень молодымъ человѣкомъ. Это было въ 1892 году. Давно это было.

Высланный въ Туркестанъ, я служилъ въ Ташкентѣ, какъ къ намъ въ батарею пріѣхалъ молодой только что выпущенный офицеръ.

Калмыцкаго вида, съ косопоставленными разрѣзами глазъ, живой и подвижный, полный молодой энергіи съ огонькомъ въ глазахъ, — таковъ былъ Корниловъ, какъ я представлялъ себѣ его по давнымъ воспоминаніямъ...

Недолго мы пробыли вмѣстѣ. Жизнь послала меня далеко отъ Ташкента. Онъ тѣмъ временемъ поступилъ въ Академію генеральнаго штаба, и я не встрѣчался съ нимъ до самаго послѣдняго времени.

Но кое какіе штрихи изъ его біографіи долетали до меня.

Вспоминаю разсказъ о томъ, какъ Корниловъ, будучи уже офицеромъ генеральнаго штаба на службѣ въ томъ же Туркестанѣ, воспользовался отпускомъ, чтобы сдѣлать большое дѣло.

Какъ некогда Вамбери, онъ одѣлся дервишемъ и, пользуясь отпускомъ, отправился въ Авганистанъ. Его туземная наружность и знаніе мѣстныхъ языковъ помогли ему.

Успѣшно онъ выполнилъ свою задачу и, возвратившись изъ отпуска, представилъ результаты развѣдки по начальству.

Само собою разумѣется, онъ получилъ лишь выговоръ за то, что рискнулъ дѣлать отважную развѣдку безъ разрѣшенія начальства.

Сравнительно недавній побѣгъ Корнилова изъ австрійскаго плѣна, совершенный такъ удачно, говоритъ также о необычайной рѣшимости и силѣ характера этого человѣка.

Наконецъ, предъявленіе ультимативныхъ требованій Правительству о необходимыхъ реформахъ въ арміи, тоже подтверждаетъ, что запасъ воли у него большой.

Въ связи съ нѣкоторыми осложненіями въ украинизаціи войскъ и неопредѣленности позиціи Временнаго Правительства и высшихъ военныхъ властей, дававшихъ Украинскому Войсковому Генеральному Комитету разрѣшеніе, вопреки полученнымъ мною непосредственно отъ Керенскаго директивамъ по этому вопросу, я выѣхалъ въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго въ концѣ іюля мѣсяца.

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ тогда Корниловъ.

Нѣсколько дней пробылъ я въ ставкѣ, и только урывками удавалось поговорить съ нимъ.

Встрѣча наша носила дружественный характеръ. Онъ вспомнилъ о давней нашей совмѣстной службѣ, давнихъ годахъ.

Намъ не пришлось говорить съ нимъ по вопросамъ внутренней политики, о задачахъ таковой. Думается, онъ просто слишкомъ далеко стоялъ въ теченіе всей своей жизни отъ политики и былъ вдали отъ нея и теперь.

Но о войнѣ и вопросахъ арміи говорилъ онъ много.

Онъ считалъ войсковые комитеты полезными учрежденіями и на нихъ возлагалъ большія надежды, какъ на организующую въ настоящихъ условіяхъ нашей жизни силу. И онъ расчитывалъ, что при сотрудничествѣ войсковыхъ начальниковъ съ комитетами можно расчитывать возстановить нарушенный нѣсколько порядокъ войсковой жизни.

Но для этого, по его мнѣнію, настоятельно необходимо возможно скорѣе этимъ комитетамъ придать опредѣленную форму. Необходимо сдѣлать такъ, чтобы въ положеніяхъ о комитетахъ были точно указаны, какъ сумма правъ, такъ равно и кругъ обязанностей даннаго комитета. Но мало того, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ установить опредѣленную отвѣтственность для членовъ комитета за невыполненіе своихъ обязанностей, равно какъ и за превышеніе своихъ правъ.

Возразить что-либо противъ этого было трудно, такъ какъ именно отсутствіе опредѣленныхъ нормъ жизни войсковыхъ комитетовъ было часто причиной крупныхъ недоразумѣній во многихъ случаяхъ.

А забота о внесеніи нужнаго порядка въ войсковую жизнь для него, поставленнаго во главѣ войскъ, стоящихъ на защитѣ чести родины и охранѣ свободы, было дѣломъ первостепенной важности.

Я уѣхалъ въ Петроградъ въ началѣ августа все по тѣмъ же дѣламъ и оттуда возвратился домой, въ Кіевъ, не заѣзжая уже въ ставку Верховнаго.

Съ тѣхъ поръ я не видался съ Корниловымъ.

Во время моего пребыванія въ ставкѣ, при встрѣчахъ съ Корниловымъ и штабомъ, а также съ комиссаромъ при Верховномъ Главнокомандующемъ Филоненко, слышать что-либо, хотя бы въ видѣ намека, объ ожидающихся выступленіяхъ, мнѣ не пришлось. Равнымъ образомъ, и при свиданіи съ Керенскимъ и Савинковымъ въ Петроградѣ не пришлось слышать чего-либо, дающаго основаніе предполагать, что въ недалекомъ будущемъ разыграются крупныя событія.

27 августа (9 сентября) вечеромъ предполагался митингъ въ городскомъ театрѣ, устраиваемый военно-республиканскимъ клубомъ въ видѣ чествованія полугодовщины революціи для подведенія итоговъ прожитаго полугодія. Меня пригласили выступить на этомъ митингѣ.

Ставъ командующимъ войсками я не порвалъ связи съ той газетой, въ которой работалъ до отъѣзда заграницу и въ которой возобновилъ работу по возвращеніи. Я продолжалъ быть сотрудникомъ "Кіевской Мысли".

Днемъ мнѣ звонятъ изъ редакціи по телефону и сообщаютъ содержаніе телеграммы Керенскаго по поводу выступленія Корнилева: "Мы предполагаемъ прочитать эту телеграмму сегодня вечеромъ на митингѣ".

"Какъ получена Вами эта телеграмма?" спѣшу задать я вопросъ.

"Она по телефону передана въ Москву, а оттуда нашимъ корреспондентомъ по телеграфу намъ".

"Такъ подождите ее публиковать. Я переговорю сегодня по прямому проводу съ Петроградомъ и постараюсь выяснить вопросъ. Не нужно вселять напрасную тревогу".

Вечеромъ, вмѣстѣ съ комиссаромъ Киріенко, мы пошли на телеграфъ.

Тщетно добивались мы связи со ставкой. Не менѣе тщетно — съ Юго-Западнымъ фронтомъ. Трудно было войти въ связь съ Петроградомъ, но, наконецъ, удалось. Послѣ переговоровъ съ политическимъ отдѣломъ Военнаго Министерства выяснилось, что телеграмма дѣйствительна, и что такое объясненіе Керенскимъ опубликовано. Какихъ бы то ни было подробностей узнать не удалось.

Въ той формѣ, какъ изложено въ телеграммѣ, наличность мятежа не оставляло сомнѣній. Было ясно, что генералъ Корниловъ предложилъ Временному Правительству сдать власть, а для подкрѣпленія требованія были высланы войска.

Получивъ подтвержденіе телеграммы, уже поздно вечеромъ, около одиннадцати часовъ, пришелъ я въ театръ, гдѣ публика была предупреждена о какихъ-то важныхъ извѣстіяхъ, за которыми я самъ пошелъ на телеграфъ. Понятно нетерпѣніе публики при моемъ появленіи.

Я прочелъ телеграмму и затѣмъ въ краткой рѣчи выразилъ увѣренность, что революціонная демократія не дастъ возможности контръ-революціонному заговору, откуда бы онъ ни исходилъ, нанести ударъ свободѣ. Увѣренность въ гарнизонѣ была полная, и не было никакихъ сомнѣній, что Кіевъ не пойдетъ по пути контръ-революціи. Общій взрывъ энтузіазма былъ отвѣтомъ на мою рѣчь и доказывалъ справедливость моей увѣренности.

И въ самомъ дѣлѣ, Кіевъ ничѣмъ не проявилъ себя въ смыслѣ враждебномъ новому строю.

На этомъ митингѣ присутствовалъ комиссаръ Юго-Западнаго фронта Іорданскій. И такъ какъ были основанія думать, что главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ примкнулъ къ движенію, то

Іорданскій рѣшилъ ѣхать въ ставку главнокомандующаго въ Бердичевъ не по желѣзной дорогѣ, а въ автомобилѣ черезъ Житомиръ. Онъ уѣхалъ на слѣдующій день утромъ и долженъ былъ изъ Бердичева говорить со мной по прямому проводу. Но къ вечеру ему не удалось прибыть въ Бердичевъ, такъ какъ онъ задержался въ Житомирѣ. Ему пришлось сдѣлать нѣкоторые аресты въ Житомирѣ и затѣмъ уже прибыть въ Бердичевъ.

Въ общемъ, то, что называлось мятежомъ генерала Корнилова, было ликвидировано очень быстро и безъ большихъ затрудненій.

Трудно сказать теперь вѣское слово по поводу этого трагическаго эпизода нашей жизни. Трудно дать надлежащую оцѣнку этому выступленію. Еще труднѣе быть совершенно безпристрастнымъ.

Тѣ свѣдѣнія, которыя доходили до общаго свѣдѣнія по газетамъ, тѣ свѣдѣнія, которыя я получалъ, какъ Командующій Войсками, говорятъ, во-первыхъ, о томъ, что многое въ этомъ выступленіи покрыто непроницаемой еще тайной, и что этотъ крупный эпизодъ русской революціи ждетъ своего историка, а, во-вторыхъ, о томъ, что никакія контръ-революціонныя выступленія, хоть сколько-нибудь напоминающія возвратъ къ старому, не опасны для дѣла революціи: слишкомъ недовольны всѣ старымъ, чтобы поддерживать устремленія въ ту сторону.

Я сказалъ, что въ Бердичевѣ и Житомирѣ были арестованы генералы высшаго командованія. Ихъ участіе вызвало на Юго-Западномъ фронтѣ такое негодованіе, что ихъ хотѣли тамъ же судить военно-революціоннымъ судомъ. Много труда и усилій пришлось употребить всѣмъ, чтобы не совершить этой несправедливости. Нельзя за одно и то же дѣло судить участниковъ отдѣльно отъ главнаго виновника.

А между тѣмъ генералы Юго-Западнаго фронта сидѣли въ Бердичевской тюрьмѣ, и имъ постоянно угрожалъ, если не самосудъ, то судъ военно-революціонный, отдѣльно отъ Корнилова. И могла совершиться ужасно непоправимая ошибка.

И долго работали надъ тѣмъ, чтобы убѣдить массы въ невозможности такого положенія. Въ частности и пишущему эти строки пришлось сказать свое скромное слово. Въ половинѣ сентября въ "Голосѣ Юго-Западнаго фронта" я помѣстилъ статью подъ названіемъ: "Революціонеры не мстители", въ которой доказывалъ, что не дѣло революціонеровъ кому-либо мстить: они должны помѣшать преступнымъ попыткамъ, а затѣмъ передать все дѣло суду.

Въ концѣ сентября удалось этихъ генераловъ, наконецъ, увезти изъ Бердичева въ Быховъ для совмѣстнаго сужденія съ Корниловымъ. Гдѣ теперь они и что съ ними — не знаю. О нихъ ничего не слышно.

Повторяю, трудно сказать что-нибудь объ этомъ дѣлѣ и дать ему правильное освѣщеніе. Скажу только, что даже послѣ того, какъ дѣло было ликвидировано, кому то нужно было вносить путаницу и осложнять его.

Такъ, мною было получено по почтѣ "письмо-приказъ" Корнилова относительно Кіева.

Приказомъ, якобы, отдавалось нѣсколько распоряженій. Первымъ стояло:

"Генералу Оболешеву (начальникъ штаба округа) — арестовать полковника Оберучева".

Это несомнѣнно апокрифъ. Апокрифичность этого документа доказывается тѣмъ, что въ послѣднемъ пунктѣ его значилось, что генералъ-губернаторомъ назначается генералъ Медеръ, т. е., комендантъ, который былъ арестованъ въ началѣ революціи, а въ то время находился гдѣ-то далеко отъ Кіева, чуть ли не въ Финляндіи. Назначать генералъ-губернаторомъ въ острый моментъ переворота мертвую душу, человѣка далеко отсутствовавшаго, конечно, никто не захочетъ. Ясно, что весь документъ былъ кѣмъ-то неудачно сочиненъ.

А между тѣмъ, онъ распространялся съ какими-то цѣлями.

XII. РАЗВАЛЪ АРМІИ.

Можно различно относиться къ выступленію генерала Корнилова и различно оцѣнивать его съ точки зрѣнія общеполитической, но одно несомнѣнно, и это то, что выступленіе его помогло развалу арміи и повело къ усиленію большевистской агитаціи.

Дѣло въ томъ, что какъ ни сложны были отношенія между командным составомъ и совершенно новыми непривычными для нихъ военно-общественными организаціями, — полковыми и иными совѣтами и комитетами, тѣмъ не менѣе время и жизнь дѣлали свое дѣло, и отношенія стали уже налаживаться.

Пусть въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальствующія лица не сумѣли

надлежащимъ образомъ подойти къ этимъ новымъ и въ высшей степени сложнымъ аппаратамъ. Въ другихъ мѣстахъ сами комитеты слишкомъ широко поняли кругъ своихъ правъ и, пожалуй, не признавали никакихъ обязанностей, кромѣ политической агитаціи. Пусть это такъ. Но жизнь стирала грани, и начиналъ уже вырабатываться тотъ модусъ, на которомъ могли сойтись и повести сообща работу начальники и комитеты и работать надъ созданіемъ новыхъ устоевъ арміи взамѣнъ пошатнувшихся старыхъ.

Повторяю, тренія, такъ мѣшавшія строительству новой жизни арміи и поднятію временно пошатнувшейся боеспособности ея, начали устраняться, и жизнь понемногу начала входить въ надлежащія рамки, обѣщая въ будущемъ полное улаженіе взаимоотношеній.

И вдругъ, взрывъ... Мятежъ, къ которому оказываются прикосновенны высшіе воинскіе чины, генералы и офицеры.

"Контръ-революція и въ ней участвують, конечно, офицеры", — такъ объяснила себѣ масса.

А, вѣдь, офицеры всегда были заподозрѣны въ контръ-революціонности.

Забывалось при этомъ, что еще сто лѣтъ тому назадъ, въ пору декабрьскаго возстанія при вступленіи на престолъ Николая I, во главѣ возставшихъ стояли офицеры, и многіе изъ нихъ пошли на каторгу, а нѣсколько было повѣшено. Забыто, что въ теченіе столѣтія офицеры рядомъ со всѣми другими гражданами, и я себѣ позволю сказать, не въ меньшемъ процентномъ отношеніи, — шли на борьбу съ произволомъ и отдавали свою жизнь въ борьбѣ за счастье родного народа.

Все это забыто. И офицеры всѣ авансомъ взяты подъ подозрѣніе только потому, что они офицеры.

Дорого заплатили за это офицеры въ первые дни революціи, когда ихъ хватали и убивали безъ суда и слѣдствія.

Но это прошло.

Начало возстанавливаться, если не взаимное довѣріе, то, по крайней мѣрѣ, успокоеніе и улаженіе взаимоотношеній, которыя могли потомъ только улучшаться, и жизнь могла войти въ свои рамки.

Корниловское выступленіе въ корнѣ подорвало эти наладившіяся отношенія.

Опять безумныя звѣрства. Звѣрства, ни на чемъ не основанныя.

Вспомнимъ Выборгъ, Гельсингфорсъ, Петропавловскъ и другія мѣста, которыя трудно и вспомнить, — такъ много ихъ было.

Опять жертвы, опять кровь. Опять вражда и обостреніе таковой до крайнихъ предѣловъ.

А такъ какъ все это дѣлалось подъ флагомъ борьбы съ контръ-революціей, то такимъ произвольнымъ дѣйствіямъ не было предѣла.

Въ разныхъ мѣстахъ, подъ видомъ борьбы, вымѣщалась накипѣвшая злоба на офицерахъ только потому, что они офицеры.

Начались самосуды...

А что можетъ быть хуже самосуда въ общественной жизни?

Вѣдь, если предоставить возможность толпѣ, какой бы то ни было, тутъ же на мѣстѣ, безъ разбора и выясненія дѣйствительной виновности, творить судъ и расправу, то меньше всего можно думать о справедливости и законности и сохраненія устоевъ общественной жизни.

И если все-таки удавалось мѣстами локализировать эти взрывы не столько народнаго негодованія, сколько отсутствія выдержки и наличности своеобразно понятыхъ началъ свободы, то объяснить это можно исключительно добродушіемъ русской толпы, на которую все же можно дѣйствовать словомъ убѣжденія даже въ критическіе моменты.

Корниловское выступленіе помогло работѣ большевиковъ.

Произошелъ сдвигъ... Я не позволю себѣ сказать, "сдвигъ влѣво"... нѣтъ, сдвигъ въ сторону большевизма.

Стало легче вести пропаганду большевизма. Стоило только всѣхъ, почму-либо неугодныхъ, называть "Корниловцами", "Контръ-революціонерами", и успѣхъ обезпеченъ. Сразу люди берутся подъ подозрѣніе и трудно имъ доказать, что они не только не контръ-революціонеры, а, можно сказать, совсѣмъ напротивъ.

Мнѣ приходилось присутствовать на митингахъ послѣ корниловскаго выступленія и наблюдать отношеніе массъ къ ораторамъ.

Чѣмъ чаще ораторъ употреблялъ слово "Корниловцы", что стало синонимомъ "контръ-революціонеръ", тѣмъ больше оказывается ему довѣрія, тѣмъ сильнѣе, значитъ, защищаетъ онъ народное дѣло.

Конечно, пройдетъ время, и истинные друзья народа будутъ найдены и открыты тѣми, кто ихъ не видитъ сейчасъ.

Вѣдь, если теперь Центральный Комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ зачисляется въ ряды контръ-революціонеровъ, чуть-ли не черносотенцевъ, то дальше идти некуда.

Совсѣмъ недавно, уже заграницей, читалъ я о далеко не ласковомъ пріемѣ, оказанномъ въ Харьковѣ "бабушкѣ русской революціи" Екатеринѣ Константиновнѣ Брешко-Брешковской, которая жизнь свою

отдала на борьбу за свободу и счастье народа, любовь къ которому у этой старухи безгранична. Что же говорить объ отношеніи къ тѣмъ, кто не имѣетъ такихъ заслугъ передъ революціей и народомъ? Они, конечно, "враги народа", и какъ таковые и трактуются.

А въ словесникахъ, упражняющихся въ примѣненіи революціонныхъ фразъ, съ 1-го марта 1917 года, т. е., съ того времени, когда это стало безопасно, недостатка нѣтъ.

Послѣ корниловскаго выступленія начался развалъ арміи, и то, что не было возможно раньше, стало достаточно обычнымъ. Случаи неповиновенія, насилія, ухода съ постовъ, неисполненія свихъ служебныхъ обязанностей, участились и стали слишкомъ обычнымъ явленіемъ.

И если распоряженіе Временнаго Правительства и военнаго министра генерала Верховскаго о сокращеніи численности арміи объясняется соображеніями о дѣйствительной чрезмѣрности числа державшихся подъ знаменами, то, думаю, что не малое значеніе имѣло и то соображеніе, что, распустивъ огромное число тыловыхъ солдатъ, можно легче придти къ соглашеніямъ о несеніи надлежащимъ образомъ службы остальными.

Несомнѣнно дѣло Корнилова, его неосторожное выступленіе, повлекшее за собой все остальное, имѣло большое вліяніе на настроеніе арміи, и всѣ дальнѣйшія событія и выступленіе большевиковъ получили въ немъ большую поддержку.

XIII. УХОДЪ СЪ ДОЛЖНОСТИ КОМАНДУЮЩАГО ВОЙСКАМИ.

Само собою разумѣется, что то пониманіе служебной этики, которое было отчасти слѣдствіемъ корниловской исторіи, не могло не проявиться въ войскахъ украинскихъ.

И оно проявилось съ очень большой силой.

Я приводилъ выше случай, какъ рота украинскаго полка оставила свой постъ и арестованныхъ предоставила самимъ себѣ.

И подобные случаи имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ.

Начались опять попытки самочинной "украинизаціи". Начался походъ противъ командующаго войсками.

Въ самомъ Кіевѣ собрался совѣтъ невѣдомыхъ украинцевъ военныхъ и отъ имени украинцевъ всего гарнизона вынесъ постановленіе, что такъ какъ полковникъ Оберучевъ является врагомъ украинскаго войска и Украины, то мы постановляемъ не исполнять приказы полковника Оберучева.

Надо было выступить этимъ самозваннымъ безотвѣтственнымъ лицамъ, чтобы слѣдомъ за ними пошли и другіе.

И съ разныхъ сторонъ, то полковые совѣты украинскихъ частей, то группы украинскихъ солдатъ въ полкахъ присылали свои постановленія о томъ, чтобы ушелъ Оберучевъ съ поста Командующаго Войсками.

Даже украинская рада нынѣ не безызвѣстной 12 арміи прислала свое постановленіе о смѣнѣ полковника Оберучева, хотя армія эта стояла слишкомъ далеко отъ Кіева и совсѣмъ не могла быть освѣдомлена о моей дѣятельности инымъ порядкомъ, кромѣ безотвѣтственныхъ старателей украинизаціи войскъ въ трагическое время войны.

Появленіе такихъ постановленій, особенно тѣхъ, которыя выпускались въ предѣлахъ округа, поставило передо мною сложный вопросъ, какъ отнестись къ нимъ.

Само собою разумѣется, что можно было силой заставить исполнять свои распоряженія. И сила такая въ рукахъ у меня была.

Но если противъ проявленій анархическихъ вообще возможно употреблять силу, то здѣсь вопросъ былъ сложнѣе.

Вѣдь, выступая силой противъ ослушниковъ, дѣйствующихъ подъ флагомъ украинскимъ, рискуешь заслужить упрекъ, что въ данномъ случаѣ ведешь борьбу не съ анархическими выступленіями, людей безотвѣтственныхъ, ведущихъ за собой мало сознательныя массы, не разбирающіяся въ происходящихъ событіяхъ и не знающія людей, а борешься противъ національной свободы и самоопредѣленія народностей. А мнѣ, соціалисту-революціонеру, заслужить такой упрекъ, да еще на Украинѣ, съ которой я связанъ всей своей жизнью, было невозможно. И я рѣшилъ уйти, тѣмъ болѣе, что въ томъ развалѣ, который происходилъ по вопросу украинскихъ комплектованій, я былъ до нѣкоторой степени игралищемъ судьбы. Я получилъ опредѣленныя директивы, вполнѣ, правда, согласныя съ моимъ собственнымъ мнѣніемъ, по этому вопросу и имъ слѣдовалъ, а помимо меня получались разрѣшенія и распоряженія, шедшія въ противорѣчіе съ данными мнѣ директивами и противъ отданныхъ мною по этому поводу распоряженій.

Ясно, что я, и только я, противъ того "стихійнаго" движенія, которое приняло форму украинизаціи войскъ въ процессѣ войны.

И я рѣшилъ уйти.

Я послалъ объ этомъ телеграфную просьбу главнокомандующему Юго-Западнымъ фронтомъ, Военному Министру и Верховному Главнокомандующему.

И отъ перваго, — генерала Володченко, — и отъ послѣдняго — Керенскаго, я получилъ телеграммы съ указаніемъ на невозможность моего ухода и просьбу остаться на мѣстѣ.

Я поѣхалъ къ генералу Володченко и доказалъ ему, моему товарищу по училищу, что ухожу я не по личнымъ мотивамъ утомленія, неудовлетворительности или тому подобное, а по мотивамъ характера общественнаго, такъ какъ, повидимому, необходимо измѣнить тактику въ отношеніи этого вопроса, въ которомъ зашли такъ далеко. Для меня, дѣйствовавшаго все время по убѣжденію, измѣнить ее нельзя, а это можетъ повести къ печальнымъ для дѣла порядка послѣдствіямъ. Что же касается новаго человѣка, то его линія поведенія можетъ быть иная; и возможно, что она будетъ и совпадать съ его собственными на этотъ предметъ взглядами.

Черезъ нѣсколько дней меня вызвалъ къ себѣ Военный министръ генералъ Верховскій въ Петроградъ.

Я поѣхалъ немедленно и тамъ доложилъ и ему и Керенскому свою точку зрѣнія. Мнѣ удалось убѣдить и ихъ въ правильности принятаго мною рѣшенія.

Я позволю себѣ воспроизвести здѣсь поданный мною по этому поводу рапортъ, такъ какъ онъ, помимо моего желанія, былъ уже опубликованъ въ печати.

Вотъ онъ.

"Я глубоко тронутъ выраженнымъ мнѣ Вами и Верховнымъ Главнокомандующимъ довѣріемъ въ отвѣтъ на мою телеграмму объ освобожденіи меня отъ обязанностей командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и, конечно, не настаивалъ бы на своемъ увольненіи въ особенности въ такой острый моментъ, который переживаетъ страна. Но обстоятельства вынуждаютъ меня повторить мое ходатайство и просить объ удовлетвореніи его въ возможно непродолжительномъ времени, такъ какъ оставленіе меня на посту Командующаго Войсками невозможно.

"И вотъ почему.

"За нѣсколько дней до подачи мною первой просьбы я, въ цѣ-

ляхъ освобожденія Чернигова отъ перегрузки войсками, сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ расположеннаго тамъ 2-го баталіона 1-го украинскаго запаснаго полка въ Кіевъ.

"И вотъ, 20 сентября командиръ этого баталіона передалъ мнѣ "постановленіе" баталіоннаго комитета, въ которомъ говорится, что "такъ какъ въ этомъ переводѣ замѣчается со стороны россійскаго военнаго начальства, а главнымъ образомъ, начальника кіевскаго военнаго округа, Оберучева, просто враждебное отношеніе къ украинскому войску, — баталіонный комитетъ постановилъ не исполнять этого приказа до особаго на это приказа украинскаго войскового генеральнаго комитета".

"Кромѣ того, въ томъ же постановленіи говорится, что "такъ какъ начальникъ кіевскаго военнаго округа Оберучевъ уже не въ первый разъ идетъ противъ интересовъ украинскаго войска, баталіонный комитетъ вполнѣ присоединяется къ постановленію украинскаго совѣта военныхъ депутатовъ и рѣшительно заявляетъ, что никакихъ приказовъ Оберучева онъ безъ согласія на это генеральнаго комитета выполнять не будетъ и также присоединяетъ свой голосъ къ требованіямъ своихъ товарищей о незамедлительномъ смѣщеніи Оберучева съ поста начальника военнаго округа".

"Такимъ образомъ, изъ этого постановленія видно (виновниковъ въ составленіи его я предаю военному суду), что украинскія части, расположенныя въ предѣлахъ кіевскаго военнаго округа, не желаютъ исполнять моихъ приказовъ безъ согласія на то генеральнаго комитета, и я безсиленъ заставить исполнить таковые, ибо всякія дѣйствія, направленныя для принужденія къ выполненію приказовъ, трактуются, какъ покушеніе на національную свободу, и только усиливаютъ шансы успѣшной агитаціи тѣхъ безотвѣтственныхъ украинскихъ дѣятелей, которые эту агитацію ведутъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не въ интересахъ свободы и революціи. Оказывается также, что въ Кіевскомъ военномъ округѣ, кромѣ меня, командующаго войсками, имѣется для части войскъ другая власть, — безотвѣтственный генеральный комитетъ, — и соглашеніе между обѣими властями теперь, повидимому, психологически невозможно, ибо, благодаря тому, что украинизація войска, вопреки опредѣленному указанію министра Керенскаго, велась помимо всякаго моего участія, путемъ частичныхъ разрѣшеній, дававшихся и дающихся то ставкой, то военнымъ министромъ, я оказываюсь одинокимъ противникомъ украинизаціи, стоящимъ поперекъ постановленій другихъ представителей правитель-

ственной власти, и посему все недовольство извѣстныхъ круговъ, руководящихъ украинизаціей войскъ, направлено противъ меня. Именно съ моей личностью, а не съ россійской правительственной властью связано представленіе о сопротивленіи украинизаціи, и именно противъ меня, а не противъ вообще политики россійской военной власти ведется широкая агитація".

"Поэтому я позволю себѣ выразить увѣренность, что съ уходомъ моимъ и назначеніемъ на постъ командующаго войсками другого лица, въ отношеніи котораго безотвѣтственные руководящіе круги, въ лицѣ генеральнаго комитета и войсковой украинской рады, не смогутъ повести такой кампаніи, какую ведутъ противъ меня здѣсь, и въ украинизированныхъ частяхъ сможетъ наступить успокоеніе, и украинскія части признаютъ власть этого начальника, какъ признаютъ ее другія части округа. И, значитъ, одной изъ причинъ, вносящихъ безпорядокъ въ войсковыя части, будетъ меньше.

"Считаю нужнымъ прибавить, что до послѣдняго времени въ войсковыхъ частяхъ не было никакихъ національныхъ треній, и каковы бы ни были эти части, сильныя или слабыя, но они были однородны. Между тѣмъ, такъ называемая украинизація войскъ внесла въ части войскъ враждебный тонъ въ межнаціональныя отношенія, грозящія разрушить войсковыя части, какъ боевыя единицы.

"Не имѣя возможности принять на себя отвѣтственность за послѣдствія такого національнаго разъединенія, такъ какъ я былъ противникомъ украинизаціи, находя ее несвоевременной, но былъ въ этомъ отношеніи одинокъ, я не могу оставаться на посту командующаго войсками и прошу освободить меня и замѣнить лицомъ, противъ котораго нѣтъ здѣсь, въ рядахъ военныхъ, предубѣжденія. Это, быть можетъ, ослабитъ вредъ украинизаціи и дастъ возможность пройти ей возможно болѣе безболѣзненно.

"Не находя для себя возможнымъ въ настоящее время просить освободить меня отъ военной службы вообще, я прошу, не найдетъ ли Врем. Правительство болѣе цѣлесообразнымъ использовать меня, какъ спеціалиста-артиллериста съ высшимъ техническимъ образованіемъ".

Какъ я указалъ выше, и Керенскій, и Верховскій оба согласились съ моими доводами и дали согласіе на освобожденіе меня отъ должности Командующаго Войсками округа.

Я собирался уѣзжать въ Кіевъ, чтобы приготовиться къ сдачѣ должности замѣстителю, котораго при мнѣ еще не намѣтили.

Но попасть въ Кіевъ въ ближайшее время мнѣ не удалось.

XIV. ДЕЛЕГАТЪ ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА СОВѢТА КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ НА КОПЕНГАГЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

Я не поѣхалъ въ Кіевъ, какъ собирался тотчасъ послѣ выясненія вопроса о своей отставкѣ.

Мнѣ нужно было ѣхать, такъ какъ мнѣ предложено было большое дѣло по моей спеціальности.

Но поѣхать мнѣ не удалось.

Когда я сказалъ о своемъ уходѣ моимъ добрымъ знакомымъ въ Петроградѣ, ко мнѣ обращается Вѣра Николаевна Фигнеръ, та Фигнеръ, которая съ юныхъ лѣтъ отдалась революціи и двадцать лѣтъ просидѣла въ Шлиссельбургской Крѣпости. Та Фигнеръ, которая въ восьмидесятыхъ годахъ, работая въ партіи "Народной Воли", занималась созданіемъ военно-революціонной организаціи и успѣла въ этомъ дѣлѣ сдѣлать многое. Та, которая вмѣстѣ съ другими революціонерами давно участвовала въ подготовкѣ революціи и содѣйствовала ея успѣхамъ.

"Константинъ Михайловичъ. Вы, кажется, теперь свободны. Видите ли въ чемъ дѣло. На-дняхъ предстоитъ въ Копенгагенѣ конференція по обмѣну военноплѣнныхъ. На этой конференціи долженъ быть представитель Совѣта крестьянскихъ депутатовъ. Предложили ѣхать мнѣ. Но въ силу цѣлаго ряда причинъ я ѣхать не могу. Я хочу предложить поѣхать Вамъ, такъ какъ Вы работали въ дѣлѣ помощи военноплѣннымъ, знаете ихъ нужды и сможете быть представителемъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ на этой конференціи".

Я задумался.

Я зналъ, что Вѣра Николаевна уже выбрана въ Совѣтъ Республики. Зналъ, что она рѣшила оставить работу въ дорогомъ ей дѣлѣ помощи амнистированнымъ политическимъ, потому что подходило время созыва Учредительнаго Собранія, и ей нужно принять участіе въ подготовительныхъ работахъ.

Съ другой стороны, мнѣ улыбалась эта поѣздка.

Быть представителемъ Совѣта крестьянскихъ депутатовъ на международной конференціи — большая честь, и отказываться отъ нея не приходилось.

Кромѣ того, задачи конференціи — облегченіе условій обмѣна и

условій жизни въ плѣну милліонамъ жертвъ войны — задача огромная и поработать для этого большого дѣла было необходимо и мнѣ казалось очень заманчивымъ.

И я далъ свое согласіе.

Кандидатура моя, предложенная Вѣрой Николаевной, была поддержана, и я прошелъ въ качествѣ желательнаго кандидата.

Вопросъ рѣшенъ окончательно, хотя мнѣ грустно было, что я не смогу возвратиться сейчасъ въ милый сердцу Кіевъ, въ которомъ, хотя и было пережито въ послѣднее время много тяжелыхъ минутъ, но съ которымъ связаны мои свѣтлыя воспоминанія.

Нужно было собраться въ путь. Необходимо ознакомиться съ вопросомъ по матеріаламъ Центральнаго Комитета. Настоятельно необходимо отдать себѣ ясный отчетъ, что дѣлать на конференціи, на чемъ настаивать, чего добиваться.

Нѣсколько смущало меня плохое знаніе французскаго языка, — оффиціальнаго языка конференціи, — но успокаивало то, что, вѣдь, найдутся тамъ переводчики.

Сборы окончены. И вмѣстѣ съ двумя компаніонами, — инвалидами, офицеромъ и солдатомъ, — выѣзжаемъ.

Опять въ дорогѣ.

Я оставляю родину въ тревожяное время, когда въ воздухѣ чувствовалась возможность осложненій, когда видно было, что хоть и сконструировался Временный Совѣтъ Россійской Республики, но онъ многихъ не удовлетворялъ и на этомъ можно разыграть.

"Но прочь черныя мысли! Не покидалъ меня никогда здоровый оптимизмъ. Не поддамся и теперь грустному раздумью.

"Смѣло въ дорогу!"

Такъ думалъ я, выѣзжая изъ Петрограда въ Скандинавскія страны.

Вотъ и Торнео.

Таможенный и паспортный досмотръ.

Вспомнилъ я, какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ съ тревогой подходилъ я къ жандармамъ, провѣрявшимъ паспорта, и думалъ:

"Удастся ли мнѣ проскочить черезъ границу и попасть, наконецъ, на родину, чего я такъ страстно желалъ?"

Вспомнилъ я, какъ молодой офицеръ, которому я поручилъ наблюденіе за мной во время переѣзда черезъ границу и прохода черезъ жандармскіе Фермопилы, неотступно слѣдилъ за мной и тѣмъ, что происходитъ.

Вспомнилъ я все это и подумалъ:

"Какъ далеко, какъ давно это было".

Теперь я ѣду съ дипломатическимъ паспортомъ и совершенно спокоенъ, если не считать тревожныхъ мыслей о томъ, что ждетъ еще впереди нашу многострадальную родину, какіе этапы придется ей пройти по пути къ укрѣпленію свободы.

Я не скажу, что съ уничтоженіемъ пограничныхъ жандармовъ улучшился, а главное ускорился порядокъ провѣрки паспортовъ. Нѣтъ, этого не было.

Наконецъ, я на пароходикѣ. Тѣсный, маленькій грязный пароходишка, на которомъ пришлось переѣзжать пограничную рѣку, Торнео, чтобы попасть въ Хапаранду.

Я ѣхалъ прошлый разъ въ январѣ. На санкахъ, легко и быстро, хотя и съ пересадкой, прокатили мы по льду черезъ рѣку въ ясный солнечный, но холодный, морозный день.

Теперь слякоть, дождь и грязный пароходъ.

Но, вотъ и Хапаранда.

Удивительный порядокъ и налаженность пограничнаго досмотра.

И прежде всего о Васъ заботятся. Вамъ предлагаютъ хлѣбныя карточки. Это первое, что получаете Вы, входя на станцію.

И вспоминаю я, какъ на одной изъ станцій финляндской желѣзной дороги намъ сказали, что нужно идти получить хлѣбныя карточки. Мы вышли всѣ и стали длинной очередью въ ожиданіи выдачи карточекъ.

Вдругъ третій звонокъ, и всѣ мы бросились къ поѣзду, чтобы не опоздать. Такъ и поѣхали мы безъ хлѣбныхъ карточекъ. Только немногіе счастливцы получили ихъ.

И это въ Финляндіи.

А въ Швеціи Вы не останетесь безъ хлѣбной карточки въ пути. Когда я въ первый разъ ѣхалъ изъ Христіаніи въ Стокгольмъ, на пограничной станціи въ Шарлотенбургѣ пришли къ намъ въ вагонъ и роздали хлѣбныя карточки, нужныя въ пути, по расчету числа дней путешествія. Кто только до Стокгольма — получай только на одинъ день, кто до Россіи — на три.

Я ѣду въ Стокгольмъ. Тамъ опять, какъ и прошлый разъ, весь день прошелъ въ скитаніяхъ. Только вечеромъ ушелъ поѣздъ на Копенгагенъ.

Утромъ — Мальме.

Это имя напомнило мое путешествіе изъ Нью-Іорка.

Концертъ при содѣйствіи Колонтай.

Одинъ изъ участниковъ, — молодой норвежецъ, — пѣлъ куплеты о свиданіи трехъ королей въ Мальме. Пѣлъ по норвежски.

Я не понялъ, конечно, ни слова. Но тотъ восторгъ, съ которымъ принимали его всѣ слушатели, тотъ непрерывный хохотъ, который покрывалъ куплеты, показывали мнѣ, что куплеты полны неподдѣльнаго юмора.

Но у меня осталось только въ памяти, что припѣвъ къ каждому куплету заканчивался словомъ: "Мальме", причемъ это слово произносилось имъ какъ то особенно.

И вотъ я теперь въ томъ самомъ Мальме, о которомъ я чуть ли не впервые услышалъ на музыкальномъ вечерѣ на пароходѣ "Бергенсфіордъ" среди Атлантическаго океана.

Опять таможенныя формальности. Опять осмотръ багажа и паспортовъ, что такъ часто со мною продѣлывалось и стало привычнымъ явленіемъ.

Но вотъ мы въ Копенгагенѣ.

Переходъ два часа по проливу совершался легко и спокойно. Да иначе и быть не могло. Впрочемъ, кое-кто изъ пассажировъ считалъ это морскимъ путешествіемъ и даже говорилъ о качкѣ...

Я въ первый разъ въ Копенгагенѣ.

Не смотря на двухнедѣльное пребываніе тамъ, мнѣ не удалось познакомиться съ нимъ. Всѣ дни были разбиты и заняты работой въ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ, такъ какъ дѣло было спѣшное и надо было торопиться. Вѣдь, отъ рѣшенія нашей конференціи зависитъ судьба милліоновъ плѣнныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще большаго числа ихъ родственниковъ, живущихъ въ ожиданіи возвращенія ихъ или извѣстій объ улучшеніи ихъ положенія.

И мы работали.

Конечно, не время и не мѣсто здѣсь говорить о работахъ конференціи во всѣхъ подробностяхъ, но не могу не отмѣтить, что со стороны датчанъ конференція и ея работы встрѣтили самое внимательное и серьезное отношеніе. И этому мы въ значительной степени обязаны успѣшностью работъ конференціи.

Въ конференціи принимали участіе, кромѣ датчанъ и представителей шведскаго краснаго креста. Россія и Румынія — съ одной стороны, Австро-Венгрія. Германія и Турція — съ другой.

Само собой разумѣется, что среди делегатовъ враждебныхъ сторонъ не было и тѣни враждебности. Напротивъ, отношенія, хотя и

офиціальныя, установились самыя лучшія; да иначе и быть не могло. Всѣ пріѣхали для одного дѣла: помочь улучшить положеніе военноплѣнныхъ, которымъ, конечно, вездѣ не сладко жилось.

Пусть не во всѣхъ вопросахъ мы сошлись, пусть многое осталось не удовлетвореннымъ, но и то, что сдѣлано, составляетъ большой плюсъ въ тяжелой жизни плѣнниковъ, и конференціей намѣченъ путь для дальнѣйшихъ улучшеній.

По одному вопросу намъ не удалось достигнуть соглашенія, это по рабочему. Большинство внесенныхъ по этому важному вопросу русской делегаціей предложеній не прошло: они оказались непріемлемыми ни для австрійцевъ, ни для германцевъ.

Ни фиксированіе нормы рабочаго дня, ни ограниченія на работахъ особенно тяжелыхъ, ни, наконецъ, обезпеченіе инвалидности, полученной вслѣдствіе работъ военноплѣннаго, — ничто это не получило разрѣшенія, какъ ни настойчива была въ этомъ отношеніи русская делегація.

Былъ еще одинъ важный вопросъ: вопросъ о транспортѣ.

Вѣдь, пока существуетъ только одна дорога для обмѣна военноплѣнныхъ: черезъ Швецію и Финляндію. Но это и длинный путь, и дорогой. Да и не можетъ при настоящихъ условіяхъ ни Швеція, ни Финляндія обезпечить массовый исходъ плѣнныхъ, каковой предполагается по утвержденіи и введеніи въ силу постановленій конференціи объ обмѣнѣ.

И вотъ, австрійцами и германцами внесено предложеніе производить обмѣнъ черезъ одинъ изъ пунктовъ на фронтѣ. Кромѣ того, австрійцами было внесено предложеніе объ обмѣнѣ всѣми военноплѣнными, посидѣвшими болѣе двухъ лѣтъ.

Оба эти вопроса не могли быть разсматриваемы на конференціи, такъ какъ делегатъ русскаго военнаго министерства получилъ категорическое указаніе не допускать разсмотрѣнія этого вопроса на конференціи. Само собою разумѣется, что и мнѣ нельзя было обсуждать его.

Но тѣмъ не менѣе, я не считалъ для себя возможнымъ промолчать и вынужденъ былъ выступить съ слѣдующимъ заявленіемъ на одномъ изъ пленарныхъ засѣданій послѣ того, какъ вопросъ этотъ былъ вторично поднятъ представителемъ Австріи.

Я сказалъ:

"На настоящей конференціи я являюсь представителемъ россійской революціонной демократіи, въ лицѣ Совѣта Крестьянскихъ Депу-

татовъ, пославшей меня сюда, и какъ таковой имѣю единственный императивный мандатъ: сдѣлать все возможное для облегченія положенія возможно широкихъ массъ военноплѣнныхъ всѣхъ странъ безъ исключенія.

"Считаю, что плѣнники, просидѣвшіе въ плѣну два и болѣе лѣтъ, уже достаточно претерпѣли и надорваны настолько, чтобы ихъ нельзя было считать вполнѣ здоровыми, подлежатъ возвращенію на родину. Этотъ актъ далъ бы возможность облегченно вздохнуть многимъ милліонамъ населенія всѣхъ воюющихъ странъ и былъ бы актомъ необходимой гуманности по отношенію къ этимъ жертвамъ настоящей безумной и жестокой войны. И я охотно присоединился бы къ предложенію, внесенному Австро-Венгерской делегаціей объ обмѣнѣ плѣнниками, взятыми въ плѣнъ до 1 мая 1915 года. Но я не могу ни присоединиться къ нему, ни поддержать, такъ какъ знаю, что мой товарищъ по делегаціи, генералъ Калишевскій, имѣетъ опредѣленный мандатъ правительства не соглашаться ни на эту мѣру, ни на транспортировку плѣнныхъ черезъ фронтъ. А я принадлежу къ тѣмъ группамъ революціонной демократіи, которыя считаютъ для себя обязательнымъ оказывать всяческую поддержку Временному Революціонному Правительству, стремящемуся къ благу всѣхъ народовъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благу всѣхъ народовъ міра. И идти на конференціи противъ взглядовъ и рѣшеній Временнаго Правительства я не нахожу ни возможнымъ, ни допустимымъ. Вотъ почему я не могу принять участія въ обсужденіи настоящаго вопроса теперь же, хотя я лично считаю эти мѣры полезными, не могу тѣмъ болѣе, что я не знаю мотивовъ, заставившихъ Временное Правительство, въ лицѣ Военнаго министерства, отнестись вполнѣ отрицательно къ самой мысли о возможности массоваго обмѣна и транспортировки черезъ одинъ изъ пунктовъ огромнаго боевого фронта.

"Признавая лично эти мѣры полезными, я, по возвращеніи въ Россію, постараюсь выяснить эти причины и приложу всѣ усилія къ тому, чтобы этотъ вопросъ былъ пересмотрѣнъ Временнымъ Правительствомъ во всей его полнотѣ и рѣшенъ въ томъ направленіи, которое влечетъ къ наибольшему благу для наибольшаго числа людей.

"Но, считая полезнымъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, я долженъ сказать, что таковое, по моему мнѣнію, можетъ состояться при соблюденіи слѣдующихъ условій. Во-первыхъ, чтобы оно являлось не частичнымъ соглашеніемъ Россіи и Австро-Венгріи, но чтобы оно охватывало всѣ воюющія страны обѣихъ коалицій; во-вторыхъ,

чтобы это не было обмѣномъ плѣнныхъ голова въ голову, а чтобы всѣ безъ исключенія военноплѣнные, взятые до опредѣленнаго срока и пробывшіе въ плѣну два и болѣе года, были освобождены и возвращены возможно скорѣе на родину, и, наконецъ, чтобы всѣ страны обязались не употреблять этихъ военноплѣнныхъ не только на фронтѣ, но и для обученія войсковыхъ частей, и чтобы эти обязательства не только точно исполнялись, но и были поставлены подъ контроль нейтральныхъ делегатовъ.

"Только при соблюденіи этихъ условій для меня, какъ представителя россійской революціонной демократіи, можетъ оказаться возможность принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поднять этотъ вопросъ во всей его широтѣ передъ Временнымъ Правительствомъ Россіи. Въ противномъ случаѣ, если союзники Австро-Венгріи не поддержатъ ея предложенія, и въ этомъ пунктѣ у нихъ не произойдетъ соглашенія, и дѣло обмѣна военнплѣнныхъ станетъ лишь дѣломъ частичнаго соглашенія между Россіей и Австро-Венгріей, я буду считать это дѣло слишкомъ частнымъ и не имѣющимъ того огромнаго общественнаго значенія, которое я ему придаю въ сдѣланной мной постановкѣ".

Мнѣ не удалось выполнить принятаго на себя обязательства.

На мою родину налетѣлъ вихрь такихъ событій, которыя лишили ея Временнаго Правительства, и некому стало утверждать наши постановленія. Кажется, и тотъ Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, который меня делегировалъ, уже распущенъ, и здѣсь мнѣ не къ кому стало обратиться.

Къ тому же событія на фронтѣ приняли такой оборотъ, что, быть можетъ, и самъ вопросъ отпадаетъ.

Возможно, что мы наканунѣ освобожденія всѣхъ плѣнныхъ, отправкѣ ихъ черезъ весь фронтъ, а не черезъ одинъ изъ пунктовъ его.

Но теперь австро-венгерскіе плѣнные уйдутъ безъ всякихъ условій и смогутъ заполнить рѣдѣвшіе ряды на западномъ фронтѣ...

Къ такому рѣшенію вопроса я присоединиться не могу.

Прежде, чѣмъ оставить Копенгагенъ, я позволю себѣ остановиться на одномъ вопросѣ, на одной детали жизни нашихъ военноплѣнныхъ.

Я помню то время, когда, несмотря на постоянные хлопоты и напоминанія о необходимости облегчить положеніе нашихъ плѣнныхъ и перевезти хотя бы туберкулезныхъ въ нейтральныя страны для поправленія ихъ здоровья, — подобно тому, какъ это сдѣлали для своихъ французы и англичане, — старое правительство, пользуясь за-

ключеніями департамента полиціи, не рѣшалось сдѣлать этого, боясь пропаганды въ нейтральныхъ странахъ.

Но развернулись событія на внутреннемъ фронтѣ, вліяніе департамента полиціи пало, и Временное Правительство молодой революціонной Россіи осуществило, наконецъ, то, о чемъ мечтали всѣ тѣ, кто хоть немного соприкасался съ военноплѣнными и зналъ ихъ тяжелую жизнь. Оно пошло на встрѣчу этой нуждѣ; и если дѣло помощи военноплѣннымъ въ лагеряхъ со времени революціи не подвинулось впередъ, а, пожалуй, даже стало слабѣе, то въ отношеніи интернированія только революція помогла нашимъ плѣнникамъ: она сумѣла вырвать хоть часть нашихъ плѣнниковъ изъ германскихъ и австрійскихъ лагерей и поставить ихъ въ условія человѣческаго существованія. Сосѣднія страны, Данія и Норвегія, гостепріимно открыли свои двери и дали пріютъ нашимъ страдальцамъ.

Въ одномъ изъ лагерей интернированныхъ, близь маленькаго городка Хорсередъ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ нашими плѣнными. Эти датчане пріютили ихъ и поддержали начавшія уже падать молодыя силы.

То мѣсто, въ которомъ я провелъ цѣлый день, еще въ началѣ этого года было поросшее густымъ лѣсомъ. Но какъ только былъ рѣшенъ вопросъ объ интернированіи въ Даніи русскихъ военноплѣнныхъ, застучалъ топоръ, зазвенѣла лопата, зашумѣла пила... И началась постройка, спѣшная, но солидная работа. И вотъ, въ настоящее время, мѣсто это — культурный уголокъ.

Десятки бараковъ, вновь построенныхъ и вполнѣ приспособленныхъ для житья, снабженныхъ водопроводомъ, канализацiей и электрическимъ освѣщеніемъ, большія залы, столовыя, отлично оборудованныя операціонныя, зубоврачебный кабинетъ и т. п. — все предоставлено въ пользованіе невольныхъ, но чрезвычайно довольныхъ своимъ пребываніемъ здѣсь обитателей.

Бараки построены и все оборудованіе, стоимостью до 5—6 милліоновъ кронъ, сдѣлано датскимъ правительствомъ безъ всякаго участія русскаго; эти бараки, весь городокъ, послѣ войны предполагается, кажется, использовать на нужды благотворительности, для устройства дѣтскихъ пріютовъ или для стариковъ и т. п.

Но это дѣло будущаго. Пока же тамъ живутъ наши военнплѣнные.

Къ нимъ мы поѣхали.

Нечего говорить о чудной прогулкѣ. Датское военное вѣдомство предоставило намъ автомобили, и мы прокатились по прекрасной до-

рогѣ среди лѣсовъ и полей. Кстати, поѣздка въ автомобилѣ въ Даніи въ это время была мало кому доступная роскошь: бензина въ странѣ мало, онъ отпускался по карточкамъ, и далеко не всѣ, даже богатые, могли разрѣшать себѣ такое удовольствіе.

Дружественная встрѣча ожидала насъ тамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ лагерѣ живутъ офицеры и солдаты, только недавно прибывшіе изъ германскаго и австрійскаго плѣна, совершенно оторванные отъ родины и жадные знать, что тамъ дѣлается на этой дорогой, многострадальной и такъ много теперь обѣщающей родинѣ. И тутъ къ нимъ на встрѣчу идутъ ихъ соотечественники, только что пріѣхавшіе съ родныхъ для нихъ мѣстъ. Совершенно понятно то нетерпѣніе, съ которымъ они насъ ждали.

Съ другой стороны, и мы очень интересовались видѣть не только лагерь и его оборудованіе, но и его невольныхъ, но счастливыхъ своимъ пребываніемъ обитателей.

И полились бесѣды.

Наперерывъ разспрашивали другъ друга, наперерывъ дѣлились впечатлѣніями прожитыхъ дней.

Внѣшнее оборудованіе лагеря, повторяю, прекрасно. Имъ мы обязаны датчанамъ.

Съ своей стороны, копенгагенское отдѣленіе московскаго комитета помощи озаботилось устройствомъ библіотекъ, читаленъ, мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ и читаютъ плѣнные и проводятъ часы досуга.

Содержаніе прекрасное. Питаніе не оставляетъ желать лучшаго, и оно даетъ блестящіе результаты: нѣкоторые интернированные поправились настолько, что прибавились въ вѣсѣ до полутора пудовъ (болѣе двадцати килограммовъ) въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

Кажется достаточно. А, вѣдь, пріѣхали они сюда въ такомъ видѣ, что едва держались на ногахъ.

Общій отзывъ военноплѣнныхъ о пріемѣ, оказанномъ имъ датчанами, восторженный. То дружественное отношеніе, которое они почувствовали съ первыхъ дней, сохранилось до конца, несмотря на нѣкоторыя тренія, которыя происходятъ при совмѣстной жизни.

Главнѣйшія жалобы, которыя пришлось слышать, — это жалобы на то, что интернированные не хотятъ работать даже для себя безъ особаго каждый разъ вознагражденія. И это при условіи, что они получаютъ опредѣленное жалованіе, какъ военнослужащіе.

И въ самомъ дѣлѣ. Когда я былъ вечеромъ на кухнѣ, тамъ одинъ изъ помощниковъ повара говорилъ мнѣ, что они получаютъ за свою

работу по полкроны въ день. Такъ и на всѣхъ другихъ работахъ по лагерю.

Печальная картина. И признаюсь, когда мнѣ говорили объ этомъ датчане, и говорили съ горькимъ укоромъ, что даже картофель выкопать для самихъ себя интернированные не находятъ возможнымъ безплатно, мнѣ становилось какъ то не по себѣ: краска стыда за своихъ соотечественниковъ покрывала мое лицо, и ничего не могъ я сказать не только въ оправданіе, но даже и въ объясненіе этого страннаго факта.

Но мимо этихъ печальныхъ явленій...

Мы встрѣтились, россіяне, пришедшіе съ разныхъ сторонъ: одни съ тяжелыми воспоминаніями переживаній плѣна, другіе съ впечатлѣніями молодой революціонной Россіи; у однихъ все въ прошломъ, другіе до боли полны настоящимъ, и этого достаточно, чтобы между ними установился тѣсный контактъ, и въ живой бесѣдѣ и обмѣнѣ впечатлѣніями незамѣтно прошелъ день. Днемъ угощали насъ датчане, а вечеромъ былъ обѣдъ въ офицерскомъ собраніи, и такъ какъ на слѣдующій день отправлялась партія инвалидовъ въ Россію, то офицеры устроили прощальную вечеринку-концертъ для своихъ добрыхъ знакомыхъ датчанъ.

Мило и задушевно прошелъ вечеръ; и не хотѣлось уѣзжать. Но уже поздно, завтра утромъ серьезныя и продолжительныя бесѣды съ германцами и австрійцами по цѣлому ряду поднятыхъ вопросовъ объ обмѣнѣ военноплѣнными, а сегодня мы и безъ того злоупотребляемъ любезностью молодого датскаго офицера, пріѣхавшаго съ нами въ качествѣ шоффера и задержаннаго нами до позднихъ часовъ.

Съ трудомъ распрощались мы съ нашими новыми пріятелями и темной ночью поѣхали въ Копенгагенъ, полные думъ о видѣнномъ и слышанномъ, и съ тревожнымъ вопросомъ: какъ встрѣтитъ молодая Россія тѣхъ, кто отдалъ все въ борьбѣ за родину и, радостный и полный надеждъ, возвращается домой?..

А всѣ они интернированные возвратились домой — это одинъ изъ результатовъ нашей конференціи. Я провожалъ кое-кого, уже будучи въ Стокгольмѣ, задержанный тамъ событіями въ Россіи.

Кончилась копенгагенская конференція. Я уѣхалъ, унося пріятное воспоминаніе объ Амаліенъ Боргъ, гдѣ во время войны, мы съ противниками занимались мирными дѣлами.

Мы поѣхали, по приглашенію норвежцевъ, въ Христіанію на конференцію тоже о военноплѣнныхъ. Здѣсь, при участіи представителей

Норвегіи, мы вели переговоры съ германцами и австрійцами о нашихъ военноплѣнныхъ. Норвежцы тоже оказали гостепріимство нашимъ военноплѣннымъ. Мнѣ не удалось побывать въ мѣстахъ интернированія нашихъ военноплѣнныхъ въ Норвегіи. Я спѣшилъ въ Стокгольмъ. Но мой товарищъ по конференціи посѣтилъ солдатскій лагерь и ему такъ понравилось, что онъ увѣряетъ, готовъ пожить тамъ нѣкоторое время, чтобы отдохнуть.

Спасибо большое нашимъ друзьямъ-норвежцамъ за все вниманіе и заботу о нашихъ страдающихъ братьяхъ. Во время конференціи норвежцы шли на встрѣчу дѣйствительнымъ нуждамъ и были милыми посредниками въ переговорахъ, стремившимися уладить споры къ общему благополучію.

Изъ Христіаніи путь нашъ былъ въ Стокгольмъ, гдѣ должно было состояться совѣщаніе съ Шведскимъ Краснымъ Крестомъ по вопросу, главнымъ образомъ, о транспортѣ. Вопросы были разрѣшены быстро, въ особенности, имѣя въ виду желаніе шведовъ помочь транспортировкѣ плѣнныхъ. Но какъ удастся провести въ жизнь то, что рѣшено — это другой вопросъ: вѣдь, положеніе въ Россіи теперь таково, что не съ кѣмъ разговаривать по дѣловымъ вопросамъ.

Мнѣ пришлось въ бытность въ Швеціи встрѣчать и провожать поѣзда съ инвалидами, перевозимыми изъ Австріи и Германіи. И то вниманіе, тѣ удобства, ту заботу, которыми пользуются мои соотечественники въ Швеціи, никогда не забуду, и не забудетъ этого русскій народъ.

Въ Стокгольмѣ я задержался и воспользовался гостепріимствомъ страны и досугомъ, чтобы наскоро набросать эти отрывочныя воспоминанія.

Пусть читатели не посѣтуютъ за то, что я имъ даю.

Но я не обѣщалъ писать имъ исторію Россійской революціи. Я обѣщалъ подѣлиться съ ними тѣмъ, что видѣлъ, участникомъ чего мнѣ довелсь быть.

Писать исторію еще не время. Она только творится. И настанетъ часъ, когда будущій историкъ будетъ вскрывать тайники сегодняшней нашей жизни.

Если взглядъ его случайно упадетъ па эту книгу, и онъ извлечетъ изъ нея хотя что-нибудь, что дастъ ему возможность освѣтить малѣйшую деталь, я буду считать, что не даромъ использовалъ свой невольный досугъ.

XV. ЗАКЛЮЧЕНІЕ. ОЦѢНКА СОВРЕМЕННАГО МОМЕНТА.

Какъ ни тяжелы переживаемыя въ настоящее время событія, но они не должны вселять сомнѣнія въ успѣхѣ русской революціи, такъ какъ коллективный разумъ и коллективная любовь къ родинѣ переработаютъ все въ такомъ направленіи, что строительство новой молодой Россіи пойдетъ по правильному пути.

Къ тому же всѣмъ, имѣвшимъ счастье находиться во время революціи въ Россіи и принимать участіе въ современной жизни, было ясно, что начавшаяся такъ красиво русская революція должна была пройти черезъ тотъ кошмарный и кровавый этапъ, виновниками котораго являются опоздавшіе къ революціи люди, огорченные, что таковая произошла безъ ихъ участія, и рѣшившіе во что бы то ни стало продолжать и "углублять" революцію. Для этого они воспользовались легко воспринимаемымъ несознательными массами лозунгомъ, отвѣчающимъ утомленнымъ войной гражданамъ, съ одной стороны, и съ другой, — трусливымъ душамъ, убѣгавшимъ отъ войны всегда, — и при старомъ режимѣ и при новомъ, — не желавшимъ защищать ни царскую, угнетавшую всѣхъ Россію, ни Россію революціонную, сумѣвшую въ короткое время провести въ жизнь такую сумму правъ гражданъ, какой не обладаетъ ни одна страна въ мірѣ.

Революція началась красивымъ жестомъ.

Стоило только серьезно сказать старому правительству, доведшему Россію до позора: "уходи вонъ", какъ оно вынуждено было выполнить немедленно этотъ приказъ и удалиться безъ сопротивленія. И потому революція совершилась почти безъ кровопролитія, безъ жертвъ. Старый, обветшавшій строй палъ, какъ ветхая одежда, которую быстро снимаютъ и выбрасываютъ вонъ, какъ совершенно ненужную вещь.

И въ этомъ именно и заключалась красота нашей революціи. Она пришла во время и отвѣчала чаяніямъ и настроеніямъ всѣхъ безъ исключенія.

Съ какимъ восторгомъ принята была вѣсть о переворотѣ всѣми!

Я встрѣчался съ людьми самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій и настроеній и ни отъ кого не слышалъ ни слова укоризны по адресу дѣятелей революціи, ни одного указанія, что дѣлать этого было нельзя, что оно было несвоевременно. Нѣтъ, всеобщая радость, общій восторгъ вызвали первыя событія о переворотѣ, о сверженіи стараго строя, столь опостылѣвшаго всѣмъ.

Надо было видѣть тѣ грандіозныя манифестаціи, которыя происходили въ городахъ по поводу происшедшаго, въ честь новаго будущаго. Многотысячныя толпы народа выходили на улицу и манифестировали свои чувства передъ только-что народившимися революціонными организаціями и органами революціонной власти. И эти толпы, всегда въ прошлое время разгонявшіяся полиціей, проходили стройными рядами и хотя запружали улицы, но не было ни одного несчастнаго случая, ни одной жертвы. И это непривычное въ жизни русской толпы явленіе — ясный показатель, какъ серьезно радостно принято было осуществленіе въ россійской жизни началъ свободы.

Казалось, жившая вѣками закрѣпощенной Россія привыкла все-таки къ свободной жизни и восприняла ее легко и безъ потрясеній.

И думалось, что пройдетъ короткій промежутокъ времени первыхъ восторговъ и упоенія свободой и начнется строительство новой жизни, столь необходимое для блага всѣхъ народовъ, населяющихъ необъятныя шири нашей страны, и для блага всѣхъ другихъ народовъ, нормальному развитію жизни которыхъ не могла не мѣшать близость къ нимъ страны, гдѣ еще не были сброшены цѣпи вѣкового рабства.

Но свобода народамъ никогда не давалась дешево и безъ жертвъ. И было бы большой наивностью расчитывать, что Россія покажетъ невиданный въ исторіи примѣръ легкаго освобожденія отъ путъ рабства и перехода къ новой свободной жизни столь же красиво, какимъ было начало революціи, первые моменты ея. Нѣтъ, необходимо было испить чашу до дна.

Новой Россіи не страшна была, правда, контръ-революція, выступленіе старыхъ силъ, недовольныхъ приходомъ новыхъ дѣятелей. У нихъ, этихъ старыхъ силъ, не было почвы подъ ногами, не было на кого опереться, ибо очень ужъ измучены были всѣ старымъ произволомъ. И контръ-революція, въ ея обычномъ пониманіи, не угрожала молодой Россіи.

Равнымъ образомъ, не страшны были молодой Россіи и попытки революціонныхъ авантюристовъ вести перманентную революцію, хотя эти послѣдніе опирались и опираются какъ-будто на широкіе массы взбудораженнаго народа, которому они выкидываютъ очень понятные и весьма пріемлемые лозунги. Молодой Россіи они не страшны.

И это утвержденіе я позволяю себѣ дѣлать въ то время, когда Россія переживаетъ серьезный кризисъ, и когда на улицахъ многихъ городовъ происходитъ гражданская война, когда всюду царитъ анархія, и революція приняла кровавыя формы междуусобной войны и

грозитъ въ потокахъ крови затопить съ такимъ трудомъ, цѣною вѣковой борьбы лучшихъ сыновъ Россіи, только-что добытую свободу.

Я позволяю себѣ утверждать это потому, что меня не оставляетъ вѣра, что гипнозъ пройдетъ, и стремленіе къ нормальной здоровой жизни приведетъ, наконецъ, страну къ прекращенію междоусобицы и возстановленію необходимаго порядка для возсозданія дѣйственной жизни свободныхъ гражданъ новой Россіи.

Повторяю, этотъ этапъ необходимо было пройти, — слишкомъ мало культурны мы были, и слишкомъ долго угнетало насъ старое правительство, дѣлавшее все возможное, чтобы не дать народу образованія и отдалить его отъ всѣхъ завоеваній культуры. И приходится теперь самому народу кровью своей, проливаемой въ междоусобной войнѣ, вызванной революціонными авантюристами, расплачиваться за грѣхи старой царской власти.

Но если мнѣ не представляются слишкомъ опасными для дѣла свободы и революціи мятежныя выступленія ни справа, ни слѣва, то я вижу глубокую и серьезную опасность.

Она въ слѣдующемъ.

Продолжительное безправіе русскаго народа не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ въ жизни его. Само собою разумѣется, что оно не могло не отразиться на многихъ сторонахъ жизни и въ пореволюціонный періодъ.

Привычка работать за страхъ или изъ жажды наградъ тоже отразилась на нравахъ и обычаяхъ нашихъ.

И вотъ, когда оковы рабства спали, и народамъ Россіи революціей была предоставлена вся сумма правъ, то въ сознаніи самыхъ разнообразныхъ слоевъ это претворилось чрезвычайно своеобразно.

Предо мной, какъ военнымъ комиссаромъ и затѣмъ командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа, съ самаго начала революціи и почти до послѣднихъ дней проходила людская волна.

Ко мнѣ въ кабинетъ приходили всѣ, кто только хотѣлъ. И старый, посѣдѣвшій генералъ, и молодой прапорщикъ, только-что оторванный отъ школьной скамьи, и солдатъ съ фронта, усталый и загорѣлый отъ лучей солнца, вѣтра, и непогоды, и тыловой солдатъ, сумѣвшій провести всю войну внѣ фронта, недавно призванный молодой солдатъ, и сорокалѣтніе и старше, приходили и чиновники, и рабочіе, и работницы и банкиры, и промышленники... Приходили и по своимъ личнымъ дѣламъ и по порученіямъ организацій, комитетовъ, совѣтовъ, по дѣламъ общественнымъ.

И кто бы ко мнѣ не приходилъ, барышня въ шляпкѣ или работница въ платочкѣ, изящно одѣтый молодой человѣкъ, или въ простомъ платьѣ маляръ, по своему дѣлу или общественному, всѣ безъ исключенія говорили одно и тоже:

"Дай!"

Я только и слышалъ отъ всѣхъ, приходившихъ ко мнѣ гражданъ и гражданокъ:

"Мы имѣемъ право это получить", "Вы обязаны намъ это дать", "Мы имѣемъ право это требовать", "Вы обязаны наше требованіе выполнить", и. т. п.

Революція и ея завоеванія отобразились въ сознаніи рѣшительно всѣхъ въ видѣ суммы безграничныхъ правъ, и всѣ наперерывъ стремились осуществить эти свои вновь завоеванныя права.

Но никому изъ приходившихъ ко мнѣ массъ людей не приходило въ голову, что у гражданъ существуютъ не только права, но и обязанности, и что, чѣмъ больше правъ, тѣмъ гораздо значительнѣе обязанности. и что именно новой строй жизни молодой Россіи требуетъ отъ всѣхъ полнаго напряженія силъ въ постояннной работѣ на общее благо, включая до принесенія себя въ жертву.

И вотъ именно это обстоятельство, что отъ революціи громаднымъ большинствомъ гражданъ взято только пониманіе и признаніе своихъ правъ, но не обязанностей, является наибольшей угрозой самой революціи и свободѣ.

Именно этимъ объясняется чуть ли не откровенно пущенный лозунгъ: "Рви, что можно". Этимъ объясняются и повышенныя требованія служащихъ и рабочихъ, какъ въ смыслѣ чрезмѣрнаго увеличенія заработной платы, такъ и въ смыслѣ сокращенія числа рабочихъ часовъ, и національныя устремленія къ осуществленію немедленно и во всѣхъ областяхъ и формахъ автономіи и самостоятельности еще до рѣшенія этого вопроса Учредительнымъ Собраніемъ, сорваннымъ въ настояшее время послѣднимъ выступленіемъ большевиковъ, сыгравшихъ на томъ же: "Рви, что можно".

Этимъ объясняется и невозможность, при всемъ желаніи серьезныхъ революціонныхъ дѣятелей, установить разумную дисциплину въ войскахъ, основанную не на страхѣ наказанія, а на сознаніи своихъ обязанностей передъ страной и народомъ...

Этимъ, именно этимъ, объясняется и многое другое въ нашей жизни...

Но если намъ приходится въ настоящее время переживать крити-

ческій періодъ революціи, и если въ настоящее время безумно льется народная кровь въ междоусобной борьбѣ, то это не можетъ убить вѣру въ торжество революціонной правды и не можетъ заставить думать, что уроки прошлаго пройдутъ безслѣдно, и мы окажемся на развалинахъ только-что начавшагося строиться замка счастья.

Нѣтъ, возврата къ прошлому быть не можетъ, и ключи счастья въ рукахъ самаго народа, который, въ конечномъ счетѣ, не можетъ сбиться съ вѣрнаго пути къ строительству новой Россіи!

Но посмотримъ, какъ совершилась послѣдняя "революція".

"Смольный имѣетъ сегодня видъ какой то осужденной крѣпости, готовой по первому сигналу отразить всякое нападеніе. Зданіе окружено пулеметами; пулеметы стоятъ и въ окнахъ второго и третьяго этажей. У входа въ институтъ стоятъ зенитныя орудія. Кругомъ много автомобилей и четыре броневика."

Такъ описываютъ газеты отъ 25 октября (8 ноября) вооруженіе революціоннаго штаба въ день ноябрьскаго выступленія большевиковъ для захвата власти.

Ничего подобнаго не было у Таврическаго дворца въ день переворота въ февралѣ (мартѣ) текущаго года, когда царская власть должна была уступить свое мѣсто революціонной власти, свергнувшей деспотизмъ и водрузившей знамя свободы на мѣстѣ былого произвола.

Если въ таврическомъ дворцѣ въ дни великой революціи появились войска, то это лишь были тѣ солдаты и офицеры, которые по собственному почину пришли туда, чтобы выразить свою вѣрность новому строю и придти на помощь Временному Правительству.

Я не былъ въ Петроградѣ ни въ дни великой революціи, ни въ дни выступленія большевиковъ. И въ первый и во второй разъ я наблюдалъ событія Петрограда изъ прекраснаго далека: первый разъ съ благословеннаго юга Россіи, гдѣ теперь тоже льется братская кровь, второй — изъ мирной и спокойной Швеціи, гдѣ разыгравшіяся въ Петроградѣ событія заставили меня остановиться въ ожиданіи лучшихъ дней и возможности вернуться на родину для новой работы.

Поэтому мнѣ приходится говорить объ этихъ событіяхъ лишь по газетнымъ свѣдѣніямъ и разсказамъ очевидцевъ, дающихъ черты и детали совершавшихся на ихъ глазахъ событія.

Не время еще расцѣнивать эти событія во всей глубинѣ. Я остановлюсь здѣсь только на отмѣченновъ мною фактѣ. Мирное и безоружное выступленіе дѣятелей февральской (мартовской) революціи, выступившихъ и свергнувшихъ старое правительство безъ подготовки

для этого вооруженныхъ силъ и накопленіе таковыхъ, какъ для обороны, такъ и для наступленія, и собираніе сильныхъ военныхъ отрядовъ и военно-техническихъ средствъ для самообороны и нападенія дѣятелей ноябрьской "революціи".

Прибавимъ къ тому же, что мартовскіе дни подготовлялись въ полной тишинѣ, въ привычномъ для русскихъ революціонеровъ подпольѣ, тогда какъ дни ноябрьскіе были у всѣхъ на виду, и о нихъ громко говорили въ печати всѣхъ направленій и на закрытыхъ и открытыхъ митингахъ.

Значитъ, въ первомъ случаѣ совершенно нельзя было учесть настроенія массъ, тогда какъ во второмъ таковое поддавалось полному учету, ибо массы имѣли возможность манифестировать свои чувства и свое отношеніе къ происходящему и тому, что подготовлялось.

Прибавимъ еще, что въ ноябрьскіе дни пускались лозунги, такъ понятные и столь заманчивые для широкихъ народныхъ массъ, тогда какъ въ мартовскіе дни передъ революціей не было громкихъ словъ, не было крупныхъ обѣщаній, а было лишь одно желаніе, одно стремленіе удалить изъ россійской дѣйствительности вѣками царившій тамъ произволъ и установить нормы свободной жизни свободнаго развитія всѣхъ людей безъ исключенія.

И тотъ фактъ, что смѣна стараго строя произошла такъ легко и воспринята столь радостно, что не нашлось мѣста для насильственныхъ дѣйствій однихъ надъ другими, ясно показываетъ, что начала жизни, провозглашенныя въ дни мартовскаго переворота, были чаяніемъ всѣхъ безъ исключенія гражданъ, и что въ то время дѣятели революціи опирались дѣйствительно на широкія массы, на всю Россію.

Какъ по мановенію жезла волшебника вступали въ жизнь новыя формы ея, и была осуществлена дѣйствительная свобода. Не то сейчасъ.

Лозунги брошены, повторяю, пріемлемые и заманчивые для широкихъ массъ населенія. Дѣлатели новой, ненужной "революціи" громко кричатъ о томъ, что они опираются на весь народъ, что всѣ съ ними и за нихъ, и, между тѣмъ, они должны окружать себя броневыми автомобилями, пулеметами, вооруженными солдатами, и кровь льется по всѣмъ городамъ и весямъ великой и многострадальной Россіи.

Переворотъ, произведенный кучкой революціонныхъ авантюристовъ, не воспринятъ Россіей и не проведенъ въ жизнь такъ легко и просто, какъ революціонный переворотъ мартовскихъ дней, явившійся

откликомъ на вопль души всѣхъ безъ исключенія измученныхъ старымъ режимомъ россійскихъ гражданъ.

Въ этомъ разница двухъ моментовъ революціонной жизни Россіи.

Если въ первомъ, мартовскомъ, переворотѣ чувствовался огромный подъемъ, и это была дѣйствительная революція, то во второмъ, ноябрьскомъ, мы имѣемъ всѣ симптомы революціоннаго авантюризма, чреватаго послѣдствіями и могущаго повести страну, если не къ гибели, то къ новымъ тяжкимъ испытаніямъ и утратѣ только-что завоеванной свободы.

И если теперь идутъ изъ Россіи вѣсти о побѣдѣ большевиковъ и утвержденіи ихъ власти, а не власти соціалистическихъ и демократическихъ круговъ русскаго народа, тѣмъ хуже, — это показываетъ, что мы можемъ теперь перейти ту грань, за которой прекращается свободная жизнь великаго народа.

Большевики выкинули слишкомъ заманчивые на первый взглядъ для самыхъ широкихъ массъ лозунги.

Одинъ кличъ: "миръ" можетъ увлечь за собой толпы.

Затѣмъ немедленное уничтоженіе частной собственности на землю. Это ли не пріемлемый лозунгъ?

Нѣсколько болѣе туманный, но все же кажущійся заманчивымъ — контроль рабочихъ надъ производствомъ, тоже долженъ привлечь сердца рабочихъ.

Всѣ наиболѣе вліятельныя группы населенія, — солдаты, крестьяне, рабочіе, — получили заманчивыя обѣщанія. Конечно, это лишь словесныя обѣщанія, фальшивые векселя, по которымъ дѣлатели "революціи" платить никогда не собирались, ибо они не въ состояніи этого выполнить. И если бы ихъ оставили въ покоѣ, то въ теченіе двухъ недѣль они изжили бы себя, и тотъ самый народъ, тѣ самыя массы, которыя по утвержденію большевиковъ пошли за ними, растерзали бы ихъ на куски, ибо широкія обѣщанія обязываютъ.

И на первый взглядъ кажется, что не слѣдовало бы вступать въ борьбу съ большевиками, а просто передать имъ власть, которая поведетъ ихъ самихъ къ самоубійству. Тогда какъ теперь имъ дали въ руки козырь, возможность оправданія передъ судомъ исторіи за тотъ обманъ, который они позволили себѣ для временнаго захвата власти. Они могутъ говорить теперь, что имъ не дали возможности "спасти Россію" и "осчастливить міръ".

Но это только на первый взглядъ...

Если теперь выступленіе противъ большевиковъ повело къ обиль-

нымъ кровавымъ жертвамъ, то болѣе позднее стоило бы дороже, такъ какъ шире и шире разливался бы пожаръ анархическихъ выступленій, и справиться съ нимъ можно было бы большимъ пролитіемъ крови своего же народа въ междоусобной борьбѣ.

Пусть телеграфныя сообщенія увѣдомляютъ насъ о побѣдѣ большевиковъ чуть ли повсюду, тѣмъ не менѣе мы не можемъ терять увѣренности, что эта безнадежная авантюра не можетъ кончиться торжествомъ и должна потерпѣть неудачу.

Нѣсколько затянувшійся процессъ ликвидаціи мятежа можетъ только повести къ тому, что палка перегнется въ другую сторону, ударитъ "однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику" и надолго отодвинетъ завоеванія великой русской революціи

Этого ли хотѣли большевики?

Если искренніе большевики этого не желали, то многіе ихъ сотрудники, ставшіе большевиками послѣ перваго марта, сбросивъ съ себя полицейскіе и жандармскіе мундиры и гороховыя пальто охранныхъ филеровъ, несомнѣнно стремились именно къ этому.

Кромѣ вышеуказанныхъ лозунговъ, большевики свое выступленіе оправдывали и объясняли еще лозунгомъ борьбы за Учредительное Собраніе.

Они утверждали, что Временное Правительство саботировало Учредительное Собраніе, а вотъ молъ они стоятъ за скорѣйшій созывъ собранія.

Казалось бы лозунгъ хорошій, и что дѣйствительно необходимо изстрадавшейся и истомившейся отъ неопредѣленности и неустойчивости современнаго положенія Россіи, такъ это именно скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія.

И что же мы видимъ?

Выработали законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Приняли его и опубликовали. Создали сложный механизмъ выборовъ. Не забыли, кажется, никого. Внесли необходимыя измѣненія по требованіямъ и заявленіямъ тѣхъ или иныхъ обиженныхъ или обойденныхъ группъ. Назначены сроки представленія списковъ, намѣчены сроки самихъ выборовъ и уже фиксировано время созыва Учредительнаго Собранія — конецъ ноября, какъ вдругъ — захватъ власти, кровавая междоусобная война и, конечно, срывъ Учредительнаго Собранія.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно производить выборы въ такое время, какое переживаетъ теперь страна. При кровопролитныхъ стычкахъ, отсутствіи гарантій личности, свободы собраній, слова, пе-

чати. Само собою разумѣется, невозможно, и собраніе сорвано и сорвано именно тѣми, кто и возстаніе то поднималъ именно въ пользу скорѣйшаго созыва его.

Что то непостижимое, просто безумное чувствуется въ этой авантюрѣ, именуемой по недоразумѣнію новой россійской революціей.

Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, инищіативѣ котораго принадлежитъ настоящая попытка переворота и захвата власти, сумѣлъ повести дѣло такъ, что захватъ этотъ произвелъ, не дождавшись даже открытія Съѣзда Совѣтовъ, созваннаго тоже по его почину.

Пусть онъ дѣйствовалъ здѣсь вопреки ясно и опредѣленно выраженной волѣ представителей всѣхъ совѣтовъ въ лицѣ Центральныхъ Исполнительныхъ Комитетовъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, которые опредѣленно высказались противъ созыва этого съѣзда. Пусть цѣлый рядъ фронтовыхъ и даже тыловыхъ организацій и гарнизоновъ ясно и опредѣленно заявили, что созывъ съѣзда именно въ настоящее время, почти наканунѣ созыва Учредительнаго Собранія, производить несвоевременно. Пусть громко вся соціалистическая печать въ одинъ голосъ говорила о ненужности этого съѣзда. Нужды нѣтъ, всетаки съѣздъ былъ созванъ, и часть делегатовъ уже съѣхалась.

Казалось, слѣдовало съ рѣшеніемъ этого вопроса о захватѣ власти для передачи ее съѣзду Совѣтовъ, который еще не успѣлъ высказаться, считаетъ ли онъ своевременнымъ и полезнымъ для интересовъ революціи и демократіи дѣлать этотъ переворотъ и опасный опытъ теперь, именно теперь, за четыре недѣли до Учредительнаго Собранія, этого единственнаго и законнаго хозяина земли русской.

Еще одинъ лозунгъ.

Большевики пустили въ оборотъ слухъ, что Временное коалиціонное Правительство намѣрено сдать нѣмцамъ Петроградъ, а что они, большевики, не хотятъ допустить этой сдачи, хотятъ защищать Петроградъ отъ вражскаго нашествія.

Это, конечно, маневръ, на который могли попасться лишь немногіе наивные люди; но онъ былъ примѣненъ, и легенда о предполагаемой сдачѣ Петрограда и оборонѣ ея большевиками сыграла свою роль.

Таковы лозунги, подъ которыми выступили большевики.

Я позволю себѣ закончить настоящія воспоминанія тѣми мыслями, которыя я спѣшно набросалъ послѣ полученія первыхъ извѣстій о переворотѣ и отрывочныхъ шагахъ новаго "правительства".

вотъ онѣ.

Когда я разбираюсь въ сложной гаммѣ чувствъ, охватившихъ меня при полученіи извѣстій о томъ, что произошло тамъ, далеко, самое сильное чувство, которое я испытываю, — это чувство стыда.

Мнѣ стыдно, что моя родина допустила себя до такого позора, чтобы стать отданной подъ власть кучкѣ безотвѣтственныхъ авантюристовъ. Мнѣ стыдно, что они могутъ стоять у власти и какъ бы диктовать свою волю не только малосознательной Россіи и ея народнымъ массамъ, но пытаться диктовать ее всему міру.

И когда я прочиталъ объ опубликованіи секретныхъ договоровъ между Россіей и державами согласія, мнѣ стало стыдно за этотъ актъ предательства, хотя самъ я далеко не сторонникъ тайныхъ договоровъ, хотя бы и дипломатическихъ. Если бы дѣлатели современной "революціи" одновременно съ опубликованіемъ этихъ актовъ опубликовали подобные же акты центральныхъ державъ, тайные договоры, заключенные между Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей, тогда нельзя было ничего возразить противъ этого. Но, вѣдь, германскихъ договоровъ имъ не получить! Они могутъ, поэтому, опубликовать только акты Россіи и ея союзниковъ и сдѣлать все, чтобы скомпрометировать только одну сторону, оставляя другую въ лучезарномъ свѣтѣ чистоты. Это уже есть актъ предательства, и мнѣ стыдно, что во главѣ моей родины стали лица, способныя на это.

Съ самаго начала войны я всегда былъ сторонникомъ мира безъ аннексій и контрибуцій; и считалъ, что это необходимо для того, чтобы скомпрометировать самую идею милитаризма и вооруженныхъ захватовъ, рѣшенія международныхъ споровъ вооруженной силой. И когда русское революціонное Правительство громко сказало это и выявило свою волю, держа всетаки въ рукахъ мечъ и стараясь его заострить, чтобы имѣть возможность силой поддержать свое справедливое требованіе, я только привѣтствовалъ дѣятелей революціи, ставшихъ на такой путь. Но когда истинныхъ революціонеровъ смѣнили революціонные авантюристы, и когда они заявили это требованіе и немедленно предложили Германіи перемирія, мнѣ стало стыдно. Стыдно потому, что я видѣлъ въ этомъ путь униженія, по которому пошли нынѣшніе случайные руководители Россіи. И я не ошибся.

Германія гордо отвѣтила, что съ неизвѣстными людьми она заключать мира не будетъ, а войдетъ въ переговоры о мирѣ только съ людьми которыхъ изберетъ для этого Учредительное Собраніе. Руководители современнаго курса, а вмѣстѣ съ ними и вся Россія — получили

предметный урокъ отъ Германіи, и мнѣ стыдно и больно за свою дорогую родину.

Что же касается перемирія, то таковое при полномъ развалѣ арміи, къ которому все время вели и привели революціонные авантюристы, конечно, Германіи не нужно: она спокойно можетъ отвести всѣ свои войска съ русской границы противъ войскъ союзниковъ и оставить въ своихъ траншеяхъ только часовыхъ при нѣсколькихъ пулеметахъ, да группы солдатъ-стариковъ спеціально для братанія. Зачѣмъ же ей перемиріе? Но этимъ предложеніемъ Германія сумѣла воспользоваться для вящаго униженія моей многострадальной родины.

Она сказала: "Отведите свои войска на сто километровъ назадъ, и тогда мы сможемъ заключать съ Вами перемиріе".

Вотъ до какого позора довели наши самозванные руководители страну, и краска стыда заливаетъ лицо мое при одной только мысли, что это могло случиться.

Мнѣ, россіянину, стало стыдно за свою родину и за тотъ позоръ, до котораго довели ее въ процессѣ революціи.

Съ юныхъ лѣтъ я вѣрилъ въ революцію, какъ спасеніе моей родины. Я вѣрилъ къ тому же, что революція въ Россіи будетъ обновленіемъ не только ея собственной жизни, но и жизни всего міра. И эту вѣру донесъ я до сѣдыхъ волосъ и сохранилъ во всей чистотѣ еще юношескихъ порывовъ. Мои американскіе друзья, какъ я уже упоминалъ, говорили мнѣ не разъ, что на борьбу русскихъ революціонеровъ за свободу Россіи они смотрятъ какъ на борьбу за міровую свободу.

И этой мыслью привыкъ я гордиться.

Наконецъ, насталъ желанный часъ. Революція въ Россіи совершилась, порвались вѣковыя цѣпи рабства, и свобода величаво и во всей своей красотѣ встала передъ нами. Мы вздохнули свободно, и передъ нами засіяла заря счастья.

Но, увы, не долго это продолжалось. Пришли безотвѣтственные люди, которые въ революціи видятъ только разрушеніе и не признаютъ созидательнаго ея значенія, и повели Россію къ міровому позору, какъ бы сознательно компрометируя саму идею революціи, какъ обновленія и усовершенствованія человѣческой жизни.

Исчезла съ нашего горизонта краса жизни, и остались одни потемки буйнаго анархизма, подогрѣваемаго безотвѣтственными революціонными авантюристами, выкидывающими лозунги, подхватываемые жадной безсознательной толпой.

Болѣзнь эта, конечно, пройдетъ, но мнѣ до боли стыдно, что ро-

дина моя пошла по такому тяжелому и позорному пути. А еще стыднѣе то, что въ процессѣ нашей теперешней жизни можетъ быть надолго скомпрометирована сама идея революціи, та идея, въ спасительность которой я вѣровалъ въ теченіе всей своей сознательной жизни, и вѣру въ которую не теряю и теперь.

Да, чувство стыда — самое сильное чувство, которое я испытываю сейчасъ за свою родину.

Вотъ, что я писалъ двѣ недѣли тому назадъ.

И это чувство стыда не оставляетъ меня до сихъ поръ.

Но все же не оставляетъ меня вѣра, что здоровые корни жизни дадутъ возможность завершить начатое минувшей весной дѣло къ общему благу, и революція, начавшаяся такъ красиво и манившая насъ свѣтлыми надеждами, не закончится только тѣмъ, что одно насиліе смѣнится въ жизни другимъ, во всякомъ случаѣ не меньшимъ.

Не можетъ быть, чтобы народомъ были принесены такія жертвы во время борьбы съ насиліемъ лишь для того, чтобы измѣнить только формы насилія и объекты его.

Для этого не стоило дѣлать революціи!

Стокгольмъ, 5 дек. 1917 г.

